

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КОНАН

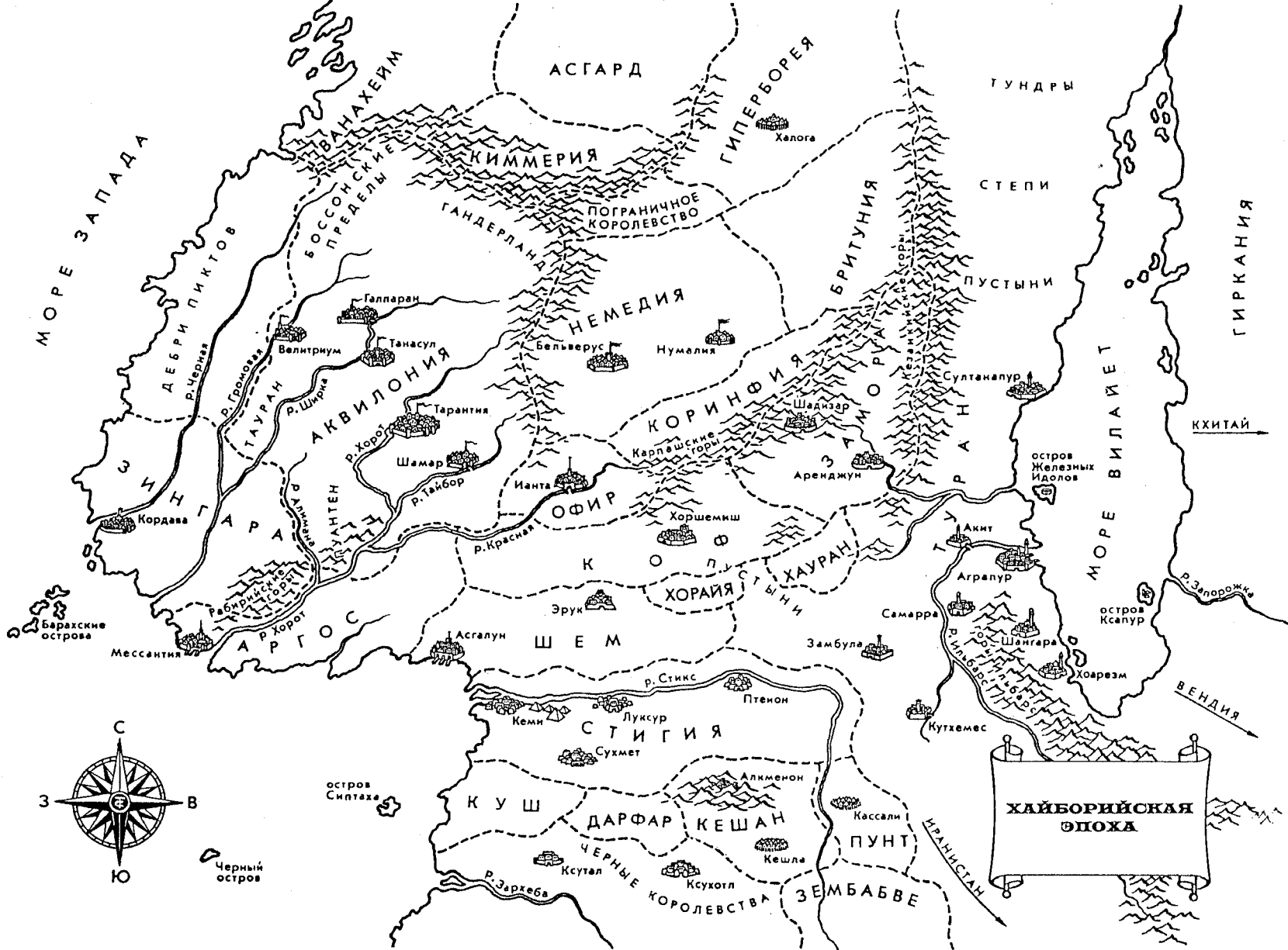
И ЖИВОЙ
ВЕТЕР

"Грин удивительный
рассказчик, его романы
о Конане читаются
за один вечер."

Д. Сэрэг де Камп.

Роланд
Грин

АБЭМКА
PUBLISHER

**КРОМ!
ЕЩЕ
ОДИН
НОВЫЙ
КОНАН**

Роланд Грин

КОШАН

И ЖИВОЙ ВЕТЕР

Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
Санкт-Петербург
1995

ББК 84.7 США
Г85

Roland Green. And the Gods of the mountain

Copyright © 1993 by Conan Properties, Inc.

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Перевод Александра Митрофанова

© 1995 «Терра» — «Азбука», русское издание

ISBN 5-300-00044-2

Пролог

Охотник принадлежал к клану Леопарда племени Кваньи. Он родился со зрением и слухом почти столь же острыми, как и у тотема клана. Чувства эти он отточил еще больше за годы, проведенные в лесах между рекой Гао на западе и Запретным городом Ксухотл на востоке.

Ни зрение, ни слух не предупреждали его ни о чем опасном, и было маловероятно, что в этой части леса ему что-либо угрожает. Это происходило у подножия самой Горы Грома. Охотнику были знакомы местные тропы и ручьи, родники и поваленные деревья еще до того, как его посвятили в мужчины.

Однако охотник несея, будто за ним по следу гналась целая стая драконов вроде того, что он нашел в лесу рядом с Ксухотлом.

Охотник не сбавлял темпа ни на мгновение в течение трех дней. Он бежал до тех пор, пока не мог больше ни бежать, ни идти, ни стоять, а лишь упасть замертво на землю и спать, как удав,

проглотивший свинью. Затем он просыпался, пил из ближайшего чистого источника и снова бежал.

Такая скорость не далась даром. Темная кожа была так облеплена грязью, что изображение лапы леопарда на правом плече — татуировка охотника и рисунок копья на груди — татуировка воина почти исчезли. Лишь на пятках виднелись ритуальные шрамы, означающие клановую принадлежность и говорящие, что следы оставлены ногами воина племени Кваньи.

Дышал он с трудом. Взгляд его был устремлен только вперед, он ничего не видел вокруг, и свисающие лианы время от времени больно хлестали по телу. Один раз обломок ветки сорвал с него набедренную повязку, так что дальше охотник бежал обнаженным.

Он мог бы бежать быстрее, если бы не тяжелое копье племени Кваньи — побег железного дерева в рост человека, с треугольным железным наконечником шириной с ладонь. Но расстаться с копьем и в голову не приходило охотнику: пока копье с ним, ни один воин Кваньи не усомнится в его храбрости.

Бег охотника неожиданно прервался: стопа зацепилась за торчащий корень, и охотник услышал, как хрустнула кость. Затем его пронзила боль — в голове от удара о гнилой пень и в поврежденной щиколотке.

Охотник лежал неподвижно до тех пор, пока боль не утихла, а он не убедился, что не потеряет вдруг сознания, — это означало бы смерть. Эта часть леса не представляла опасности для здорового и сообразительного охотника, тем более вооруженного; другое дело — для человека, лежащего без чувств.

Охотник решился наконец пошевелиться, приподнял голову и осмотрел щиколотку. Она уже распухла, и боль снова, будто огненное копье, терзала ногу. Он не сможет передвигаться до того, как придут дожди, или вообще никогда, если только люди с Горы Грома, Посвященные богу, не исцелят его. Примочки, слабительное и руки деревенских знахарок мало чем помогут ему.

В следующее мгновение охотник уже сомневался, что вообще доживет до того времени, когда Посвященные богу соизволят уделить ему внимание: там, где он до этого видел лишь лианы и толстые стволы деревьев, стояли четверо. У каждого было копье, один имел также и лук. Набедренные повязки, головные украшения, браслеты на ногах и татуировки — все говорило о том, что это воины клана Обезьяны.

Это ничуть не обрадовало охотника. Чабано, Верховный Вождь Кваньи, сам принадлежал к клану Обезьяны. Он не смог бы оставаться вождем в течение двенадцати лет, если бы позволял

членам своего клана вступать в междоусобицы с людьми из кланов Леопарда, Паука или Кобры. Однако было известно, что он смотрел сквозь пальцы, когда эти кланы несли незначительный урон — вроде исчезнувшего охотника, о судьбе которого ни люди, ни боги ничего не могли узнать.

Охотник снова пошевелился и, не обращая внимания на боль в затылке и щиколотке, подтянул ноги и поднял копье.

— Ха, ну-ка что у нас тут? — спросил самый высокий из четверых. — Кажется, один из «котят».

Охотник сдержался и не бросил столь же резкий ответ вроде: «Не твое дело, бабуин кастрированный». Еще будет время умереть с честью, когда он расскажет этим четверым о том, где он был и что видел там.

— Братья... — начал охотник.

Древки копий ударили в поросшую мхом землю.

— Здесь нет для тебя братьев, — прорычал один из воинов.

— Чабано говорит иначе, — ответил охотник, затем начал свой рассказ, не дав им времени оскорбиться. Он начал с того, как нашел мертвого дракона рядом с Ксухотлом, убитого, но что причинило смерть, охотнику осталось непонятным.

Этим он добился внимания самого высокого из Обезьян:

— По слухам, в тех лесах водятся драконы. Но еще больше историй о том, что ничто не может убить дракона. Возможно, непонятная тебе причина была старость или понос!

— Выслушай мой рассказ до конца, затем думай так, если хочешь, — произнес охотник. — Я опишу только то, что видел, и быстро, как только смогу.

Намек помолчать не остался не замеченным предводителем Обезьян. В следующий раз, когда один из воинов попытался прервать рассказ, древко копья, с силой опустившееся на пальцы его ног, восстановило тишину. Строгий взгляд оборвал ропот подчиненного и позволил охотнику продолжать.

Он рассказал, что хотел узнать, можно ли безопасно приблизиться к проклятому Ксухотлу теперь, когда охранявший его дракон мертв. Жизнь, казалось, покинула город, люди по крайней мере. Он рассказал о распахнутых воротах, через которые уже наползают джунгли, чтобы предъявить свои права на проклятый Ксухотл.

— Как далеко ты прошел? — спросил предводитель.

— Не так далеко, как хотел, — ответил охотник. — Я также слышал рассказы об огненных

камнях внутри города. Я искал их и обнаружил... — он проглотил слюну, — обнаружил, что проклятие Ксухотла наконец уничтожило его собственный народ.

Он говорил о телах мужчин и женщин, убитых всего несколько дней назад. Одни из них были умерщвлены оружием — мечами, копьями и ножами, — были следы даже зубов и ногтей. Других, казалось, поразила молния, и это в подземном зале, куда никакая молния не проникнет, если только не при помощи колдовской силы.

— И тогда я понял, что Ксухотл все еще проклят и что я могу тоже погибнуть, если останусь дольше в его стенах, — заключил охотник. — Я побежал из этого зала и из города. Однако я успел заметить, что недавно этим путем ушли и другие.

— Те, кто перебил народ Ксухотла? — Это спросил тот, кого прежде заставили замолчать ударом древка. Сейчас в его тоне слышались уважение и любопытство, а также и немалый страх.

От удовлетворения, что ему удалось завоевать внимание слушателей, охотник почти забыл о боли в щиколотке:

— Этого я не знаю. Могу лишь сказать, что один из них гигант, другой ростом со среднего воина Кваньи. Оба, кажется, снаряженные и обуты в сапоги.

Воины пристально посмотрели друг на друга, затем вокруг себя. Охотнику казалось, что во время рассказа он угадывал их мысли.

— Думаю, поэтому говорящие барабаны ничего не сказали. У колдунов, погубивших Ксухотл, могут быть и другие враги в нашей земле. Узнав о том, что их обнаружили...

Предводитель кивнул, и охотник подумал, не пересохло ли у него в горле тоже. Один из Обезьян отвязал свою флягу из тыквы и передал охотнику.

Охотник налил ритуальные капли на ладонь и окропил ими землю, затем попил. Когда горло вновь было в порядке, он отдал тыкву.

— Брат, я слышал правду в твоих словах, — сказал предводитель охотнику, затем обратился к своим товарищам: — Сделайте носилки. Мы отнесем его к Посвященным богу. Если промолчали барабаны — он должен с нашей помощью выполнить их работу.

— Если Посвященные богу такие, как говорят... — начал один из воинов.

— Последи за своим языком, а то доболтаешься до того, что окажешься в Пещере Живого ветра, — прорычал предводитель.

— Если Посвященные богу такие, как говорят, — все же настаивал тот, — то они уже знают.

— В таком случае мы не сделаем никакого вреда, — ответил предводитель. — Может, даже

будет немного пользы, если покажем, что и мы, рядовые воины, понимаем, какое зло может причинить колдовство.

— А если... — снова начал воин.

— В таком случае им необходима наша помощь в борьбе против колдунов, которые могут убивать драконов и уничтожать все живое в проклятом Ксухотле.

Эта мысль заставила воина замолчать, но, казалось, отнюдь не понравилась ни ему, ни его товарищам. Немного подумав, охотник решил, однако, что это ничуть не ущемляет достоинства воинов Обезьяны. Ему тоже не доставляла удовольствия мысль о колдунах более могущественных, чем Посвященные богу с Горы Грома.

Глава 1

В лесу между мертвым Ксухотлом и подножием Горы Грома звериной тропой шли те, следы чьих сапог видел охотник.

Одни следы принадлежали женщине, белая кожа и светлые волосы которой свидетельствовали, что южные леса и холмы — не ее родина. На женщине были рубашка и шелковые штаны, когда-то целые и чистые, но теперь не обладавшие ни одним из этих качеств. Дыры в обеих частях туалета позволяли видеть белизну ее кожи; волосы были повязаны куском красного шелка. Одежда, хотя и изорванная, все же достаточно хорошо сидела, подчеркивая роскошную грудь и бедра.

Сапоги ее были морского фасона. Сделанные из мягкой кожи, с широкими раструбами, они легко снимались, если окажешься в воде. То, что они не годились для ходьбы по звериной тропе в Черных Королевствах, было видно по тому, как часто женщина скрежетала зубами.

Шелковый пояс вокруг ее стройной талии держал побитый меч, морской кортик и острый кинжал с рукояткой, украшенной изображением тварей.

Женщина была высокой и крепко сложенной, однако спутник превосходил ее ростом более чем на голову, а мускулатура свидетельствовала, что он обладает не только ростом, но и силой великана. Одет он был так же, с той лишь разницей, что поскольку меч его был крупнее, держался он на широком кожаном поясе, на котором также висели три кинжала. Его черные волосы свободно спадали на широкие плечи, глаза цвета голубого льда заставляли вспомнить о Севере.

Глаза эти уже многие годы для немалого числа людей были последним увиденным ими в жизни. Великаном этим был Конан-киммериец, спутницей его — Валерия из Красного братства. Своим одеянием они были обязаны тому, что когда-то были пиратами в Барахе, а своим союзом — многим необычным обстоятельствам, последним из которых была смертельная битва в стенах Ксукотла. Врагами были и люди, и животные, вооруженные и сталью, и заклинаниями. В конце концов бой этот очистил проклятый город от последних остатков нечисти.

Бой этот дал также каждому из них по кинжалу. Ничего больше не хотели они брать из Ксукотла, слишком много зная о секретах горо-

да, чтобы с доверием относиться к предметам, захваченным в залах его строений. Залы эти были полны зловония от пролившейся в течение многих веков крови и произнесенных заклинаний и страха, который эхом отдавался в освещенных зеленоватым светом огромных помещениях, где пол из полированного камня устилала пыль рассыпавшихся скелетов.

Конан и раньше путешествовал по Черным Королевствам, если и не в этих джунглях, то почти в столь же дружелюбных. Он не боялся ни зверей, ни людей. Однако если бы воин Кваньи видел киммерийского странника, он бы рассмеялся, поскольку Конан так же часто оглядывался, чтобы посмотреть, не преследуют ли его какие-нибудь остатки зла из Ксукотла.

У племени Кваньи было табу, запрещающее оставлять покойников на месте их смерти, какого бы труда ни стоило перенести тело. Оставленное там, где дух покинул его, тело может быть снова найдено тем же духом и стать йаквеле, одним из ходячих мертвецов.

Так что как только люди Кваньи становились достаточно взрослыми, чтобы носить тяжести, они учились делать из подручных средств носилки. Молодые деревца, лианы, даже большие листья шли в дело.

Носилки для переноски трупов могли также сойти и для живых, которые не могли ходить. Охотник не успел бы выпить и тыкву пива, как все уже было готово, и он снова двигался. Двое Обезьян несли его, третий шел следом, в то время как предводитель шагал впереди.

Охотник заметил, что предводитель несет свое копьё обеими руками, держа поперек груди, готовый ударить им или бросить его. Это была охотничья экспедиция, так что воины не имели с собой щитов, но, похоже, предводитель не ожидал, что их посещение Горы Грома будет абсолютно мирным.

Более того, казалось, он желает, чтобы их присутствие не было замеченным. Дважды предводитель поднимал руку с копьём, чтобы остановить движение. Однажды он воспользовался охотничьим языком жестов, чтобы заставить всех укрыться в кустарнике.

Охотник понятия не имел, от чего они прячутся и почему, хотя во время первой остановки он услышал женские голоса и стук кувшинов в сетках из лиан, перекинутых за спину. Без сомнения, это была группа сестер-пивоварок, несущих кувшины с зерном в пивоварню либо, может быть, возвращающихся с пивом. Но что же заставило предводителя скрываться от них, будто они военный отряд племени Ичирибу?

У охотника не было ответа, по крайней мере такого, который поднял бы настроение. Он даже хотел напомнить предводителю, что Посвященные богу могут знать, что охотник просил позволения прийти к ним.

Посмеют ли воины противиться желанию Посвященных богу? Или они выполняют желание Посвященных богу, неся его на гору втайне?

Валерия прислонилась к дереву, каких Конан еще не видел. Пупырчатая кора располагалась на нем красными и белыми полосами, а из трещин между полосами лезли лишайники и грибы. На вид оно показалось киммерийцу ядовитым, но он напомнил себе, что это может быть просто из-за того, что оно незнакомое.

Он знал кое-что о Черных Королевствах. На самом деле он даже сидел там на троне и назывался почетным именем Лев-Амра. Но это было дальше на юго-восток отсюда, а не в двух днях пути от Ксухотла. Со временем они доберутся до знакомых Конану земель либо до царств, где он известен, но предстоит еще долгий путь.

Пока же киммериец знал меньше, чем ему бы хотелось, об этой земле и ее опасностях. Конечно, никакая опасность в джунглях не может сравниться с тем, с чем он и Валерия столкнулись и что преодолели в Ксухотле. Да и не было

у Конана недостатка в знании леса и охотничьим искусстве, в том, что позволит человеку выжить, будь он заброшен голым в необитаемые края.

Но Валерия в этих джунглях была как рыба, вынутая из воды, или, скорее, моряк на суше. Она, несомненно, предпочла бы болтаться на дыбе, чем признаться в этом, но она доверила Конану снова вывести их обоих к морю.

Валерия вздохнула и сбросила сначала один сапог, затем другой. Растирая сбитые ноги, она искала взглядом ручей. Поблизости его не было, но лужа, оставшаяся от последнего дождя, давала некоторую надежду.

Одна стройная нога уже готова была погрузиться в воду, когда Конан положил руку на плечо Валерии:

— Лучше оставь в покое стоячую воду. Эти волдыри могут воспалиться или привлекут пиявок.

— Это мои волдыри, Конан.

— Твои, но моя спина потащит твой вес, если ты не сможешь идти. Или, может, предпочтешь, чтобы я тебя бросил?

Это была грубая шутка киммерийца. По тому, как рука Валерии метнулась к кинжалу, взятому из Ксухотла, было видно, что шутки она не поняла.

— Спокойно, женщина, я пошутил.

— Шутки твои пахнут не лучше, чем ты весь.

— Себя понюхай, женщина, прежде чем жаловаться на запах другого. Любой из нас, войдя в Золотой якорь в Мессантии, мгновенно распугал бы всех посетителей.

Валерия натянуто улыбнулась и убрала ногу от лужи. Вместо этого она сорвала с низко повисшей ветки пучок листьев и обмакнула их в воду.

— Этого тоже лучше не делать, — сказал Конан. — И слепой, посмотрев на ветку, скажет, что здесь проходили люди.

— И что этот слепой будет делать с этим знанием? — огрызнулась Валерия. По крайней мере, на этот раз она не потянулась к стали.

— Если бы я это знал, то знал бы также, куда нам следует идти, чтобы сбить его или друзей с нашего следа, — ответил киммериец. — Это может нас немного задержать, но...

— Именем Митры, хотела бы, чтобы задержало! — воскликнула Валерия. Она посмотрела на сапоги, будто те нанесли ей смертельное оскорбление. — Любой, увидев, как ты гонишь нас, решил бы, что за нами по следу идет целое племя этих черномазых головорезов и заклинателей.

— Не могу поклясться, что не идет, — ответил Конан, затем спешно добавил, заметив, как сверкнули глаза Валерии: — Но я бы поспорил, что этого нет. Если бы ты не настаивала тогда

на том, чтобы отыскать свою одежду, мы выбрались бы из Ксукотла...

— Если бы я «не настаивала тогда на том, чтобы отыскать свою одежду»... Ты же знаешь, во что я тогда была одета.

Киммериец ухмыльнулся:

— Полегче, чем сейчас, клянусь. Конечно...

Валерия закатила голубые глаза к потолку джунглей, с видом женщины, у которой не хватает ни слов, ни терпения. Затем она, вздохнув, произнесла:

— Конечно, это совсем не подходило для путешествия сквозь джунгли. — В ее словах определенно была доля правды, ибо одежда состояла из полоски шелка вокруг бедер, и ни лоскутка больше. — А в гардеробах Ксукотла одежда была не многим лучше, — добавила она. — Что еще мы могли сделать?

— Ничего, согласен. Но на это ушло время, которое мы могли бы употребить на то, чтобы подальше отойти от города. Нам еще предстоит это сделать, и чем раньше, тем лучше.

— Это намек на то, что снова надо идти?

— Тебе, Валерия, я смею только намекать. Лишь Крому известно, что бы ты сделала, прикажи я тебе!

Валерия снова закатила глаза и на этот раз еще и высунула язык, но все-таки поднялась на ноги и надела сапоги. Ей не удалось полностью

подавить возглас боли, но Конан выразил свой комплимент Валерии тем, что позволил проделать эту операцию до конца самой.

Киммериец прибавил к проклятиям, уже вылитым им на головы жителей Ксукотла, еще одно за их убогую обувь. Лишь сандалии — пригодные для их полированных полов — использовались в течение стольких лет, сколько Конан еще и не прожил. Морские сапоги, которые были на нем и на Валерии, когда они отправлялись в Ксукотл, оказались самым лучшим, что можно было снова взять оттуда.

Но нельзя отрицать того, что сапоги эти не предназначены для быстрых и далеких передвижений. Еще день или два, и киммерийцу придется думать, где взять более подходящую обувь, где найти укрытие, чтобы переждать преследование, либо тропу, по которой Валерия могла бы идти босиком.

Подошвы же ног киммерийца были как из дубленой кожи и уже испытали на себе горячие пески пустыни Иранистана, но Валерия из Красного братства чувствовала себя увереннее на палубе. Еще несколько дней пути по этим тропам в такой обуви, и ее действительно придется нести.

Но не только это беспокоило киммерийца. Они не взяли из Ксукотла пищу, опасаясь яда или колдовства. Скоро им придется отыскивать

себе пропитание. Трехдневный пост не следует допускать даже киммерийцу, когда впереди тяжелый путь, возможно битвы.

По крайней мере, он может доверять женщине рядом с ним. Свою храбрость и искусство владения оружием она вполне продемонстрировала, и не только в Ксухотле. То, что она вообще смогла остаться в живых, будучи в течение стольких лет в Красном братстве, доказывает, что она незаурядный воин. У нее может недоставать опыта поведения в лесу, как, скажем, у киммерийца, но этому можно научиться, и опять же то, что Валерия вообще жива, доказывает — когда надо, она учится быстро.

Достаточно ли быстро она научится? Лишь боги знают, но Конан уже давно оставил всякую надежду получать от них своевременные ответы. Острый меч — надежный спутник, — и крепкие сапоги стоили всех молитв священников, какие только слышал Конан.

Впереди сквозь полог леса пробился луч солнца, окрасив пятно мертвой листвы цветом старого золота. Конан приставил ладонь ко лбу и взглянул вверх. Насколько он мог судить, полдень миновал недавно.

— О привале позаботимся задолго до сумерек, — сказал он не оборачиваясь. — И еще раньше, если найдем хорошее укрытие с чистой водой. Я поставлю силки, и мы сможем поискать

фрукты и ягоды, пока дичь не попадется в ловушку. Ты, я думаю, умеешь вязать узлы?

— Столько времени в море — и не уметь вязать узлы? Конан, у тебя помёт чаек там, где у других людей мозги!

Однако он слышал, что за возмущением скрывается облегчение и благодарность: Валерия скорее погибнет, чем признается в том или другом, конечно, так что лучше и не заставлять ее.

А что касается киммерийца, то он скорее погибнет, чем оставит Валерию. Он выхватил Валерию из кошмарных залов Ксухотла, спас ее, не дав престарелой ведьме Тасцеле принести Валерию в жертву. Он не отступит, пока они не просто достигнут берега, но пока не увидят хайборийского судна. Но сейчас между ними и тем счастливым мгновением лежат лишь Кром знает какие опасности.

Лишь Кром знает, а из всех богов, о каких когда-либо слышал Конан, холодный, суровый повелитель киммерийцев менее всех настроен отвечать на вопросы хнычущих людишек.

Теперь носилки с охотником несли все четверо воинов. Они уже высоко поднялись по склону Горы Грома, однако по тропе, не знакомой охотнику. Это мало что доказывало, так

как он поднимался так высоко — лишь четыре раза за всю жизнь — для ордалий и церемоний, которые требовали присутствия Посвященных богу.

Он предпочел бы все же идти, даже с помощью палки или с листом тыквы, чтобы облегчить боль в щиколотке. Ему было мало дела до пота и ноющих мышц воинов из клана Обезьяны, но он очень не хотел быть беспомощным. Он уже собирался попросить палку и снимающих боль листьев, но один взгляд на суровое лицо предводителя Обезьян остановил его. Этот воин вполне мог бы быть йаквеле, если бы только не струившийся по нему пот.

Охотник также знал, что не сможет много пройти, не рискуя повредить свою щиколотку так, что и Посвященные богу не будут иметь сил помочь. Племени Кваньи не много будет пользы в охотнике, который не сможет больше охотиться. Он станет как ребенок, который еще ни на что не имеет права — даже на пищу, если ее мало. Самое худшее, что могут с ним сделать Посвященные богу либо вождь Обезьян — даже сам Чабано, — было бы и быстрее, и менее болезненно, и более почетно, чем такая судьба.

Охотник откинулся на спину и закрыл глаза. Вскоре он почувствовал щекой нежное холодное прикосновение тумана и услышал крик паря-

щего в мрачном небе горного орла, который обитает выше той черты, где уже не растут деревья.

Конан раскрутил пращу. В высшей точке окружности камень отделился и, перелетев через ручей, попал в дерево, полное обезьян, — галдеж сменился криками ярости и страха. Они бросились врассыпную, роняя за собой листья, ветки и птичьи гнезда.

Одна обезьяна не кричала и не убегала. Получив смертельный удар камнем, она свалилась с ветви, отскочила от другой и плотно застряла в развилке третьей. От земли обезьяну отделяло такое расстояние, что не достали бы и шесть человек выше Конана, если бы встали на плечи друг другу.

Киммериец проклял весь обезьяний род, а также и изобретателя пращи. Но тут он заметил, что Валерия скидывает сапоги.

— Подстрахуй меня, Конан. Сейчас я достану наш обед.

Помня о пиявках, Валерия перескочила через ручей, хотя Конан видел, что она поморщилась от боли. Затем она уже лезла по дереву с обезьяньей ловкостью, карабкаясь способом, какой видел Конан на Черном Берегу, — ноги и корпус под прямым углом по отношению друг к другу,

руки охватывают ствол, как любовника, полные ягодицы в воздухе.

Двигалась она уверенно, отыскивая пальцами рук и ног мельчайшие неровности коры. Наклон ствола был как раз достаточен, чтобы ей карабкаться таким образом, и вскоре она добралась до обезьяны. Удар по ветке не дал результатов: ветка была слишком толстой. Валерия поднялась еще, проползла по ветке и столкнула обезьяну.

Обезьяна свалилась в высокую траву. Конан перешел через ручей, пошарил мечом в траве, насадил на него обезьяну и достал ее.

— Чего ты боишься? — крикнула Валерия.

— В этих джунглях не только в такой траве могут прятаться змеи. Укус аспиды действует не так быстро, как яблоки Деркеты, но результат будет тот же.

— Ты, киммериец, успокоил, будто жрец бога Сета, готовящий меня к жертвоприношению.

— Не убивай гонца, принесшего дурную весть. Это не я домогался тебя так, что тебе пришлось бежать из Сукхмета, а также не я решил, чтобы ты бежала в джунгли.

Там, где Валерия сидела, ей было не вынуть кинжал. Вместо этого она состроила страшную гримасу и стала искать чем бы кинуть. Ничего не найдя, она пожелала киммерийцу, чтобы тот питал предосудительную страсть к овцам, затем начала спускаться.

Спускалась она осторожнее и согнулась ниже — слишком низко, как она поняла, для ее штанов. Послышался треск, и вот уже ничто не укрывает ее округлый зад от воздуха джунглей.

Она закончила спуск с таким чувством собственного достоинства, на какое только была способна, и спешно прижалась спиной к стволу. Она глядела на Конана так, что было ясно — она не позволит ему даже и улыбнуться. Киммериец с трудом сдержал желание расхохотаться.

— Спасибо, Валерия, — сказал он, когда уже снова мог доверять своему голосу.

— Не за что, я полагаю, — ответила она. — Дерево мало чем отличается от мачты, а по ним я начала лазить, еще когда не стала женщиной. — Она сверкнула глазами: — Или ты думаешь, что я дура, которая может лишь приносить дичь, чтобы этим заработать себе долю?

— Я ничего не сказал.

— Ты, Конан, можешь больше сказать промолчав, чем многие, болтая с утра до ночи. — Она посмотрела на обезьяну. Встретив ответный взгляд мертвых глаз, Валерия отвернулась. — Ты разводи огонь, а я ее разделаю. Не думаю, что она очень отличается от рыбы.

— Отличается, но огня не будет.

— Огня... не будет? — Валерия произнесла эти слова так, будто они были страшным проклятием.

Конан помотал головой:

— Мне нечем выбить искру, нечем зажечь, а если и выбью искру, то еще неизвестно, кто может увидеть огонь или почувствовать дым.

— Есть обезьяну сырой?

— Довольно обычно в этих краях. Обезьяны питаются почти тем же, чем и мы, так что мясо их, обыкновенно, здорово.

— Но... сырой?

— Сырой.

Валерия поперхнулась, но в желудке было пусто, и рвота отпустила. Она прислонилась к дереву и обхватила его рукой.

— Если бы я знала это, Конан, я бы оставила твою проклятую обезьяну коршунам и муравьям!

— Неразумно, Валерия. Поголодай слишком долго, и коршуны и муравьи будут есть тебя.

На этот раз ее все-таки согнуло и стало рвать до тех пор, пока лицо не побледнело. После этого она осталась стоять на коленях, длинные пропитанные потом волосы скрывали лицо. Конан осторожно поднял ее на ноги.

— Давай, Валерия. Присядь где-нибудь, а обезьяной займусь я. Я знаю, какие части в невареном виде вкуснее, и шкуру я сдеру лучше.

— Шкуру? А, чтобы носить.

К облегчению Конана, рассудок ее, кажется, начал проясняться.

— Именно так, если, конечно, не предпочитаешь ходить по джунглям с голой задницей...

Она бросила в него палку.

Охотник знал, что голоса, которые он слышит, принадлежат Посвященным богу. В дальнем уголке сознания, который еще оставался незамутненным, была мысль, что ему следует бояться.

Охотник не боялся, хотя помнил, что испытывал страх, когда воины подносили его к Дому Посвященных богу. Дверь Дома была из бревен железного дерева, обшитого пластинами красного дерева, а на пластинах была изображена пунцовым и сапфировым спираль Посвященных богу.

Страх тут же исчез, когда дверь открылась и вышли лишь обычные люди, в набедренных повязках и головных украшениях, на которых тоже была изображена спираль. Они подняли носилки и внесли охотника в Дом Посвященных богу, оставив воинов Обезьяны стоять под вечерним дождем.

Затем охотник не только перестал бояться — он готов был расхохотаться... увидев разочарование на лицах воинов. Без сомнения, они мечтали, что их будут приветствовать как героев.

Лишь когда он увидел первого из Посвященных богу, он почувствовал снова страх, но ненадолго. Глаза Посвященного богу были совершенно белые, как у тех, кого поразила глазная гниль и кто обречен быть выгнанным в лес на съедение зверям, если никто не пожелает дать ему кров и пищу.

Однако Посвященный богу двигался так уверенно, будто мог сосчитать все лапки у муравья в самом темном углу зала, в котором лежал охотник. На Посвященном богу была лишь набедренная повязка, вполне возможно из змеиной кожи, с рисунком из оттенков розового и кино-вари.

В одной руке он держал посох длиннее его роста, увенчанный золотой спиралью, а в другой руке — сосуд из тыквы. От тыквы исходил едкий запах, кислый, сладкий и острый одновременно.

Не выпуская из рук посоха, Посвященный богу стал на колени рядом с охотником и жестом приказал ему сесть. Охотник повиновался, и тут же к губам его была приставлена тыква. Вкус напитка был столь мерзок, что поначалу он хотел выплюнуть его; когда обнаружил, что проглотил, его стало тошнить; когда питье достигло желудка, охотника чуть не вывернуло наизнанку.

Но затем ему стало казаться, что он пьет не что-то мерзкое и нечистое, а искуснейшим обра-

зом приготовленное пиво, сделанное из отборного зерна. Оно тут же ударило в голову, и охотник больше не чувствовал боли, даже в щиколотке.

Это не совсем его успокоило: щиколотка отекала, вокруг образовалась опухоль, а из нее сочилась отвратительная жидкость. Щиколотке следовало болеть, будто ее жгут раскаленным железом.

И все же она не болела, и вскоре он уже ходил, целый и невредимый, по полным кошмаров залам Ксухотла. Он не боялся, ибо с ним был Посвященный богу, и колдовство, заключенное в посохе, защитит от любого зла, живого или мертвого. Находясь там, он рассказывал Посвященному богу обо всем, что видел или подумал, и, казалось, Посвященный богу слышит каждое слово и берет его и помещает в свою память, будто зерно в гряде. Через некоторое время они вышли из Ксухотла тем же путем, что и вошли, и углубились в джунгли. Стены злого города растворились в зеленой дымке, и когда дымка рассеялась, охотник понял, что все так же лежит в Доме Посвященных богу.

Но щиколотка не болела по-прежнему.

Она не заболела, даже когда Посвященный богу стал производить над телом охотника сложные манипуляции. Это горячечный бред или же золотая спираль на посохе действительно вращается, будто омут в потоке?

Неважно. Когда Посвященный богу закончил, охотник обнаружил, что может встать и ходить. Он так и сделал и последовал за Посвященным богу туда, куда приказали, — вон из зала и вдоль по длинному коридору, который, казалось, пробит в монолитной скале. Стены были плотно увешаны головами тотемических животных всех кланов Кваньи. Охотник заметил, что там, где стена проступала, она окрашена оттенками, которым ему не хотелось подбирать названия, не говоря уже о том, чтобы произнести их вслух.

Затем они прошли мимо стены, сложенной из глыб, которую скрепляло, казалось, скорее колдовство, чем глина. Дальше находился зал, столь обширный, что охотник едва разглядел потолок, а дальней стены не увидел вообще.

А то, что лежало внизу... Лишь взглянув, охотник тут же отвернулся. Это не был страх перед клубящимся дымом или перед тем, что он может скрывать. Просто он сердцем чувствовал, что для него табу смотреть на этот дым и тем более видеть то, что этот дым скрывает.

Посвященный богу указал на сиденье, вырезанное в скале на самом краю уступа рядом с тем местом, где стоял охотник. Охотник сел, свесив ноги над бездной. Наверху он слышал голоса, и вот охотник остался один, а голос Посвященного богу, приведшего его сюда, присоединился к голосам других Посвященных.

Они пели на незнакомом охотнику языке и били в барабан, не похожий звуком ни на один барабан, слышанный им прежде. Или это не барабан, а звук их жезлов, стучащих об пол? Если те жезлы обиты железом, они могут звучать так, когда ими бьют по монолитной скале...

Стена дыма взметнулась перед ним и зависла, как кобра, готовая ужалить. Действительно, вершина так походила на голову кобры, что охотник чуть не вскрикнул: «Я не член клана Кобры. Я Леопард. Пришлите за моим духом леопарда».

Он понял, что не произнес этих слов и что это не поможет, даже если он будет взывать ко всем богам своего народа. Это место, где простые смертные бессильны перед лицом более древних сил, управляемых Посвященными богу.

И охотник не испугался. Не испугался он и тогда, когда дым окутал его и раздался вой могучего ветра, рвущего верхушки деревьев. Охотник почувствовал, что его поднимают и несут нежно, как ребенка, привязанного к груди матери.

Затем дым отступил. Перед охотником было пунцово-сапфировое сияние, клубящееся как дым. Он видел, как сияние поднимается вокруг, лишая его зрения, а также и всех других чувств. Охотник так и не понял, в какое мгновение

жизнь была высосана из его тела, так что на каменном сиденье осталась лишь пустая оболочка.

— Что это было? — пробормотал Конан. Он думал, что говорит лишь с собой, но Валерия спала не так крепко.

— Я ничего не слышала, — ответила она. Она перекатилась на другой бок и в десятый раз попыталась найти место, где бы корень куста, под которым они укрылись, не впивался ей в тело.

— Эх, — сказала она. — Корабельные нары — просто пуховая перина по сравнению с этими джунглями.

Конан поднял руку, требуя тишины, и хотя Валерия бросила грозный взгляд, но все-таки повиновалась. Киммериец подождал, пока не убедился — то, что донес до него ночной бриз, не появится снова.

— Может быть, ничего и не было. Но мне показалось, я слышал... да, если бы заклинание или злое колдовство могло издать звук, он был бы как раз таким.

Валерия села, и рубашка соскользнула с ее плеч. Она не обратила внимания, что обнажились ее роскошные груди, и сделала несколько оградительных жестов.

— Ты что, ведун, как мы называем их у себя дома? — спросила она.

Конан видел, что ей не очень нужен ответ. Действительно, он тоже был бы сейчас счастлив, не откройся вдруг у него способность чувствовать колдовство. Это и само было почти что колдовством, и Конану очень не нравилось, что он обнаружил это у себя.

Конан сражался со столькими волшебниками и колдунами, что не хватило бы пальцев на руках и ногах пересчитать их. Но всегда, когда у него был достойный выбор, он старался обходить стороной их проклятую породу.

— Никогда им раньше не был, — ответил Конан. — И предпочел бы им не быть. Вполне возможно, это ветер сыграл шутку. Я так давно не был в этих краях, что, может быть, позабыл что-нибудь.

По лицу Валерии было видно: она сомневается, что слышит правду, но голубые глаза киммерийца были спокойны и он улыбался. Мгновение спустя аквилонка улыбнулась в ответ, повернулась спиной и легла. Вместо груди можно было лицезреть прекрасной формы ягодицы, но Конан не смотрел на них. Он сидел скрестив ноги, положив перед собой меч, и ждал так же терпеливо, как тогда, когда следил в течение трех дней за сокровищами в Замбуле, чтобы разузнать повадки стражников. Ждал, потому что знал о

джунглях больше, чем признался в этом Валерии. Ничто в природе не могло издать такой звук, а то, чего нет в природе, довольно часто оказывается опасным.

Через некоторое время дыхание Валерии сделалось ровным, и она крепко заснула. Дыхание Конана также замедлилось, так что он мог показаться железной статуей в ночных джунглях. Лишь непрерывное движение глаз выдавало в нем жизнь.

Кто бы ни выслеживал их, Конан ничем не поможет своему врагу обнаружить себя и Валерию; врага ждет лишь острая сталь.

Глава 2

Сейганко, сын Байу, не был ни самым быстрым, ни самым сильным, ни самым высоким из воинов Ичирибу. Он был лучшим пловцом, что оказалось весьма полезным в борьбе его народа против Кваньи.

Он также был сообразительным воином, несмотря на молодость лет. Он думал, прежде чем использовать свою скорость, силу или рост. Таким образом, Сейганко искуснее использовал их, чем его более щедро одаренные товарищи.

Это служило источником зависти, а однажды даже стало причиной дуэли насмерть, из которой он вышел не только победителем, но и без единой раны. Но в еще большей степени это послужило источником уважения, которое он снискал себе со дней посвящения в мужчины до того дня, как Добанпу Говорящий с духами прочитал приметы и заявил, что Сейганко достоин того, чтобы за ним следовали в бою.

С того дня Сейганко командовал. Он всегда командовал на войне, когда призывали всех мужчин Ичирибу. Он также довольно часто командовал во время набегов и стычек, когда обычай или табу не требовали, чтобы командовал кто-либо другой.

Не все бои были для Сейганко столь же безобидными, как та дуэль. Да и не могло быть иначе в борьбе против такого врага, как Кваньи. Их верховный вождь Чабано сделал бы своих воинов грозными и без помощи Посвященных богу, благодаря лишь своему искусству владения копьем и мечом. С их помощью вождь мог бы очистить берега и острова Озера смерти от всех других племен и затем направить свое завоевание вниз по реке.

Сейганко повезло, что Посвященные богу и Чабано редко могли долго действовать сообща, а часто едва ли разговаривали друг с другом. В любое время для Ичирибу было важно знать о планах Чабано и о том, в каких он отношениях с Посвященными богу.

Вот почему Сейганко подошел к западному берегу Озера смерти в ту ночь, когда Конан сидел, охраняя под кустом Валерию.

Он и еще четыре воина тихо, как привидения, гребли на каноэ. Они продвигали каноэ сильными, уверенными гребками, так умело вынимая весла, что ни один всплеск не выдавал их при-

сутствия. Облака заволакивали луну, и в это время года рыба-лампа, чей свет, если ее потревожить, часто выдавал гребцов, здесь не водилась.

В сотне шагов от берега все пятеро гребцов, как один, вынули весла из воды. Каноэ по инерции проскользило еще пятьдесят шагов. Наконец нос его уткнулся в тростник, который местами рос так густо, что по нему вполне мог ходить ребенок.

Сейганко и его товарищи перелезли через борт лодки, производя столь же мало шума, как и на воде. Держась за борта, они беззвучно работали ногами, пока не нащупали илистое дно.

Каждый воин имел на себе лишь головное украшение и набедренную повязку из змеиной кожи, а из оружия — дубинку или трезубец, нож из обсидиановых пластин, вставленных в дерево, и сеть. Каждый был обильно смазан зловонным рыбьим жиром. От его вони всех, кроме Ичирибу, рвало. Жир скрывал запах живой плоти от рыбок, прозванных кастратками, которыми кишели воды вдоль берегов Озера смерти.

— Помните, — прошептал Сейганко, — нам не нужны пленницы. Если женщины побегут, не преследуйте их.

— А если останутся? — спросил один из воинов, оскалившись так, что это было заметно даже в темноте.

— Помните, что мужчина, берущий женщину, поворачивается к остальным спиной, — сказал Сейганко.

— Эй... — начал самый крупный из воинов. — Тебе-то не надо думать, где раздобыть следующую женщину, Сейганко. Теперь, когда...

— Попридержи язык, Аондо, — оборвал его третий воин, — или если Сейганко не вызовет тебя на дуэль, то вызову я. Ты ревнив так же, как и глуп.

Сейганко ничего не мог добавить к этим мудрым словам, хотя и знал, что его помолвка с дочерью шамана Эмвайей действительно возбудила много ревности. Эмвайя была самой красивой женщиной Ичирибу и заслуживала самого лучшего воина, но не все мужчины понимали это так же ясно, как она. Молодой вождь поклялся, что будет остерегаться удара в спину, пока огромный Аондо рядом, затем отполз влево к выбранному им укрытию. Остальные воины пошли следом, еле слышно шурша травой, так что движение их можно было проследить лишь по тихому жужжанию беспокоенных насекомых.

Не успела еще примятая трава подняться, как на тропе послышались голоса. Как часто и бывает, голоса принадлежали и женщинам, и мужчинам-воинам, охраняющим группу женщин, доставляющих пищу и прочие удовольствия вои-

нам в лагере там, где река Гао вытекает из Озера смерти.

Кваньи держали своих воинов также и на юге, охраняя пастбища и поля со злаками на другой стороне озера. Чабано с удовольствием держал бы там намного больше силы, чтобы совершать через перевал набеги на речную долину по другую сторону гор. То, что Ичирибу со своими каноэ имели власть над озером, мешало Чабано и лишь распаляло его ненависть к ним.

Вот кто-то из идущих по тропе Кваньи, более умный, чем его товарищи, призвал к тишине. Но призвал голосом столь же громким, как голоса остальных. Острый слух Сейганко позволил ему определить расстояние до говорившего, будто он протянул лиану. Если враг пройдет еще двадцать шагов — он обречен, как собака в зубах леопарда.

Кваньи прошли это расстояние, и Сейганко дал им пройти еще двадцать шагов и лишь тогда приложил к губам костяной свисток и свистнул. Если женщины сумеют убежать по тропе, неважно в каком направлении, это меньше будет отвлекать таких воинов, как Аондо.

Пронзительный звук свистка заставил на мгновение затихнуть и воинов врага, и зверей в джунглях. И в это мгновение все пятеро воинов Ичирибу выскочили из укрытия и набросились на противника.

Сейганко едва успел убедиться, что никто из его товарищей не задержался, как оказался перед лицом двух воинов. У обоих были тяжелые кожаные щиты и по три копья, которые Чабано выдавал каждому Кваньи. На открытой местности при дневном свете они могли бы устоять против воинов Ичирибу, и даже сейчас такого врага нельзя недооценивать. У Сейганко не было привычки недооценивать любого врага, поэтому он и жив до сих пор, в то время как его враги большей частью мертвы.

Он сделал обманное движение дубинкой, заставив одного противника поднять щит, накрыл сетью щит другого и резко дернул. Грузики с щипами по краям сети впились в тело воина и в кожу щита. Противник взвыл и неловко шагнул вперед, опустив щит так, что он перестал быть защитой.

На этот раз Сейганко ударил дубинкой по-настоящему. Удар расколол деревянное головное украшение и череп под ним. Тут же Сейганко развернулся, отвел ногой книзу копьё, которым бил его другой воин, и сократил расстояние так, что плотно прижался грудью к щиту нападавшего.

Воин оказался крепким: он с силой толкнул Сейганко, отбросив его назад. Сейганко сделал вид, что потерял равновесие, и упал на спину. Противник ринулся вперед, занеся в воздухе второе копьё.

Копьё вонзилось лишь в траву. Сейганко откатился в сторону и, перекатываясь, выбросил обе ноги. Противник споткнулся, бросил копьё, стараясь сохранить равновесие, и не заметил дубинки Сейганко. Описав внизу коварную дугу, дубинка прошла под щитом и раздробила ему колено.

Противник снова качнулся, но на этот раз не смог сохранить равновесие. Его щит уже не мешал Сейганко, и в следующее мгновение щит упал, так как рука, державшая его, была перебита еще одним ударом дубинки.

Поскольку поблизости не было врагов, Сейганко мог уделить внимание своим товарищам. Трудно было различить их среди массы орущих и убегающих женщин и носильщиков Кваньи. Большинство из них, как он и предполагал, бежали прочь от берега. И сейчас вслед за ними направлялись и воины Кваньи.

Сейганко призвал духов предков, чтобы те проклинали этих трусов Кваньи. Но трусы ли они? Не могут ли они подчиняться приказам Чабано, который вполне мог догадаться, что цель таких набегов — захват пленных?

Сейганко добавил и Чабано к тем, кого проклинал. Этот вражеский вождь так хитер, что опасен даже тогда, когда его секреты раскрываются. Если он смог научить воинов предпочитать бегство плену, он вполне может сохра-

нить много тайн, и каждая из них означает гибель Ичирибу.

Звук, похожий на любовный крик леопардов, возвратил внимание Сейганко к тропе. На расстоянии длины копья Аондо припер к стволу дерева женщину. Он уже сорвал с нее набедренную повязку и сейчас запихивал ее женщине в рот. И именно так, как не следовало делать, он повернулся спиной ко всему остальному, кроме женщины. Один воин Кваньи, лежа на окровавленной траве, перекатился, схватил копье и ударил.

Удар оказался не смертельным, потому что в последнее мгновение Сейганко несильно щелкнул воина дубинкой. Наконечник копья погрузился в зад Аондо всего лишь на толщину большого пальца. Аондо с криком подскочил больше от неожиданности, чем от боли, зажав рану рукой.

Одной рукой женщину было не удержать. Даже и не вспомнив о своей одежде, она исчезла в ночи. Аондо бросился вдогонку, налетел на щит воина Кваньи, который от неожиданности даже не поднял копья, и вступил в рукопашную схватку.

Сейганко подхватил упавшее копье, единственное оружие, которым можно было успеть дойти до места, где дрались эти двое. Оружие это было мало приспособлено для метания, для этого больше подошел бы рыболовный трезубец. Но

рука Сейганко была сильна и глаз верен. Ему и не нужно было поражать насмерть.

Копье прошло сквозь бедро Кваньи с такой силой, что наконечник показался с другой стороны. Воин взвыл, будто ужаленный огненными муравьями, и оттолкнул от себя Аондо. Сейганко подскочил к противнику, схватился одной рукой за древко и взмахнул дубинкой. Воин повалился, Сейганко выдернул копье, а Аондо оправился настолько, чтобы начать перевязывать рану пленника потерянной набедренной повязкой.

Имея двух пленников, которые не умрут до того, как с ними будет говорить Добанпу, набег можно считать удачным. Сейганко снова свистнул и, увидев, что все члены отряда откликнулись, обещал духам щедрую жертву.

Они не только откликнулись, но и быстро явились, ведя еще двоих пленных, одним из которых была женщина, шедшая не без желания. Она была почти девочкой, рубцы женской татуировки на руках и шее едва зажили. На женщине ничего не было, кроме этой татуировки и пера, вплетенного в волосы за ухом.

Аондо уже залез в воду — подогнать каноэ поближе, чтобы легче было грузить лежавших без сознания пленных. Казалось, он желает быть как можно дальше от Сейганко.

Каноэ заметно погрузилось в воду, когда уложили последнего пленного. Сейганко оглядел

судно, стараясь не показать сомнения. Он поклался, что в следующий раз, когда будет руководить набегом, на озере их будет ждать второе каноэ, чтобы при необходимости оказать помощь и вывезти пленных. А то...

— Ты нам не нужна, — сказал он девушке. — Возьми одежду у любого из убитых и возвращайся к своему народу.

Лицо девушки исказили ужас и ярость, и только сейчас Сейганко смог ясно разглядеть татуировку: таких он не видел на женщинах Кваньи.

— Ты не из племени Кваньи? — спросил он.

Девушка, казалось, ничего не поняла, кроме последнего слова, но, услышав его, она сделала жест, понятный любому: если у всех Кваньи леопарды выедают сердца, а мужские члены у всех воинов отгрызут шакалы, она будет лишь радоваться.

Сейганко решил, что девушку все-таки можно взять с собой. Он не позволит себе мучиться оттого, что оставил девушку на растерзание Кваньи.

Кроме того, она была симпатичнее, чем многие, хотя и не может сравниться с Эмвайей. Эмвайе не понравится, если он оставит девушку при себе, но дочь Говорящего с духами упоминала, что ей нужна новая служанка. Девушка вполне подойдет для этого, а со временем ее можно

будет снабдить приданым и выдать замуж за воина, который не может уплатить за невесту.

Он указал рукой на каноэ. Девушка посмотрела на воду, без сомнения страшась того, что там может скрываться. Затем оглянулась и посмотрела на землю, и лицо ее выразило еще больший страх оттого, что может ее ждать там. Она вошла в воду и залезла в каноэ с таким рвением, что чуть не опрокинула судно.

Каноэ, однако, не перевернулось. Оно даже осталось на плаву и после того, как на борт забрался Сейганко с осторожностью, с какой женщины сшивают кору для головного украшения. За тишиной следить теперь не было необходимости, так что весла тут же заработали, и груженная лодка скоро была далеко от берега.

Теперь воины начали болтать от облегчения и радости. Все, кроме Аондо. Он сидел посреди, орудуя веслом не хуже остальных, но разговаривая не больше пленников, лежащих без сознания в воде на дне лодки.

Это встревожило Сейганко, и, чтобы скрыть беспокойство, он давал своим товарищам лишь краткие ответы. Только когда они прошли больше половины пути назад к острову, он смог заставить себя принять участие в обмене шутками. И даже тогда он делал это больше из благоразумия: промолчи он слишком долго, и его воины подумают, что он недоволен их работой этой

ночью. Они могут начать чувствовать стыд и обиду, и у них будет меньше желания следовать за ним. Оставь верных воинов без награды слишком долго, и их больше не будет. Тогда такие, как Аондо, улучат момент — да и чести у них не будет достаточно, чтобы бросить вызов открыто.

— Эй, — сказал Сейганко. — Я никогда не видел, чтобы женщины так разбежались. Как вы думаете, может, они разбежались, увидев Аондо?

— Если это так, то в следующий раз я пойду без набедренной повязки. Тогда они побегут ко мне, а не от меня, — ответил Вобеку-Быстрый. Он похлопал девушку по плечу и не заметил, кажется, как она напряглась от его прикосновения.

Сейганко надеялся, что время, проведенное девушкой среди Кваньи, не сделало ее сумасшедшей. Эмвайе хватает забот, когда она ухаживает за своим отцом, после того как он произведет свою магическую операцию над пленниками. Она не поблагодарит обрученного с ней за то, что тот подбросит к дверям ее хижины девушку, как ненужного щенка, — а когда Эмвайя была недовольна, Сейганко и половина племени чувствовали это!

Валерия пробудилась от приятного сна, ей снилось, что она снова в море на борту судна. Ей мешало прикосновение могучей руки киммерий-

ца. Она хотела стряхнуть его руку со своего плеча, заснуть и снова отыскать тот сон.

Вместо этого она оттолкнула от себя воспоминание о солнечных бликах на воде и соленом бризе и села. Увидев, что Конан старается не смотреть на нее, Валерия поняла — она все еще не одета настолько, что об одежде можно было не беспокоиться.

Проведя рукой по волосам, она убедилась, что гребень был бы бесполезен, даже если бы он у нее имелся. Крепкий нож или даже небольшой топор — вот что нужно, чтобы привести волосы в порядок.

— Все нормально, Валерия?

— Проснулась и готова к вахте, Конан. Разве этого недостаточно?

— Если ты сомневаешься...

— Я не сомневаюсь в своей способности нести караул. У меня есть сомнения относительно причин, по которым ты хочешь, чтобы я была сонная и беззащитная.

Даже в темноте ей было видно, как трясутся массивные плечи Конана, который еле сдерживает смех. Она поняла, что дала волю своему язвительному языку без всякого основания... и это в ответ на вопрос, заданный из добрых побуждений.

Но были ли побуждения добрыми? Валерия заняла столь высокое положение в рядах Крас-

ного братства не без знания, что представляют собой интриги между мужчинами и женщинами, даже когда наградой является просто удовольствие в постели. Когда наградой могло стать столько золота, что на него можно было купить корабль или пятьдесят женщин, такие интриги скоро становились кровавыми, и те, кто учился этому недостаточно быстро, находили смерть — и очень часто какую угодно, только не быструю.

Одно она знала точно, что мужчина, предложивший женщине выполнить за нее работу, может пожелать плату за свою услугу. Таковую плату киммерийцу она давать не собиралась.

Если только он не такой, как остальные мужчины. Она действительно не встречала никого, похожего на него, — так далеко от родины, и все же готовый встретить любую опасность, будто он всюду как дома. Что, вероятно, недалеко от истины, если хотя бы половина того, что он рассказывает, правда.

Нет. В таком деле киммериец будет как и остальные мужчины. Если только он не евнух, а Валерия была уверена, что нет. Ведьма Тасцела дала это понять достаточно ясно: она бы никогда не преследовала евнуха так, как преследовала Конана.

Валерия встала, что еще больше повредило ее штанам. Она оглядела себя с отвращением, затем сморщила нос от запаха обезьяньей шкуры.

— Как скоро ее можно будет носить?

— Здесь жарко и сыро, так что подсыхает она медленно. Возможно, нам придется взять ее с собой и досушить в дороге. Если только мы не найдем соли...

Валерия плюнула, не попав, однако, в растянутую колышками шкуру. Затем сняла штаны и рубашку и мгновение стояла обнаженной, пока превращала рубашку в набедренную повязку.

— Вот, — сказала она. — Если почти все время будем в лесу, то деревья защитят мою кожу.

Она не могла не заметить восхищения во взгляде и в голосе Конана.

— Кроме солнца, есть еще и насекомые, Валерия.

— А как же куст каликантуса? Мне казалось, ты говорил, что его ягоды отгоняют и мошек и червей.

— Если ими натереть кожу, то да. Но некоторые покрываются волдырями.

— Лучше волдыри, чем всей быть искусанной насекомыми, — ответила она.

Конан пожал плечами:

— Тебе выбирать, женщина. По мне, так можешь обмазать себя любой вонью. Только лучше сделай это поскорее. Я бы хотел еще немного поспать.

Валерии было жалко, что Конан абсолютно не собирается ее обнять. Она вспомнила мгновения

их окончательной победы в Ксухотле, когда объятие его могучих рук было не только вполне уместным, но и приятным.

Если и придет снова такое время, то определенно не сегодня ночью. Она начала рвать ягоды, раздавливая их и втирая сок в кожу, не исключая и тех участков тела, которые будут защищены, как она надеялась, рубашкой, превращенной в набедренную повязку.

Соприкоснувшись с воздухом, сок ягод каликантуса вонял, как навозная куча. Однако он наверняка не подпустит ни насекомых, ни червей. Сок обжег, будто укусы пчел, волдыри на ногах, но затем, напротив, успокоил боль.

Когда она оделась, как только смогла, и села, Конан уже лежал под кустом. Киммериец едва там помещался, ноги его торчали наружу.

Крик, похожий на то, будто несчастного приносят в жертву, заставил Валерию вскочить на ноги. Она чуть не рассталась с набедренной повязкой. Женщина не обратила на это внимания и вынула меч.

Крик раздался снова, на этот раз его сопровождало тихое бормотание и писк. Какая-нибудь ночная тварь нашла себе добычу либо пару? Ни то ни другое не представляет для Валерии опасности... она уже раньше видела, как киммериец мгновенно просыпается и в следующий момент уже готов к бою. Даже сейчас рука его лежала

на рукояти меча, хотя он вложил меч в ножны, чтобы защитить его от сырого воздуха джунглей.

Она поглядела некоторое время на массивную руку, пока мечты о солнце и корабле в море не уступили образу покрытой шелком постели в благоухающей спальне: уже приготовлено вино... только руки ее и Конана заняты более приятным делом.

Желудок ее свело, и она испугалась, что обезьянье мясо все-таки собирается отомстить. Затем головокружение прошло, и вернулась ее прежняя гордость.

Ведь она Валерия из Красного братства, она ела еду и похуже, чем мясо обезьяны, и не блевала. Она не позволит, чтобы эти жалкие джунгли одолели ее, тем более когда рядом этот проклятый киммериец, который может над ней смеяться!

Добанпу Говорящий с духами имел в своем распоряжении помещение, которого хватило бы для полудюжины семей Ичирибу. Мало кто из членов племени завидовал этому, несмотря на то что свободной земли на острове становилось все меньше.

Никто не трудился, чтобы построить дом Добанпу: это была пещера, глубоко уходящая в гору на южной стороне острова. Никто не сомневался,

что ему для работы с духами — и другими существами, если и упоминаемыми, то лишь шепотом, — нужно было больше места, чем корзинщику или изготовителю трезубцев. Никто также не хотел ни посмотреть на то, что делает Добанпу, ни послушать это.

Не хотел и Сейганко, несмотря на долгий путь, который уже уставшие люди должны были проделать к южному концу острова, чтобы доставить пленников. И хорошо, что мало кто знал, сколь многому он уже научился у Добанпу.

Среди народа уже поговаривали, что такой женщине, как Эмвайя, не следует обучаться Разговору с духами, что это, говорили люди, мужское занятие. А если она обучается, то ей не следует еще и выходить замуж за военного вождя, так как она может передать ему свое знание, как и любая женщина, которая спит с мужчиной.

Что скажут эти болтуны, если узнают, что Сейганко обучается у самого Добанпу? Воин понимал, что тогда еще труднее будет избегать дуэлей насмерть или яда, подсыпанного в кашу.

Сейганко сидел в пещере с Добанпу и Эмвайей. На всех троих были головные украшения из перьев и крокодильих зубов и амулеты из огненных камней. Огненные камни пульсировали, как бьющиеся сердца, накапливая силу, в то время как Добанпу и Эмвайя пением загоняли в них духов.

Все трое не были ничем покрыты, кроме слоя ароматного масла. По мнению Сейганко, такая «одежда» больше всего шла Эмвайе. В ее возрасте она могла бы родить по крайней мере двух детей и, без сомнения, родит много прекрасных сыновей, когда она и воин Сейганко наконец поженятся. Сейчас, однако, талия ее оставалась гибкой, грудь высокой, а длинные ноги с хорошо развитыми мышцами имели силу, чтобы обвиться вокруг мужчины...

Сейганко подумал: «Время ли сейчас для этого?»

В этой мысли было скорее лукавство, чем гнев. Даже если бы Сейганко и не видел улыбки на лице Эмвайи, он бы догадался, от кого пришла эта мысль.

Он ответил так, как уже умел, — не шевеля губами, лишь улыбнувшись: «Уже прошло много времени».

«Сохранийте достоинство перед духами!»

Никто не мог сомневаться в источнике этой мысли, хотя лицо Добанпу имело выражение резной маски. Двое влюбленных тут же выпрямили спины, сделали серьезные лица и стали слушать пение Добанпу, которое становилось все громче.

Пение уже отдавалось эхом в темных краях пещеры, далеко, там, куда не достигает свет лампы, когда Добанпу дал знак своей дочери,

щелкнув пальцами. Гибкая и отливающая в свете ламп, она быстро подбежала к нише за спиной отца и принесла корзину с глиняными горшочками. Корзина была сплетена из тростника, пропитанного соком каликантуса, чтобы запах его отгонял насекомых от трав, сушеных плодов и масел в горшочках. Сейганко не сомневался в действии сока, он и сам чуть не сбежал от костра.

Ему пришлось призвать на помощь храбрость воина, чтобы сидеть скрестив ноги и смотреть, как Эмвайя вынимает горшочки, в том числе и один пустой. Смешав щепотки трав, плодов и несколько капель масла, она приготовила зелье и передала его отцу. Он обмакнул палец и облил его, в точности как сестра-пивоварка, пробуя свое пиво. Эмвайя улыбнулась, и на этот раз, не сбивая ритма песни, Добанпу улыбнулся в ответ.

Для остальных членов племени Ичирибу Добанпу был фигурой, внушающей благоговейный страх, даже ужас. Но дочь знала своего отца слишком хорошо, чтобы так бояться, — и он знал об этом. Это было одной из многих причин, почему Сейганко благодарил судьбу за то, что она назначила ему и Эмвайе соединиться. Ему необходимо не испытывать страха перед отцом жены.

Вот Добанпу встал и широко развел руки, затем высоко поднял их над головой. Из горшка

начал течь дым, зловонный и полный пляшущих кошмарных образов, едва различимых для Сейганко. Эмвайя подняла горшочек, и воин чуть не вскрикнул, когда эти образы, казалось, окружили ее, словно колючие кусты, огораживающие загон для скота. На какое-то мгновение она вообще пропала из виду, и Сейганко показалось, что даже лицо ее отца напряглось.

Сейганко повторял про себя, что самые зловещие духи не имеют видимой формы, что это лишь мелкие духи лесов и вод, которых вызвал Добанпу, чтобы достичь сознания пленных. Он знал, что даже сможет поверить в это, но только после того, как увидит Эмвайю целой и невредимой.

В следующее мгновение она вырвалась из дыма и опустилась на колени рядом с отцом. Грудь ее начала вздыматься от учатившегося дыхания, когда она схватилась за плечо Добанпу, чтобы присоединить всю свою силу к силе отца. Образы покинули дым, теперь они плясали в воздухе над распростертым на черном камне пленным Кваньи.

Этот пленный был слишком близок к смерти, чтобы говорить, но другой захваченный воин, не так тяжело раненный, уже сказал, что служит Посвященным богу и что те узнали нечто повергшее в страх даже их слуг.

Многое из этого он рассказал не совсем добровольно, но у Ичирибу были мужчины и

женщины, умеющие убедить человека. Силы Добанпу и его дочери можно поберечь и для более важных обстоятельств.

В пещере раздался гром. Дым смело порывом ветра. До этого дым, окутывавший Сейганко, был таким густым, что воин едва сдерживал порыв схватиться за него. Сейганко задержал дыхание, чтобы не побеспокоить духов кашлем, и у него свело грудь.

Дым исчез до того, как Сейганко должен был снова сделать вдох. Исчезли и образы. Воин видел, как они заползают в пленного Кваньи. Затем Сейганко плотно сцепил руки, чтобы не сделать охранительный жест, когда умирающий пленник сел и начал говорить.

Так как своим голосом он уже не мог пользоваться, говорил он на языке духов, который Сейганко еще не понимал. Что бы духи там ни говорили, но лицо Добанпу исказилось от ужаса, несмотря на все его усилия сохранить самообладание. Глаза Эмвайи широко раскрылись, и рука, лежавшая на плече отца, сжалась так сильно, что ногти впились в кожу Добанпу и пальцы побелели.

Снова раздался гром, на этот раз отдаленным раскатом. Сейганко поднял глаза к потолку пещеры, так как не мог больше смотреть на пленника. Он видел, как сверху упала капля воды и подняла столбик пыли на полу пещеры. После-

довала другая капля, затем еще несколько, затем целый поток.

К этому грому духи не имели отношения. Сейчас не сезон дождей, но редко проходило более двух или трех ночей на Озере смерти без того, чтобы не шел дождь. Сейганко подавил порыв вскочить и встать под поток, льющийся сквозь дымовое отверстие.

А вполне бы мог. Работа Добанпу еще не была закончена. Действительно, Сейганко мог бы выследить и убить дикую свинью за то время, пока Говорящий с духами не закончит с пленником.

Воин понял однако, что конец наступил. Пленник медленно повернулся к Добанпу, сделал один нетвердый шаг вперед, затем два более уверенных шага и бросился на Добанпу, как леопард на жертву.

Он не закончил прыжка. Добанпу стоял как столб хижины, но Эмвайя бросилась к отцу. Она двигалась так быстро, что Сейганко едва успел подняться на ноги, как она и умирающий пленник, движимый мстостью, сцепились.

Это была короткая схватка, несмотря на то что в жизни воин Кваньи в полтора раза превосходил Эмвайю размерами и силой. Боли он не чувствовал, но его можно было сбить на землю. Эмвайя повалила его и захватила руку. Он протянул другую, стараясь уцепиться за волосы, но встретил лишь головное украшение.

Он все еще шарил рукой, когда Сейганко опустил свою дубинку на его разбитую голову. Остатки данной душой жизни улетучились, а за ними и духи. Гром снова прогремел, когда они выпрыгнули из тела и умчались сквозь дымовое отверстие, не обращая внимания на дождь.

Сейганко разглядел нечто, что вполне могло быть птицей с четырьмя крыльями и головой змеи или чем-либо еще более сверхъестественным. Затем он увидел, как Эмвайя обернулась, глаза ее расширились, и она едва успела подхватить своего отца, который падал и на вид был столь же безжизненным, как и Кваньи.

Они положили Добанпу на тростниковый матрас, приподнятая часть пола не давала прибывающей дождевой воде замочить его. Эмвайя накрыла отца сплетенным из коры одеялом и знаком дала Сейганко понять, что он должен их оставить.

Сейганко очень хотелось спросить почему, но ответ он тут же нашел сам. В воина Кваньи было вложено не обычное колдовство. Теперь же лишь искусство, каким Сейганко еще не владел, могло исцелить Добанпу и сохранить его знание для народа. Обязанностью же Сейганко было находиться с воинами, руководить ими, если будет необходимость, или по крайней мере держать их в спокойствии, пока Добанпу снова не заговорит.

Сейганко направился к выходу, но затем обернулся, чтобы убедиться, что воин Кваньи мертв, либо перевязать его, если жизнь еще осталась в нем, но тут же начал бороться с желанием сделать охранительный жест или даже бежать без оглядки на свежий воздух.

Воина Кваньи нигде не было. Остался лишь отпечаток его тела в мокрой пыли. Никакие следы не говорили о том, что он ушел, будто он и сам превратился в пыль.

Сейганко посмотрел на Эмвайю, но та, оторвав взгляд от отца, пожала плечами. «Когда узнаю, скажу», — заключалось в этом жесте. «Приду, когда буду нужен», — ответил Сейганко.

Ему показалось, что она улыбнулась, когда он уходил из пещеры. Он предпочел бы остаться. Оставить Эмвайю наедине с тем, что унесло тело Кваньи, было тяжелее, чем оставить ее перед голодным леопардом.

Сейганко понимал, что воину, ухаживающему за дочерью Говорящего с духами, следует больше, чем другим, научиться искусству сохранять мир со своей женщиной.

Конан проснулся оттого, что острый корень впился в ребро. Он решил, что, вероятно, перекатился во сне.

Но когда сон развеялся полностью, он понял, что корень теплый и не такой острый, как ему показалось. Он повернулся и посмотрел на сильную красивую щиколотку рядом с ним, на стройную ногу, на округлые бедра под рубашкой, служащей набедренной повязкой, — словом, на Валерию.

Она перестала пинать его босой ногой и, казалось, собиралась улыбнуться. Затем пожала плечами:

— Если ты думаешь, что я разбудила тебя для того, чтобы...

Конана подмывало дернуть за щиколотку и посмотреть, переживет ли набедренная повязка падение на землю. Он оставил это желание: Валерия надела поверх одежды пояс с мечом и кинжалами и была готова, как всегда, ответить на грубую шутку сталью.

Сейчас и еще несколько дней Конану больше нужен надежный товарищ за спиной, чем женщина на руках.

— Ты разбудила меня, потому что уже рассвет и время отправляться в путь. Правильно?

Движение головы вполне могло быть кивком.

— Какие-нибудь посетители?

— Никаких, с которыми я не могла бы разделиться и сама, киммериец.

— А, значит, ты не убила семерых воинов. Ты просто истощила их силы своей женской...

Нога с силой пнула в ребра, и Конан уже был готов откатиться от удара меча. Но вот рука выпустила рукоять, губы дернулись — Валерия усмехнулась и расхохоталась. Она села и стала вычесывать из волос листья и обломки мелких веток.

— Я убивала людей и за более мелкие шутки, Конан. Помни об этом.

— О, обещаю. Но если ты убиваешь людей и за более мелкие шутки, то почему бы не умереть за теленка, так же как и за быка?

Она состроила ему рожу и стала дальше расчесывать волосы. Еще через несколько мгновений она сделала все, что только возможно, не имея гребня и не срезая волосы под корень.

— Как ты и сказал, нам лучше отправиться в путь. — Она смочила губы языком: — Однако я бы не отказалась от глотка воды...

— Мы остановимся у первого же чистого ручья и вдоволь напьемся. Если найдем тыквы, их можно вычистить изнутри и наполнить водой. А сейчас нам лучше убраться отсюда.

— Думаешь, нас преследуют?

— Точно не знаю, но зачем превращать себя в легкую добычу? Джунгли во многом похожи на море — живет дольше тот, кто никогда не находится там, где враги ждут его.

— Такой опытный в военных делах, киммериец?

Конан уже готов был дать грубый ответ, когда вдруг понял, что в голосе Валерии меньше издевки, чем обычно. Он посмотрел на нее, а она покраснела до самых грудей и начала бормотать проклятия в адрес изнеженных недоумков из Ксукотла, которые держали у себя обилие украшений и драгоценностей, но не имели ни одной порядочной фляги для воды!

Глава 3

— Ге-ква!

Сейганко выкрикнул ритуальное слово Ичирibu, означающее смерть, и кинул трезубец. Трезубец рассек утренний воздух, а затем вонзился в сине-зеленые воды Озера смерти.

Веревка, сплетенная из лиан и прикрепляющая оружие к поясу Сейганко, разматалась на два человеческих роста, и трезубец вонзился в рыбью лья прямо под каноэ, после чего на поверхности, покрытой рябью, появилась кровь и пузыри.

Рыба-лев поднялась из воды, длинная и толстая, как каноэ, с челюстями, которые могли, как часто и бывало, проглотить ребенка. Поток крови и жидкости цвета старого золота бил из раны, в которой торчал трезубец.

Массивные челюсти по-прежнему лязгали, и зубы, длиной с палец, издавали звук, подобный удару копья о деревянный щит. Жаберные крышки — похожие на львиную гриву, что и дало рыбе ее название, — хлопали.

Сейганко подождал, пока в рыбе не пробудится инстинкт нападать на первый попавшийся предмет. Этим предметом оказалось каноэ, и длинные зубы вонзились в твердое дерево долбленки. Они так глубоко вошли, что воин понял — каноэ придется латать после сегодняшней рыбалки.

Яростно бьющаяся рыба дергала за веревку, и рукоять трезубца моталась вокруг. Сейганко, не думая о возможных ушибах, взял дубинку, перехватил обеими руками и с силой ударил между двух чешуйчатых пластин над левым глазом рыбы.

— Ге-ква!

Слово оказалось правдой. Удар в самую уязвимую точку означал для рыбы-льва смерть. Дрожь пробежала по ней от зубов до хвоста, и зубы выпустили каноэ. Будь Сейганко настолько глуп, что пожелал бы выдернуть трезубец, рыба погрузилась бы в озеро навсегда.

А так у него будет прекрасный трофей, и десяток Ичирибу попируют. Рыба-лев такого размера — не особый деликатес, но она враг людей: поедание ее передает людям часть силы этой рыбы и является мстью за убитых ею.

Сейганко веревкой от трезубца привязал рыбу за кормой, сел и начал грести к берегу. Даже его силы не хватит, чтобы затащить этот улов на борт, но там, где мелко, другие рыбы-львы не

набросятся на его добычу и не растерзают ее, так что он успеет позвать себе помощников.

Сейганко греб прямо к берегу, хотя это означало, что причалит он недалеко от пещеры Добанпу. Он уже три дня ничего не слышал о Говорящем с духами, кроме того, что тот жив и что духи, посланные Посвященными богу, могут по-прежнему представлять для него опасность. Вследствие этих причин — а также, Сейганко полагал, из гордости — Эмвайя ухаживала за ним сама, а любопытных отсылала заниматься своими делами.

То, что она не желала говорить любопытным, решил Сейганко, она может сказать своему будущему мужу. Да если и ничего не узнает от Эмвайи, стоит сохранить рыбу-льва. Если грести вокруг мыса, то, почуяв кровь, успеют собраться другие рыбы-львы. В большом количестве они, бывало, нападали и на каноэ.

И хорошо еще, что рыба-лев по большей части ведет одиночный образ жизни, — каждая забирает себе часть озера и изгоняет оттуда остальных, кроме самок в брачный сезон. Если бы они охотились косяками, как делали это рыбки-кастратки, они бы очистили озеро от всего живого, не исключая, возможно, и людей.

Каноэ с рыбой-львом за кормой было тяжелым и неуклюжим, но сильные руки Сейганко и хорошее весло уверенно вели судно к берегу. Когда

встало солнце, оно прогнало утреннюю дымку, и Сейганко увидел гору, поднимающуюся из остатков тумана. Наконец он увидел бухту, образованную тростником, защищенную от рыб-львов и крокодилов; оттуда Эмвайя обычно брала воду и купалась там, если ей это приходило в голову.

Добанпу, должно быть, поправился: спокойная гладь бухты нарушалась темноволосой головкой. Сейганко улыбнулся. Если у Эмвайи хорошее настроение, он сможет присоединиться к ней. Совместное купание, как правило, завершалось лежанием в траве.

Затем кроме головы показались плечи и руки, и Сейганко увидел фигуру женщины, но не Эмвайи. Это бывшая пленница Кваньи, голая, как младенец, пользовалась купальной. При дневном свете и не перепуганная почти до безумия, она была еще более приятна на вид, чем в ночь набега.

— Где твоя хозяйка? — спросил он на Настоящем языке. Она может ненавидеть своих бывших хозяев, но вряд ли она, живя с ними, не выучилась хотя бы немного их речи.

Девушка вышла из воды, отряхнулась, как собака, и указала на пещеру. Капли, посеребрённые утренним солнцем, сверкали в ее волосах и стекали по груди. Сейганко подумал бы, что она не знает о достоинствах своей внешности, если бы не поймал взгляд, брошенный украдкой из-под ресниц.

Он ухмыльнулся. Если даже не считать данных Эмвайе клятв, что у него не будет других женщин, кроме как с ее разрешения, он сомневался, разумно ли завалить сейчас служанку своей невесты. Он знал также, как наверняка положить конец ее уловкам.

— Эй! Женщина Эмвайи, у меня есть для тебя работа. — Сейганко тянул за веревку, пока над водой не показался хвост рыбы-льва. — Иди сюда и помоги вытащить эту тварь на берег!

Девушка бросила взгляд на рыбу, потом на Сейганко и тут же убежала в пещеру, так и не одевшись. Сейганко вытащил каноэ на берег, сел на набедренную повязку, оставленную девушкой, и принялся точить трезубец, за этим занятием его и застала Эмвайя.

Когда он наконец смог высвободиться из ее объятий и сам отпустить ее, он оглядел Эмвайю. Сейганко заметил, что она стала бледной и похудела так, как не случилось бы и после трех дней ордалий или ритуальных мук. Или, по крайней мере, любых мук, кроме одной.

— Твой отец...

— Добанпу Говорящий с духами жив. Он спит сейчас здоровым сном и видит хорошие сновидения. Я подала ему каши и воды, желудок его принял их.

Она говорила, будто ритуал все еще не кончился, но Сейганко увидел непривычную влагу

в уголках ее глаз. Он протянул руку, чтобы смахнуть слезы, и она схватила его за запястье, словно утопающий.

— Сейганко, прости мне мою слабость. Я не хотела, чтобы ты видел меня такой...

— Нет, ты не такая, как та девка, что ты взяла себе в служанки. Та хотела, чтобы я видел, как она купается.

— Я так и подумала, когда она поднялась ко мне голой. Что ты ей сказал?

Сейганко рассказал правду, и Эмвайя вознаградила его смехом, в котором слышались нотки ее обычной веселости.

— Я помогу тебе с этой рыбой, а потом поговорю с Мокоссой.

— Это ее имя?

— Думаю, это имя ее племени, одного из тех, что живут за землями Кваньи. Она не дура, но жизнь среди Кваньи лишила ее почти всего разума, что у нее был.

— Не настолько, чтобы ей не нравились войны, предупреждаю тебя.

— Ты понравишься любой женщине, способной соображать, Сейганко. Я только что сказала тебе, что Мокосса женщина сообразительная.

— Ты хочешь мне польстить, Эмвайя?

— Я это делала так часто, что мне нет нужды пытаться делать это снова.

Если она способна сейчас шутить, вряд ли у нее есть страшные новости. У Сейганко мелькнула мысль запустить руки под ее набедренную повязку, развязать на ней узел, и пусть духи возьмут эту рыбу-льва!

Однако что-то в ее голосе...

— Твой отец узнал что-нибудь у слуги Посвященных богу?

— Думаю, я могу тебе помочь вытащить рыбу на берег не хуже Мокоссы. Поскольку я не хочу, чтобы намокла набедренная повязка...

— Эмвайя. — Он взял ее за плечи так крепко, что подумал, не ударит ли она его. — Отец твой вызвал сильных духов, а он не настолько крепок, чтобы легко это переносить. Что он узнал?

Эмвайя содрогнулась, но не разрыдалась и не попыталась вырваться. Через некоторое время она пошевелилась и мягко убрала руки Сейганко со своих плеч.

— Духи были сердиты из-за того, что им пришлось бороться с защитой, установленной Посвященными богу вокруг своих слуг. Я также думаю, некоторые из них были ранены.

Духов можно ранить, хотя и не так легко и не таким образом, как людей. Сейганко достаточно изучил искусство Добанпу, чтобы знать это. Если у Посвященных богу есть сила установить такую защиту вокруг тех, кто им служит...

— Посвященным богу стало известно, что проклятый Ксухотл пал.

Слова эти звучали так, будто Эмвайя очищает себя от какой-то скверны. Действительно, лицо ее казалось теперь более сосредоточенным, она склонилась к Сейганко и прижала лицо к его плечу. Он положил руку ей на спину, ощущая гладкую кожу и чувствуя силу под ней, но не ища сейчас ничего более.

— Как он пал?

— Трудно было понять. Похоже, один из воинов Кваньи охотился далеко на востоке в то время, когда пал город. Он вошел туда беспрепятственно, исследовал его, увидел, что все внутри мертво, затем бежал, опасаясь, что разрушившие город явятся и за ним. Посвященные богу вывели этот рассказ и отдали охотника Живому ветру. Они стараются утаить это знание до тех пор, пока не придумают, какую пользу можно извлечь из этого.

Если бы у Посвященных богу ума было чуть больше, чем у пиявки, они бы просили сейчас Добанпу объединить их знания с его знанием, чтобы вместе бороться с тем, что смогло победить проклятый город. Любое существо такой мощи может покорить все племена леса так же легко, как рыба-лев поедает форель.

Посвященным богу, однако, не доставало такой мудрости. Даже если бы они набрались ее

сейчас, Чабано из племени Кваньи не позволил бы им испортить его мечты о завоевании. И Добанпу скорее всего откажется поверить Посвященным богу, даже если они и Чабано вместе попросят его о помощи. Сейганко надеялся, что ему не придется высказывать последнюю мысль там, где его может услышать Эмвайя. Она знала, что отец ее может быть и гордым, и упрямым, но она не дала помолвленному с ней права говорить это вслух.

— Кто еще знает об этом из рядовых членов обоих племен?

— Этого отец мой узнать не смог. Ты думаешь, Посвященные богу попытаются скрыть это от Чабано?

— Если это им удастся, то может оказаться полезным для них, — отвечал Сейганко. — Говорят, Чабано завидует власти Посвященных богу и хочет вести свои войны без них. Если Посвященные богу объединятся с той силой, что разрушила Ксухотл, Чабано будет ребенком против них.

— Только сумасшедшие могут думать, что такая сила станет служить им!

— Я знаю, что власть шамана ограничена. Ты также это знаешь. Оба мы узнали это от твоего отца, который был рожден с этим знанием. — Сейганко пожал плечами: — Посвященным богу повезло меньше.

— Пусть будут прокляты Посвященные богу! — произнесла Эмвайя яростно. Затем ее рука поскользнула вниз по спине Сейганко и дальше под его одежду, так что не Эмвайя первой оказалась без одежды.

Чтобы обезьянью шкуру можно было носить, необходимо высушить ее на солнце. Конан не надеялся, что у них появится возможность сделать это, и предложил Валерии свою рубаху.

Она приложила ее к себе и рассмеялась:

— Как ночной халат я еще могу ее взять.

— Моя шкура прочнее твоей, Валерия, и не изнежена в Аквилонии.

— Я пережила солнце и ветер на море, так что не изжарюсь, пока эта обезьяна не высохнет.

— Или пока не сгниет.

— Тебе Кром говорит, чтобы ты всегда надеялся на худшее?

— Кром не такой бог, который кому-нибудь что-нибудь говорит, по крайней мере он не отвечает на вопросы, — сказал Конан. Суровый киммерийский бог не был для него предметом шуток, так же как и для любого рожденного в Северных землях, где имя этого бога звучало грозно.

— Значит, поэтому у тебя рот тоже почти всегда закрыт? — спросила Валерия. Видя, что

ответа не последует, она пошла следом за киммерийцем.

Не успели они далеко уйти от места своей ночной стоянки, как недолгий, но сильный дождь промочил их обоих и оставил всюду после себя лужи с чистой водой. Они напились, затем отрезали зеленые ветки от упавшего дерева и сделали палки. С их помощью — особенно нужна была палка для Валерии, с ее сбитыми ногами, — они прошли значительное расстояние за оставшуюся часть утра.

В полдень, голодные, они вышли на берег реки, слишком глубокой, чтобы переправиться вброд. Конан оглядел поверхность реки, обращая внимание на омуты. Столь же внимательно он оглядел берега реки, включая места, где звериные тропы кончались площадками растоптанной грязи с разбросанными по ней листьями.

— Крокодилы, — сказал он коротко.

Валерия со страхом посмотрела на воду.

— Я думаю, мы смогли бы сделать плот и предоставить остальную работу реке.

— Она течет на юго-запад, куда мы и собираемся направиться. Но у нас нет инструментов, а с бревна крокодилы быстро нас стащат.

Конан посмотрел на лес, растущий по берегам, и увидел упавшие деревья. Они мало подходили для плота, а некоторые из них были так велики, что даже с его силой их не скатить в воду.

— Нет, я не думаю, но нам в любом случае следует заняться охотой, чтобы поесть. Поделись добычей с крокодилами, и они могут позволить спокойно переправиться.

Валерия пожалала плечами:

— Если это удастся с акулами, может, удастся и с крокодилами. Но я бы продала свою душу в обмен на каноэ.

— Продай еще тело в обмен на топор, и я сделаю каноэ, — сказал Конан и увернулся от палки, брошенной Валерией.

Голод и необходимость сохранять тишину заставили прекратить словесную перепалку. Они отыскиали укрытия, из которых были видны спуски к реке, куда звери приходят на водопой. Конан подозревал, что им, вероятно, придется ждать долго, поскольку лужи с дождевой водой утолят жажду животных. Уже может стемнеть, когда явятся звери, а Конану не очень хотелось в темноте тягаться с крокодилами и соревноваться с ними в сообразительности.

Пророк из Конана не получился. Еще не настал вечер, когда сквозь кусты, сопя и пыхтя, начало продираться семейство свиней. Их было всего пять: старый боров, свинья и вслед за родителями семенили три поросенка.

Пользуясь языком жестов бараханских пиратов, Конан сказал Валерии, чтобы она брала свинью, а если не получится — поросенка. Этого

хватит для их собственного пропитания. Сам же он встретится с боровом — и если крокодил не будет сыт от такой горы ветчины, то он наверняка существо неживого мира.

Конан отбросил эту мысль с отвращением, какое испытывал ко всякому колдовству. Однако он не мог забыть прошлой ночи. Не почувствовали ли он все-таки, что где-то недалеко действовала мощная колдовская сила?

Киммериец не удивился бы, узнай он о такой силе. Из рассказов, которые он слышал в Ксукотле, следовало, что строители города вполне могли оставить после себя не только камни, но и колдовские силы. Древняя, злая, нечистая магия, вероятно берущая свое начало от знаний, дошедших из Ахерона, империи кошмаров. Даже легенды разнились между собой в рассказах о том, как далеко расползлись эти знания, сколько времени они существуют и как глубоко пустили они корни в умах людей.

Также не сходятся между собой легенды и рассказы о том, как человек становится ведун — имя, даваемое на Севере тем, кто имеет еще чувства, кроме обычных пяти, которые позволяют ему обнаруживать действия колдовства. Легенды не согласны даже в том, существуют ли такие люди вообще. Некоторые утверждают, что человек просто обретает способность чувствовать мельчайшие изменения в природном

мире, которые всегда вызывает любое заклина-
ние.

Конан мало придавал значения подобным спо-
рам и меньше всего спорам по последнему во-
просу. Если бы эти разговоры могли заставить
колдунов бросить свое ремесло и стать честными
людьми, он с удовольствием присоединился бы к
обсуждению и говорил, пока не пересохнет гор-
ло. Но в действительности дела обстоят так, что
Конан предпочитал, чтобы горло его вообще не
пересыхало!

А сейчас боров нюхал воздух с тща-
тельно вражеского разведчика, отыскивающего за-
саду. Он ничего не почувствовал. Легкий бриз дул от
него в сторону охотников, да и Конан с Валерией
провели в джунглях достаточно много времени,
так что их собственный запах частично заглу-
шался запахом леса.

Конан кивнул, и Валерия обнажила меч. Он
слегка застрял в ножнах, и тихий скрежет заста-
вил борова поднять голову. Он снова понюхал
воздух, и на этот раз свинья стала так, чтобы
загородить своих поросят от возможной опас-
ности.

Первая опасность, обрушившаяся на них, ис-
ходила не от людей. Конан не видел ряби на воде,
но он увидел, как мокрые, утыканные зубами
челюсти вырвались из воды и захлопнулись, ух-
ватив свинью.

Визг ее отдалился эхом: птицы взмыли в воз-
дух, и на расстоянии полета стрелы с дерева
посыпались обезьяны. Валерия выскочила из ук-
рытия, не замечая борова, замахиваясь мечом на
одного из бегущих врассыпную поросят.

Вначале боров, пригнувший голову и пытав-
шийся пропороть крокодила, не обратил на нее
внимания. Рептилия, патриарх в своей породе,
выбросила себя так далеко на берег, что не могла
тут же вернуться в воду. Когти рыли грязь, а
хвост бил из стороны в сторону, пока крокодил
пытался отогнать борова, удержать умирающую
свинью и вернуться в свое речное убежище.

Наконец все три действия ему удались. Кро-
вавый бурун отметил его отход. Валерия как раз
вогнала меч в шею второго поросенка, когда
боров повернулся к ней.

Если бы боров оказался немного проворнее,
то песни, сложенные впоследствии о Валерии из
Красного братства, были бы значительно короче.
Но она обернулась, выхватила меч, затем кин-
жал и отскочила, увернувшись от борова, несущ-
егося со скоростью, сравнимой со скоростью
Конана. Киммериец вспомнил, сколь страшна
была Валерия в битве в Ксукхотле, когда кинжал
ее полоснул борова по рылу.

Огромный боров завизжал от боли и ярости
и отступил. Его копыта мешали грязь почти так
же сильно, как лапы крокодила до этого. Он

пытался найти опору на скользком берегу, чтобы ринуться в атаку, но опять был недостаточно быстр. Боров не успел еще подготовиться к нападению, когда Конан был от него уже на расстоянии меча. Не было никакого изящества или искусства в том, как меч опустился на толстую шею борова. Мастера меча от Зингары до Ванахейма в страхе отшатнулись бы при виде грубой силы удара, пристойной более палачу, чем мастеру фехтования.

Но на это было наплевать и Конану, нанесшему удар, и борову, замертво повалившемуся, и Валерии, обнаружившей борова лежащим у своих ног.

Валерия обернулась, в глазах ее сверкали боевые огоньки, она откинула волосы с лица. Движение ее рук кольхнуло груди. Весь ее вид заставил бы кровь кипеть в венах у мужчины: охотница рядом со своей добычей на фоне залитой солнцем реки.

Она стояла так, что опять Конан не заметил на воде ряби, предупреждавшей об опасности. Второй крокодил был такой же большой, как и первый, но не столь быстрый. Кроме того, он громко, мерзко, с шипением, дышал, когда скользил вверх на берег.

Валерия отскочила, когда челюсти сомкнулись на расстоянии руки от ее ноги. Не посмотрев, куда она прыгает, Валерия приземлилась на

скользкий участок, пошатнулась, потеряла равновесие и повалилась на киммерийца. Он удержал ее и отдернул в сторону.

Спина его с силой ударилась о ствол дерева, покрытый красной корой. Дерево задрожало и отозвалось гулом, похожим на звук мельничного колеса. Тут же, чувствуя новую опасность, Конан сделал шаг от дерева, отпустив Валерию.

В следующее мгновение земля исчезла у него из-под ног. Он полетел в пустоту, взяв с собой лишь память и надежду. Память об искаженном ужасом лице Валерии, провожавшей его взглядом. Надежду, что она вспомнит о крокодиле у себя за спиной, а не будет беспокоиться о нем.

Гейрус, главный из Посвященных богу — или Первый Говорящий с Живым ветром, как обращались к нему во время ритуала, — потрясал посохом. Этого было недостаточно, чтобы умирить его ярость, так что он с силой ударил посохом о камень, отливающий серебром и лежащий у его ног.

Трое воинов клана Кобры попятились, будто ожидали, что камень раскроется по команде Гейруса и проглотит их. В их глазах были видны только белки, а дрожащими руками воины зажимали себе рты, что было ритуальным жестом, означающим нижайшую просьбу.

Не будет им от Гейруса пощады, и не заслуживают они ее.

— Шестеро убиты, трое захвачены, в их числе одна из моих наложниц! — бушевал Гейрус. Он мог сделать свой рык подобным львиному, если бы захотел, хотя уже не с такой легкостью, как в молодости. В те времена он мог бы поставить на колени самого Чабано силой колдовства голоса!

— Прости... — пролепетал один из воинов.

— Нет прощения такому легкомыслию! — ревел Гейрус. — Легкомысленно было брать ее с собой в такой путь. В десять раз легкомысленнее отдавать девушку жителям озера!

Гейрус не использовал в этот раз львиный голос. Ему надо было беречь силы, к тому же он не желал, чтобы все сказанное было подслушано.

Даже в самом доме Говорящего с Живым ветром были те, чьи сердца лежали ближе к Чабано из племени Кваньи. Они не преминут поведать ему о любых секретах Служителей, если решат, что это может снискать им симпатию вождя.

— Вы покойники, — сказал Гейрус чуть тише. — Однако я расположен даровать вам столько милости, сколько вы заслуживаете. Вы можете избрать себе вид смерти. Отдать мне вас Живому ветру? Или предать вас иной смерти на мое усмотрение?

Простое упоминание о Живом ветре заставило одного из воинов упасть на колени, чего он никогда бы не сделал ни перед одним человеком, предпочтя смерть. Гейрус напряженно улыбнулся, так что показал лишь те зубы, которые были еще белыми и здоровыми.

Гейрус понимал ужас воина. Живой ветер забавлялся с теми, кто попадал к нему с незамутненным сознанием, играя с ними как кошка с мышкой. Безумие и агония длились так долго, что смерть становилась желанным избавлением.

— Пусть будет так. Вас постигнет судьба, какая ждет любую кобру, подползшую слишком близко к детенышам леопарда.

Заклятие, произнесенное Гейрусом, не вызвало грома. Первым звуком, какой слышали воины, было рычание вызванных колдовством леопардов, почуявших добычу. Когти высекли на камне золотые искры, когда леопарды набросились на воинов.

Гейрус сдержал обещание. Леопарды убили жертв быстрее, чем это обычно делал Живой ветер. Клыки вырвали горло, когти вспороли животы, и крики ужаса и агонии не долго разносились по туннелям. Леопарды все еще жадно пожирали трупы, когда Гейрус опустил прочную решетку, перегородив туннель.

Было время, когда он мог воздвигнуть преграду перед леопардами одним лишь колдовством.

То время молодой силы прошло и больше не вернется.

А сейчас он только мог вызывать, когда нужно, леопардов и возвращать их назад, когда они уснут, насытившись человеческой плотью.

Гейрус не молился ни одному из богов, известных по имени среди людей. Не молился он также и Живому ветру — он не бог; это было ясно с той поры, как появились Служители.

Вместо этого он надеялся, что невозможность удержать в секрете известие о падении Ксукотла не принесет вреда. Вероятно, это было тщетной надеждой, поскольку ни Чабано, ни Добанпу не дураки. Гейрус успокоил себя, решив, что, будь они таковыми, не было бы никакой необходимости бороться с ними, и он не испытывал никакой гордости от победы. И первый, и последний бой следует вести с достойным противником.

Но потерять... девушку! Одна она будет стоять Сейганко самой медленной смерти, какая только может быть, но только после того, как он посмотрит, как так же медленно умирает Эмвайя. Или, может, лучше пусть вначале дочь Добанпу посмотрит на смерть своего жениха, перед тем как умереть самой?

Будет время решить, когда они оба окажутся в его руках. В обоих случаях будет обеспечена покорность девушки до конца его дней. Первый

Говорящий с Живым ветром будет спать в хорошо согретой постели, как и подобает победителю.

Исчезновение товарища Валерии произошло быстро и беззвучно. Мгновение она чувствовала его у себя за спиной, в следующее же — отточенный боевой инстинкт сказал ей, что позади никого нет.

Она снова прыгнула, почти потеряв последнюю одежду. Крокодил шипел, как котелок с убежавшей похлебкой, и, переваливаясь, полз вперед. Его пасть — длиной в рост двенадцатилетнего ребенка — зияла и затем захлопнулась со звуком, изданным скорее сталью, чем костью.

Валерия кое-что знала о морских крокодилах, поскольку однажды бросала якорь в устье реки, которая кишела ими. Она никогда не была в землях вдали от моря, где реки также рождали этих тварей, но решила, что эти рептилии, должно быть, во многом походят на своих морских сородичей. Этот крокодил будет быстрым в воде, медлительным на суше, живучим и медленно соображающим. Без сомнения, сейчас он ломает мозги над тем, что ему делать теперь, когда первый его бросок не удался.

Она могла давно уже убраться с берега реки подальше от всех крокодилов, если бы была

готова оставить Конана перед лицом опасности, которая выпала ему. «Или в той, в которую он сам свалился», — заключила Валерия, поскольку видела, как, казалось, сама земля поглотила его.

Мысль эта заставила ее в следующий раз прыгнуть осторожнее, и она возблагодарила Митру, когда приземлилась на твердую почву. Затем Валерия сбросила сапоги. Неважно, какие там волдыри, но босиком она лучше чувствует поверхность — речной ли берег в джунглях или палубу.

Она вынула кинжал, занесла меч и внимательно оглядела противника. Для нее было немислимо искать безопасности, покинув Конана, — это против ее природы и всего, чем она жила еще до того, как стала женщиной.

Аквилонка и киммериец были связаны боевыми узами так же прочно, как если бы их соединяло кровное родство или клятва, произнесенная перед десятком священников и столькими же богами. Она скорее вернется на службу к парикмахеру или даже будет танцевать в таверне, чем нарушит такой союз, какой связывает ее с Конаном.

То, что он желает ее, конечно, помеха, подобно мухе, жужжащей вокруг головы. Но не бьют же себя по голове молотком, чтобы избавиться от мухи!

Крокодил снова зашипел и пополз вперед. Валерия переместилась так, чтобы видеть весь берег, а не только своего врага. Больше всего она боялась, что появится его собрат. Первый крокодил скорее всего будет жрать свинью, но там, где есть два чудовища, может появиться и третье.

Валерия не видела никаких признаков еще одной рептилии, но заметила небольшое углубление в земле, где мох и спутанные мертвые лианы, казалось, проседали. Если это место поглотило Конана, возможно, его можно уговорить поглотить и крокодила.

Вдруг монстр бросился вперед со скоростью, удивившей Валерию. Неожиданность не замедлила действий Валерии и не заставила позабыть, что глаза у всех тварей находятся недалеко от мозга.

Пока крокодил совершал свой бросок, Валерия отскочила — более того, она развернулась в воздухе с изяществом, заставлявшим не одного воина кидать серебро, даже золото, в прежние годы. Приземлилась она верхом на неровную спину крокодила, как раз пониже массивной шеи.

Прежде чем крокодил успел сообразить, что жертва исчезла из виду, Валерия ударила. Кинжал с силой опустился на покрытую чешуей шкуру, отыскивая щель, и вошел достаточно глубоко, чтобы за него можно было держаться.

Затем Валерия подняла меч, направила концом вниз и глубоко вогнала в правый глаз крокодила.

Клинок был неудобен для того, чтобы им колоть, и ни в какую другую часть тела животного он бы не смог войти. Но нанесенный в это место удар стоил крокодилу жизни.

Шипение переросло в пронзительный вой, когда Валерия прыгнула с твари с таким отчаянием, будто запрыгивала из кишасей акулами воды в лодку. Хвост крокодила бешено колотил, ломая кусты и сдирая кору с толстых деревьев. Лапы свели спазмы, когти бешено осыпали Валерию землей и листьями. Затем животное последний раз дернулось, перекатилось и ударилось головой о дно того самого углубления.

В таинственной тишине земля разверзлась. Раздался звук рвущихся лиан и ломающихся корней, и крокодил начал заваливаться в отверстие. На какое-то мгновение хвост его снова взмахнул, будто последней конвульсией чудовище слало прощальный привет своему победителю. Затем крокодил исчез.

Но земля не сомкнулась над ним. У того устройства или заклятия, что захлопнуло ее перед этим, казалось, истощились силы. Дыра у ног Валерии зияла шириной в рост человека. Она взгляделась в полумрак и дальше в темноту, столь же непроглядную, как морская бездна.

Валерия проглотила слюну. Она не могла прогнать мысль, что даже Конан не способен пережить такое падение... если вдруг остался в живых, то крокодил довершит то, что не сделало падение.

Однако ей не убедиться в этом, если только самой не спуститься и не отыскать киммерийца или его тело. Она не хотела думать о том, с чем столкнется, если найдет его живым, но беспомощным от ударов, полученных во время падения.

— Конан, — проговорила она, — жизнь моя была бы проще, если бы ты никогда не покидал своей Киммерии.

«Да и, без сомнения, также и короче».

Голос, прозвучавший в ее сознании, не был голосом Конана, но довольно близко напоминал его, что заставило Валерию вздрогнуть.

Что ж, пусть так и будет. Она лазит с самого детства, а однажды один матрос сказал, что у нее глаза на всех пальцах рук и ног. Это поможет, а также прочный кусок лианы или несколько кусков, связанных в длину и сплетенных вместе, чтобы удержать ее вес.

Мертвые лианы слишком гнилые для этого, но вокруг полно живых. Не успели солнечные блики на реке измениться, как Валерия имела уже при себе веревку. Она закончила свои старания тем, что привязала один конец веревки скользящей

петлей, перекинула сапоги, связанные тесемкой, через шею и привязала к мечу тонкую лиану вместо ремешка.

Лиана не так хороша в качестве веревки или ремешка, как шемитская кожа, но Валерия привыкла обходиться подручными средствами. Пока будет лезть, она привяжет меч тонкой лианой за спиной, но как только окажется на твердой поверхности, оружие снова понадобится.

Она сделала всю работу при данном самими богами дневном свете здесь, на речном берегу, который теперь, казалось, был даже приятен по сравнению с темнотой у ее ног. Остальная часть ее обязанностей лежала внизу.

Валерия сделала несколько глубоких вдохов, пока не успокоила себя настолько, насколько можно. Затем свесила ноги через край дыры и начала спуск.

Глава 4

Падение Конана началось с неудачи, которая очень скоро сменилась везением. Если бы случилось иначе, истории многих людей и нескольких королевств были бы во многом иными.

Он не был ведуном, иначе смог бы почувствовать колдовскую силу, сдерживающую землю при входе в дыру. Хотя, возможно, и нет. Это была древняя земляная колдовская сила, и имена открывших ее были потеряны для людской памяти задолго до того, как был построен Атлантис и затем поглощен океаном.

Искусство это, однако, не было утеряно. Волшебство, известное строителям Ксухотла, восприняло часть его. Не был обреченный город и единственным их созданием, где использовали они свои колдовские приемы. Глубоко в джунглях они возвели огромные постройки, в то время как Черные королевства представляли собой банды воюющих между собой дикарей.

И то, куда попал Конан, было одним из остатков этих построек. Земля разверзлась у него под ногами, и он полетел в темноту, на миг освещенную светом сверху, и продолжал полет в еще более глубокой темноте, когда отверстие закрылось над его головой.

Трижды он ударялся о земляные стены, которые тем не менее казались слишком твердыми и гладкими, чтобы полностью иметь природное происхождение. Удары эти несколько замедлили падение Конана, но вышибли дух из его груди. Только он восстановил дыхание, как ударился в последний раз там, где стена дыры осыпалась под неумолимым давлением корней какого-то лесного гиганта. Удар пришелся поперек груди и сломал бы ребра любому более слабому человеку.

В случае же с киммерийцем это лишь вышибло из него вновь обретенный дух и швырнуло его, как детский мячик, в туннель, открывающийся на другой стороне ямы. Киммериец ударился, прокатился, отскакивая от неровностей, шагов десять и остался лежать, в то время как земля дрожала, слышался рокот, а от входа в туннель осыпались куски.

Он с удовольствием полежал бы, пока не восстановится дыхание, но инстинкт подсказал ему, что вход в туннель очень непрочен держится той магической силой, которая правит здесь.

Краткий отдых может оказаться последним пристанищем.

Когда Конан пытался ползти, казалось, что железные пальцы сжимают грудь, но звук падающей земли подгонял его. Киммериец весь вспотел, и не только от усилий, когда снова наступила тишина, нарушаемая лишь его тяжелым дыханием.

Ощупав ребра пальцами, он не нашел переломов, хотя поспорил бы на цену хорошей гостиницы, что завтра он будет сплошным синяком. Дыхание Конана успокоилось, и он сел.

Со стороны входа в туннель слышался гул и глухие удары. Звук достиг силы грома и стих так же внезапно, как и появился. Что-то большое упало, как и киммериец, в яму и полетело до самого дна, чего Конану удалось избежать.

Он сказал себе, что звук слишком тяжел, чтобы это могла быть Валерия. Такое предположение избавило Конана от мысли, что Валерия наверняка последует за ним, если одолеет крокодила. В ней есть та верность боевого товарища, что противоречит здравому смыслу и которой живет сам Конан.

Вход в туннель был сейчас на две трети завален землей, и Конан был как молнией поражен, поняв, что видит это. Он больше не находится в абсолютной темноте, достойной тюрем Стигии.

Конан оглянулся и посмотрел в глубь туннеля. Туннель плавно шел вниз и терялся в тени,

но ясно был различим на расстоянии пятидесяти шагов или более. В самом дальнем конце, какой видел киммериец, стены, казалось, превращались из земляных в каменные, к тому же резные.

На всем играл тонко окрашенный свет, оттенок которого в одно мгновение казался сапфиром, а в следующее — алым, как прозрачный рубин. От попыток проследить за изменением цвета у Конана стала кружиться голова, и через некоторое время он бросил это занятие. Свет колдовской, без сомнения, а он всегда чувствовал себя неуютно в присутствии колдовства. Но еще более неуютно в совершенной темноте, к тому же этот свет может помочь выбраться отсюда, и Валерии не придется рисковать сломать себе шею, спускаясь сюда!

Теперь, будь у него какая-нибудь возможность сказать ей, что...

Валерия знала, что так глубоко под землей воздух должен быть прохладнее. Что это лишь кажется, что он горячее, будто она спускается в жерло вулкана, туда, где глубоко внизу кипит раскаленная лава, готовая испепелить ее, в случае если захват на мгновение ослабеет.

— Во имя мускулов Эрлика! — проговорила она. — Только дай своим фантазиям куда-нибудь улететь, глупая девка, и ты грохнешься.

Это была не фантазия, что пот покрывал всю открытую часть тела, превращаясь в жидкую грязь там, где попала земля, осыпавшаяся со стен.

Набедренная повязка прилипла к ней, мокрая как медуза, и казалось, что даже сапоги стали тяжелее от сырости в воздухе.

Сказать правду, она никогда не лезла так долго и с такой ненадежной опорой для ног и рук. По сравнению с этим тот случай, когда она, поспорив с товарищем по судну, наперегонки перебиралась по верхушкам мачт от носа до кормы, был детской игрой. К тому же в той игре ее жизнь не была ставкой.

Ноги коснулись горизонтальной поверхности. Карниз? Что-то кроме голой стены во всяком случае... но вначале хорошенько проверить, прежде чем перенести туда вес, не говоря уже о том, чтобы отвязать веревку от крепления наверху.

— Э-э-э-й-й-й! — Голос, долетевший из глубины, скорее, казалось принадлежал привидению, чем человеку. Валерия ощупала карниз ногой, пока не нашарила, где можно стать. Не выпуская, однако, веревки, она посмотрела вниз.

Верхние края ямы были так высоко теперь, что свет едва позволял Валерии пересчитать пальцы на руке, поднесенной к лицу. Внизу все было черно. Или нет? Глубоко внизу, у противо-

положной стены ямы, с темнотой, казалось, было слабое мерцание, будто далекие светлячки в безлунную ночь.

Только никакие светлячки не мерцают такими оттенками синего и красного, никакие природные светлячки по крайней мере. Но законы природы могут и не относиться к тому, что живет здесь в глубине.

Валерия содрогнулась. Колдовство ей нравится не больше, чем киммерийцу, если сказать правду, и по тем же самым причинам. Колдовство делало честное боевое искусство бесполезным, да и те, кто пользуется этой силой, искажаются зачастую так, что становятся кривее самой извистой улочки в ее родной аквилонской деревушке! Тасцела была самой страшной колдуньей, какую Валерия встречала, и она благодарилась богам за то, что не видела колдунов, с которыми, если верить Конану, он сражался.

Еще будет время разобраться, насочинял ли Конан про это, после того как она убедится, что голос внизу действительно принадлежит ему... и после того как она доберется туда.

— Море делает нас свободными, — крикнула она. Это был пароль Красного братства. В этих джунглях ответ может знать только Конан.

— Земля нас связывает, — донесся ответ. Колени Валерии задрожали от чувства облегчения, но больше никаких движений она не делала.

— Конан! Где ты?

— В туннеле — там, где ты видишь свет. Я...

Комок земли отскочил из-за головы Валерии и полетел дальше в бездну. Она взглянула вверх. Была ли это ее фантазия, или отверстие наверху стало действительно меньше, свет из него тусклее?

Свет определенно мерк: рука теперь казалась лишь расплывчатым очертанием, где нельзя было различить пальцев. Свечение внизу было прежним, но оно не могло заменить капли света, постулавшие сверху.

— Конан! Что-то происходит со светом. Я попытаюсь спуститься на глубину, где и ты, потом переброшу веревку. Какова ширина ямы в том месте, где ты находишься?

— Достаточно широкая. Такая, что твой ручной крокодильчик не застрял в ее горле, когда ты послала его ко мне, — слышался ответ. — Тебе лучше поторопиться однако, если свет исчезает.

Она почувствовала в его голосе намеки на еще большую опасность, чем гаснущий свет, и вспыхнула гневом из-за того, что он скрывает от нее правду. Рассудок возобладал над гневом и сказал ей, что, вероятно, киммериец и сам не знает всей правды. А если знает, он всегда скажет ей, будь то женщина, царь или бог!

Веревка уже почти кончилась, когда Валерия нащупала ногой огромный кривой корень на

противоположной стороне от входа в туннель, по крайней мере она чувствовала ногой кору; свет, поступавший снаружи, почти исчез. Голова Конана и его массивные плечи почти заслоняли весь свет, идущий из туннеля. Она заметила теперь, что вход в туннель был завален свежесыпавшейся землей, и поняла, чего так боялся Конан.

Валерия никогда так отчаянно не старалась соблюдать тишину, с тех самых дней, когда она недолгое время была карманницей. Даже тихое шуршание, слышавшееся, когда скользкая петля развязалась и отпустила веревку, казалось, колотило по ушам подобно грому. Конец веревки пролетел мимо Валерии вниз, в яму. Затем Валерия начала вытаскивать веревку за свой конец. Она быстро наматывала ее, как вдруг веревка натянулась в руках. Зацепилась за какой-нибудь корень, подумала Валерия. Затем веревка начала дергаться. Действительно зацепилась, но за что-то живое в глубине ямы — Валерия была готова поспорить, за что-то далеко не столь безобидное, как крокодил.

Валерия предпочла бы встретиться с двумя десятками крокодилов, чем с тем, что, может быть, уже сейчас выбирается из глубины. Она, однако, не допустила дрожи ни в пальцах, ни в голосе, которая могла бы свидетельствовать о ее

страхе. Валерия перебросила свой конец веревки через яму, увидела, что Конан крепко схватил его, и потянула изо всех сил.

Борьба длилась довольно долго, равный спор о том, что будет разорвано первым — веревка или захват того, что скрывается внизу. Затем неожиданно веревка взмыла вверх, как летучая рыба. Валерия поймала свободный конец и спешно обвязала его вокруг талии.

Веревка была покрыта мерзкой слизью, которая вполне могла натечь из огромного гнойника, и сейчас до Валерии донеслось снизу влажное чавканье и хлопанье. И не с такой большой глубины, а ведь ей придется качнуться на веревке, чтобы переправиться через яму. Корень не давал достаточной опоры для прыжка.

— Конан! — крикнула она.

— Я тоже это слышу. Прыгай, Валерия!

Она, если не допрыгнет, упадет не на большую глубину, чем если бы она качнулась на веревке, как на трапедии, а затем вскарабкалась. Даже не на такую же глубину, так как Конан подобрал веревку так, что она плотно натянулась.

Валерия собралась с силами, согнула ноги, плотно прижала руки к стене и в результате осыпала еще несколько комьев земли. Они упали в темноту, и чавканье и хлопанье стали еще громче.

Пиратка сделала самый глубокий вдох в своей жизни, будто набранный в легкие кислород перенесет ее через кошмарную пропасть. Затем прыгнула.

В воздухе она была лишь мгновение, но и того было достаточно, чтобы это нечто внизу дотянулось и коснулось ее. Прикосновение было нежным, будто лапка котенка, и все же оно обожгло, как раскаленное железо.

Затем Валерия была на другой стороне, карабкаясь по осыпавшейся земле, слушая, как вой охотника, упустившего добычу, раздается по всей яме и туннелю. Со стен осыпалось еще больше земли. Конан протащил Валерию остаток расстояния, ухватив ее за руку и волосы.

Во время этих действий набедренная повязка наконец покинула ее, и Валерия повалилась к ногам киммерийца голой, если не считать оружия и сапог. На этот раз, вставая, она, кажется, не обратила внимания на свой вид.

— Ты можешь идти?

— Я могу бежать, лишь бы убраться отсюда!

Вой не стал тише, и теперь Валерия слышала, что к нему присоединился не менее ужасный звук. Стены ямы задрожали, что очень хотелось сделать и Валерии, и она увидела, как комья земли размером с человека пролетают вниз. Она также слышала, как они падают на что-то

внизу с отвратительным звуком, будто тонут в слизи.

Затем потолок у входа в туннель тоже задрожал, и ни киммерийцу, ни аквилонке предупреждения более не потребовалось. Они помчались вдоль туннеля, замедлив темп, лишь когда почувствовали под ногами камень, и остановились только после того, как услышали, что позади них обрушились огромные массы земли.

Со стороны входа в туннель повеяло зловонным испарением или, точнее, с той стороны, где раньше был вход в туннель. Обрушилась ли вся яма, сказать они не могли. Но путь назад теперь был завален плотной массой земли, которая, казалось, глядела на них, бросая вызов, чтобы они попытались употребить все свои жалкие силы, на то, чтобы сдвинуть ее и выйти на свободу.

Не то чтобы у Валерии было желание выбраться через яму, когда ее обитатели могут оказаться все еще живыми и голодными. Вероятно, эта земляная стена между ней и ими не такой уж злой удел, как ей до этого казалось, — если только твари из ямы могут прокопать себе путь и если здесь в туннели нет им подобных.

Что касается первого, то лучше скорее бежать. А что касается второго — придется обходить острым глазом и острой сталью — этим и парой молитв, если только какой-нибудь бог услышит их из такой глубины.

Валерия указала рукой в конец туннеля. Конан кивнул и пошел, следуя у нее за спиной, — на этот раз наиболее опасный пост. Валерия чувствовала это, а также и то, что Конан оглядывает всю ее, чтобы убедиться в ее невредимости.

Она многое бы отдала сейчас, чтобы забраться в горячую ванну!

Конан шел сзади, пока они не дошли до места, где туннель раздваивался; не было слышно ни звука погони позади, ни звука жизни впереди. То, что это не природный туннель, стало теперь ясно по невероятно древним следам инструментов и пятнам зеленого и ржавого цвета, где раньше были, вероятно, бронза и железо.

В месте развилки Конан осмотрел щиколотку Валерии. На ней виднелась отвратительная темная отметина, как при самом тяжелом ожоге, но боль утихла, и щиколотка сможет держать вес Валерии. Это не скажется ни на владении оружием, ни на скорости ног, если придется встретить опасность.

— Теперь ты, может быть, все-таки возьмешь мою рубашку, — сказал он. — В такой одежде, как сейчас, ты бы украсила королевский дворец, но не думаю, что мы здесь найдем много дворцов.

Подвалы, возможно, и кости тех, кого в них держали, и мало что еще.

— Не надо меня успокаивать, ты, сын козла.

— Ха! К тебе вернулось твое обычное строение. Вероятно, в таком случае тебе вообще не нужна одежда, поскольку без нее у тебя вдвое больше оружия: сталь и женские прелести!

— Давай сюда рубашку, — буркнула она, затем рассмеялась так, что раздалось эхо. Она оглядывалась по сторонам, пока утихло эхо, затем почти выхватила у киммерийца поданную им рубашку.

Рубашка доходила Валерии до середины бедра. Конан распорол рукава на полоски и обмотал ими ноги Валерии, чтобы предохранить волдыри, пока кожа не загрубеет во время дальнейшего пути. В таком наряде, с волосами, спутанными так, что порядочная птица постеснялась бы там свить гнездо, с сапогами, болтающимися на шее, Валерию вышвырнули бы на улицу из самой дешевой таверны.

Вышвырнули бы, если бы не меч и кинжал и также взгляд, говоривший, что ни одна рука, коснувшаяся Валерии против ее желания, не вернется своему владельцу невредимой, если вообще вернется.

Конану не надо было напоминать об этом. Действительно, он был благодарен искусству и удаче, которые позволили Валерии сохранить

оружие. Им придется еще сразиться, прежде чем они увидят дневной свет, даже если это будет битва с врагом, где сталь способна принести человеку лишь достойную смерть.

Валерии доставляло мало удовольствия ее положение, радовало лишь то, что она жива. А также и то, что благодаря присутствию киммерийца жизнь ее продлится дольше. Он был столь же грозен в борьбе с естественными врагами, как и с врагами колдовскими, и опыт битв у него гораздо больше, чем у нее.

После развилки одна ветвь туннеля шла вверх, другая уходила вниз. Боевые товарищи остановились; Валерия стала спиной к стене и начала смотреть туда, откуда они пришли, а Конан отправился разведать оба направления.

Валерии не нравилось оставаться одной — даже на короткий срок — здесь, в чреве земли. Но сейчас она могла побороть свои фантазии: прежде чем поддаться страху, она подождет, пока на нее из тени не бросится настоящий монстр. Аквилонка заняла это краткое время ожидания тем, что смотала с пояса тонкую лиану и прочно соединила ею меч с запястьем. Валерия надеялась, что ей не придется больше карабкаться и что сырой воздух сохранит лиану гибкой на случай, если она все-таки понадобится.

Конан вернулся скоро.

— Путь, ведущий вниз, заполнен водой. Там слишком глубоко, чтобы чувствовать себя уютно, не говоря уже о том, что может в воде скрываться.

Валерия зажала нос:

— Что-то зловонное, как поле битвы после двух недель, если судить по тому, как от тебя несет.

— И еще. Я заметил статуи, похожие на самых древних идолов, каких я видел в Черных королевствах. Я сейчас более чем когда-либо уверен, что кто-то построил эти норы.

— Но зачем?

— Вероятно, чтобы не ходить через джунгли. Будем надеяться, что они послужат для этого и нам. — Он посмотрел на путь, уходящий вверх: — Если я не совсем запутался, он ведет назад, туда, откуда мы шли.

— Лучше известные нам джунгли, чем поджидающее нас здесь, — произнесла с жаром Валерия. — Если судить по звуку, в яме сидит зверь, способный сожрать на завтрак Чудовище Ксукотла и дракона из леса на обед.

Конан ничего не ответил, а просто пошел вперед. Туннель поднимался вверх на протяжении трехсот шагов. Валерия начала надеяться, что он так близко подходит к поверхности, что им удастся выбраться. Если окажется, что еще какое-то дерево пробилось сюда корнем...

Разочарование наступило быстро. Стены туннеля оказались целыми, если не считать одного места, где осыпалась ниша, и пол изменил свой наклон; дальше туннель шел вниз так же круто, как поднимался. Он сделался гладким, будто обмазанный маслом.

Свет не мерк, и Валерия начала различать на стенах рисунки. Это вполне могли быть узоры из крошечных драгоценных камней, вправленных в стены, — казалось, они сверкают. Стараясь разобрать, что же это такое, Валерия внимательно пригляделась к одному из узоров и увидела, что он изменился у нее на глазах: изображение одного животного сменилось изображением другого, затем третьего.

Сначала это был лев, затем огромная рыба, и Валерии показалось, что третьим был дракон. Остальные представляли тварей, которых, решила она, ей совсем не хочется рассматривать и тем более встретить.

Хотя свет не изменился, Валерия начала чувствовать, что кожу ее щекочет движение воздуха. Нос ее сморщился от усиливающейся вони чего-то давно мертвого и совершенно разложившегося. Она оторвала еще одну полоску от рубахи Конана и закрыла нос, киммериец сделал так же.

После поворота, где от стены отвалилась большая плита, почти перегородив туннель, они

вышли в пещерный зал размером с тронный. Свет, казалось, жался к полу, так что потолок зала терялся в тени. Дальняя стена на расстоянии полета стрелы также тонула во мраке.

Пол пещеры почти весь был покрыт ковром из грибов. Они поднимались огромными плитами, доставая Валерии до пояса; большей частью они были бледные и дряблые, но с полосами более здорового коричневого цвета. С их ножек капала маслянистая жидкость, которая превращала почву в мерзкую кашу, и многие из этих грибов, казалось, были наполовину объедены.

На этот раз на разведку направились вдвоем. Не надо было выражать словами понятное им обоим: в этой пещере одному ходить опасно.

Проходя вдоль стены, они обнаружили еще обглоданные грибы. Один участок был выеден полностью, и там среди сгнивших остатков уже росли молодые грибы.

— Эти грибы растут быстро, — заметил Конан. — Достаточно быстро, могу поспорить, чтобы кто-то мог ими кормиться.

Обогнув зал наполовину, они нашли место, где грибы росли гуще, запах гнили был сильнее. Валерия сделала шаг вперед и ударила мечом по самой большой шляпке гриба. Она развалилась, рассыпав пыль и споры, и открылось массивное ребро — часть останков какого-то неземного существа.

— Кто-то действительно ими кормился, — сказала она. — А теперь поменялись ролями.

— Если их могут есть звери... — произнес он.

У Валерии скрутило желудок, и последние остатки обезьяны чуть не покинули его.

— Птицы и обезьяны — хорошая примета. Но эта тварь рождена колдовством, оставшимся со времени строителей туннелей. Кто знает, что она может переварить из того, что нас убьет?

— Правильно, но мы не нашли никакой другой пищи, ни воды. А в этих грибах, похоже, есть внутри вода.

— А...

— Вначале я попробую. Если пальцы у меня не позеленеют и не отвалятся...

— Ха! Киммериец ничем не лучше этого зверя, чтобы проверять на нем пищу для нормальных людей. Я видела, как ты ел то, что подавали в солдатских тавернах в Сухмете.

— Что было лучше, чем паек, я бы сказал.

Валерия вскинула руки, в шутку изображая жест отвращения.

— Если только у тебя желудок и кишки из железа. Я предпочту три года есть солонину из бочки. Во имя Эрлика, я бы лучше съела саму бочку!

— Слишком жестко, на мой вкус, — сказал Конан.

Валерия с удовольствием заметила, что он все же приближался к грибу, будто это ядовитая

змея, потрогав его вначале кинжалом и лишь потом отрезав. Он также постарался поймать отрезанный кусок, прежде чем тот коснется земли. Затем взял в рот кусочек, который мог бы поместиться в наперстке и еще бы осталось место. Пожевав немного, Конан проглотил его.

— Жирный, как волосы у стигийской блудницы, — сказал Конан. — Но в остальном я ел пищу и похуже.

— И сколько времени тебе понадобится, чтобы вспомнить, где и когда?

— Ну, дай мне примерно год...

Конан прервался и приложил руку к уху. Валерия сделала то же самое, положив другую руку на рукоять меча, но ничего не услышала.

— Вероятно, эхо играет шутки в этой могиле, — произнес наконец Конан.

Валерии не понравились сказанные им слова.

Киммериец отрезал еще один кусочек гриба чуть побольше и разделался с ним так же, как и с первым. Проглотив, он облизнулся:

— Еще жирнее, чем первый, но ничего не могу сказать против, — проговорил он. — Погоди немного, подождем, пока он не усидится у меня в желудке...

Раздалось не то рычание, не то крик, но в любом случае нечто жуткое. Пещера подхватила звук и отдала эхом, пока Валерии не стало казаться, что они находятся внутри

огромного барабана, по которому лупит сумасшедший.

Она сама предпочла бы сойти с ума, чем видеть то, что вошло, переваливаясь, в пещеру из другого туннеля. В загравке оно было в человеческий рост, а от глаз начинались торчащие костяные пластины, которые защищали толстую шею. Пунцовые шары размером с дыню глядели на Валерию и киммерийца из-за двух крепких рогов, торчащих вперед из рыла с клювом. С хвостом тварь была больше корабельной шлюпки, а если судить по тому, как ноги ее уходили в землю, она была тяжелая, как слон.

«Еще один дракон, и никаких яблоч Деркеты, чтобы убить его», — была первая мысль Валерии. За ней последовала более радостная: «У меня хороший товарищ для последней битвы».

Будто они уже долгие годы сражались вместе, Валерия и Конан разошлись, чтобы тварь не могла напасть на обоих одновременно. Валерия внимательно изучала рога и торчащие пластины. Если те и другие окажутся не слишком острыми, за них можно будет удержаться. Затем хорошего удара мечом или кинжалом может хватить этой твари, так же как и крокодилу.

Вместо того чтобы напасть, зверь снова закричал. Он, казалось, ждал ответа или, возможно, ждал, пока не стихнет эхо. Но и тогда он все еще не нападал. Он грузно подошел к краю

участка, заросшего грибами, опустил морду и откусил кусочек.

— Эта скотина не дракон, — сказал Конан. — Это тот, кто ест грибы.

— Тогда что убило другого... — начала Валерия.

В следующее мгновение она уже сама нашла наиболее вероятный ответ на свой вопрос. Хотя и плохо видящее, существо имело достаточно острый слух. Оно повернулось в сторону, откуда исходили голоса, и Конан жестом дал сигнал соблюдать тишину.

Валерии не нужны были команды. Она еще больше увеличила расстояние, отделяющее ее от товарища. Если зрение достаточно плохое, зверь может оказаться не в состоянии разглядеть двух противников, не то что напасть на них. Тогда один из них может погибнуть, но у другого будет возможность расправиться со зверем.

Если тварь и видела их, она ничем это не показала. Валерия подумала, что, вероятно, животное так плохо видит, что может замечать лишь движение. В следующее мгновение тварь опустила морду и снова стала есть.

Ело это существо отнюдь не изысканно. Оно залезло, чавкая и хлюпая, в группу тесно росших грибов размером с аквилонский огород. Чавканье, рыгание и шум шагов зверя отдавались эхом. Внимание твари можно было обратить на

себя, лишь протрубив у ней над ухом из кавалерийского горна, не меньше.

Насытившись, она подняла голову и поковыляла к останкам другого животного — ее жертвы, вероятно павшей в смертельной схватке за обладание пещерой, полной пищи. Тварь подошла к телу, с шумом обнюхала, затем подняла голову и протрубила вызов громче прежнего.

Валерии казалось, что в уши ей вгоняют раскаленные гвозди, но она не сводила с твари глаз. Зверь, может, и плохо видит и не много слышит из-за собственного шума, но он явно чувствует присутствие чужого.

Конан дал знак Валерии подойти поближе. По-прежнему следя за чудовищем, она опустилась на колени и на четвереньках поползла между грибов. Киммериец стоял неподвижно, как идол в храме, наблюдая, как тварь обходит вдоль стен, и ждал, когда к нему подползет Валерия.

— Нам придется сейчас с ним встретиться, — прошептал он. — Зверь почуял на своей территории чужого. Если мы не убьем его, он найдет нас и набросится неожиданно.

Валерия была готова согласиться. Челюсти зверя были гладкими костяными пластинами, зубов там было не больше, чем в клюве у цыпленка. Они были также достаточно большими, чтобы проглотить Валерию целиком, и достаточно сильными, чтобы сломать кости Конана, как ветки.

Конан и Валерия снова разошлись. Они находились в сорока шагах друг от друга, когда из туннеля, через который они вошли в пещеру, повеял легкий порыв ветра. Ветерок пролетел мимо них, и Валерия замерла и даже остановила дыхание, ожидая ответа зверя.

Ответ пришел — опять вызов, подобный грому. Не успело затихнуть эхо, как зверь ринулся. Будто тяжелогруженое судно в бурном море, он продрался сквозь грибы, топча одни, разбивая другие. Голову он держал низко, выставив рога вперед, как таран галеры. Валерия стояла неподвижно, пока зверь надвигался на них.

В следующее мгновение Конан выскочил вперед, будто камень, выпущенный из пращи. Он схватился руками за рог и прыгнул через морду зверя, желая приземлиться на шею животного.

Но каким-то образом стальная хватка подвела его. Вместо того чтобы четко сесть верхом, он упал на живот поперек шеи зверя. Киммериец соскользнул и упал, перекатившись, потеряв в падении меч.

Валерия наполнила легкие и издала крик — будто душа, терзаемая вечными муками. Голова зверя обратилась к Валерии, — боги, очевидно, решили, что Конану суждено погибнуть, а ей расправиться со зверем, но Валерия из Красного братства не позволит такие вопросы решать за себя ни человеку, ни богу.

Сообразить, что противников двое, тупым мозгам животного сил не хватило. Оно снова протрубило вызов и начало пятиться.

— Теперь вместе! — крикнул Конан.

Эти слова заставили зверя повернуться к нему, но киммериец был снова на ногах и вооружен. Валерия уже видела прежде, что киммериец одинаково быстро может передвигаться и вперед и назад; теперь она увидела это вновь. Отступая, он увлекал зверя за собой, и тот позабыл, что вообще чуял второго противника. Вспомни он о Валерии — это было бы смертным приговором.

Пиратка прыгнула, легконогая как кошка, вскакивая туда, куда Конану не удалось. Она приземлилась верхом на шее, ухватила за край пластины и встала на ноги, готовая к удару.

Когда она ударила, зверь встал на дыбы. С быстротой и ловкостью, приобретенными при лазании по такелажу десятка судов, Валерия доверила свой меч лиане, прикрепленной к кисти, и ухватила за шейные пластины двумя руками. И руки и лиана хорошо выполняли свои функции, пока Валерия, как кукла, болталась на шейных пластинах. Зверь зашипел, зарычал и завыл одновременно, затем стал мотать головой, стараясь избавиться от помехи.

Это дало возможность киммерийцу нанести удар по незащищенному горлу зверя. Меч звенел, рассекая воздух, чешуи размером с ладонь

и плоть. Вогнанный двумя крепкими руками, меч нанес смертельную рану.

Крик животного захлебнулся, оно захрипело, и из пасти полилась кровь. Зверь, однако, не упал, и Валерия подтянулась и забралась на пластины. Мгновение она держала там равновесие, будто на вершине мачты в шторм, с изыском привычного к таким вещам матроса.

Затем ее меч ударил в тонкую кость между пунцовых глаз. В следующее мгновение Валерия летела по воздуху, будто со сломанной мачты. Она приземлилась среди грибов, что смягчило падение и отчего она вся покрылась жиром.

Когда Валерия поднялась на ноги, то увидела, что Конан уводит от нее зверя. Тварь истекала кровью и явно ничего не видела, но все же не падала! Валерия прокляла всех тех незаконных детей, вшивых приматов, которые создали эту колдовскую тварь.

Будто проклятие оказалось магической формулой — животное обрело новую силу. Оно бросилось на Конана, и киммерийцу пришлось побежать, чтобы сохранить дистанцию. Челюсти лязгали, и животное вдруг развернулось в сторону туннеля, через который Конан и Валерия вошли в пещеру.

Зверь развернулся ко входу и кинулся в него с упрямым бешенством, словно ответы на все его несчастья скрывались в этом туннеле. Тварь

пронеслась по пещере быстрее, чем смогла бы бежать Валерия; аквилонка успела лишь заметить, что Конану едва удастся не попасть в челюсти.

Затем киммериец и тварь вместе достигли входа в туннель. Боевой клич Конана, последний вызов чудовища и шум осыпающихся камней слились в давящий уши гул. Эхо металось по пещере, многократно отражаясь.

Валерия, упав на колени, видела, как густое облако пыли поднимается из туннеля. Снаружи ничего не было видно, кроме кончика хвоста животного, бессильно мотающегося по сторонам. Затем хвост стал лишь подергиваться и наконец замер.

Валерия отдала команду своим рукам не дрожать, а коленям держать ее и пошла к осыпавшемуся туннелю. Она не представляла себе ясно, что будет делать там, кроме того, что будет искать тело Конана. Если только его придавило туловищем животного, а не осыпавшимся камнем, она, вероятно, сможет прорубиться сквозь плоть зверя...

Из облака пыли появилась темная массивная фигура.

Валерия зажала рот свободной рукой, чтобы подавить вырвавшийся крик. Другая рука подняла меч, если только он будет полезен против духа...

— Валерия!

Рот Валерии открылся, но она не издала ни звука. Она не опустила меч и не сдвинулась с места, когда Конан подошел к ней.

Его руки, обнявшие ее тело, так успокаивали, что Валерия удивилась, почему она раньше не просила его об этом. Спустя немного времени она перестала дрожать, а еще немного погода обрела голос.

— Ну и хорошо, что мне не придется лезть за тобой второй раз. На мне почти не осталось ни одной тряпки, а шкура этого животного, кажется, слишком груба для одежды.

Конан пожал плечами:

— Я тебе уже говорил, какой наряд тебе больше всего подходит. Если не веришь мне, то это лишь доказывает, что ты не доверяешь мужчинам.

— Я доверяю им настолько, насколько они этого заслуживают, — с достоинством ответила Валерия. Она почти соединила большой и указательный пальцы, оставив между ними расстояние в толщину волоса. — По крайней мере настолько.

Валерия с облегчением заметила, что рука ее не дрожит.

— Нам лучше двинуться в путь, пока этот шум не привлек сюда всех родственников нашего друга, — сказал Конан. — Но пути назад нет. Он завален камнями и телом животного.

Валерию ничуть не порадовало, что единственный выход из пещеры круто спускается вниз. Но по крайней мере там светло, во всяком случае на том отрезке, что виден, и сыро, что указывает на близость воды.

Она обернулась и увидела, что Конан отрезает от гриба кусок размером с охотничью собаку.

— Паек в дорогу? — спросила Валерия. При этой мысли ее желудок хотел вывернуться наизнанку, но был так голоден, что вместо этого лишь проурчал.

— А почему бы и нет? — ответил Конан, кинув Валерии кусок гриба. — Если бы он убивал быстро, я лежал бы мертвым вместе со зверем. Если я буду жив ко времени нашего следующего привала, то я скажу, что он не совсем ядовит.

Валерия взяла кусок гриба под мышку и сунула меч в ножны.

— Конан, ты умешь заставить женщину желать тебе долгой жизни!

Глава 5

Конан шел впереди по туннелю, ведущему вниз. Если и появится какая-нибудь опасность, то она скорее всего будет исходить от другого зверя, пришедшего на шум. Ну и пусть приходит, сказал себе киммериец, пусть только подождет, пока он и Валерия уберутся с дороги!

Туннель ровно шел вниз, и воздух становился совсем влажным. Он не был зловонным, как можно было ожидать на такой глубине, где столько гнили и дохлятины.

Конана это утешало мало. Здесь кругом было ощутимо древнее колдовство: оно рождает свет, очищает воздух и дает жизнь неизвестным чудовищам, кроме тех, которых они уже повстречали.

Он предпочитал меч и дикие джунгли, но каждый их шаг явно уводил в глубь этих нор.

Было ясно, что и тот зверь, и его сородичи много раз проходили по этому пути. Даже на самых твердых камнях стен и пола были царапины от когтей. В каменных щелях застряла

чешуя нескольких оттенков. В одном месте бронзовый столб, толщиной с руку Конана, был согнут почти пополам под натиском чего-то огромного и сильного.

Один раз им встретилось ответвление, и Конану показалось, как очень далеко отходящий туннель начинает подниматься вверх. Это оказалось не иллюзией, но еще через пятьдесят шагов был поворот, а прямо за ним — тупик.

И тупик не был естественным обвалом. Путь преграждали громадные двери из каменных плит, вставленных в то, что казалось позолоченной бронзой. Конан увидел выложенные бронзой канавки, скользя по которым двери могли раздвигаться, уходя в ниши по обеим сторонам туннеля.

Самая меньшая из плит весила больше, чем киммериец, а самый тонкий металлический брус обрамления был толще ноги Валерии. Некоторые брусья были сделаны в форме змеи, змеи вились и по плитам, выложенные мельчайшими драгоценными камнями или искусно вырезанные в камне.

Конану и думать не хотелось о том, какие заклятия могут понадобиться, чтобы сдвинуть эти двери. Заклятия или, возможно, приспособление, которое могло бы сравниться с приспособлениями потонувшего Атлантида, рядом с которыми и осадные машины Кхитая будут детскими игрушками.

— У этих змей зеленые глаза, — прошептала Валерия. Она тоже прониклась благоговением, находясь в месте, где веяло древностью. — Может, это Золотые Змеи?

Конан внимательно рассмотрел изображения. Позолота кое-где стерлась и во многих местах потускнела, но действительно глаза всех змей, вырезанных или выложенных, были из крошечных зеленых камней. Рассмотрев их еще внимательнее, он заметил, что драгоценные камешки как бы светятся изнутри, как огненные камни, виденные им в Ксучотле.

— Ха! Мы, вероятно, нашли место, где в древности было логово Золотых Змей, — сказал он. — Ради них стоило бы построить такую дверь. Она выдержала бы и таран галеры.

— Тогда будем надеяться, что она справится со своей задачей, пока мы не выбрались из этих пещер, — ответила Валерия.

— Женщина, где же сердце истинного пирата? — как бы презрительно спросил Конан. Он ткнул пальцем Валерию в ребра.

Она несильно ударила его по руке:

— Уже давно ушло в пятки, однако я тебя кастрирую, если ты хоть слово об этом скажешь. — Она потерла свой живот: — И желудок тоже скоро там будет. — Она посмотрела на кусок гриба у себя под мышкой: — Это действительно можно есть?

— Я еще не отравился.

— Да, только я вдоволь наемся, как ты на-
верняка начнешь корчиться и тут же сдохнешь.

Бронзовая дверь прекрасно бы защитила их с
тыла, но кто может сказать, что лежит по другую
сторону? К тому же, если один из зверей почует
их след и придет сюда, они окажутся в ловушке.

Поэтому, чтобы поест, они вернулись к ме-
сту отвлечения.

— Вкус как у сырых морских слизняков, —
сказала Валерия, съев несколько кусочков.

— Ну и как слизняки? Я слышал о них, но
говорили, что неваренные они ядовиты.

— Яд удаляется не варкой. Там на голове
есть точка, которую надо вырезать, иначе слиз-
няк перетравит весь экипаж. Но если ловко ору-
довать ножом, его быстро можно приготовить, и
этот слизняк в некоторых землях считается ла-
ковым угощением. В основном, правда, южнее,
чем мы заходили. Но в одно жаркое лето слиз-
няки размножились так, что встречались и се-
вернее, чем обычно.

Они съели гриба столько, сколько посчитали
разумным, в тишине, которая даже показалась
приятной. Конан поклялся, что, если он и Вале-
рия доживут до того, чтобы добраться до какой-
нибудь земли, где есть заведения, в которых
можно цивилизованно поест, он угостит Вале-
рию так, что она не скоро забудет.

А пока прошли они уже достаточно долго и
много и чувствовали усталость. Они бросили
кусочек гриба, чтобы разыграть, кому первому
стоять на посту, и честь эта выпала Конану.

— А нужно ли нам вообще стоять на по-
сту? — спросила Валерия. Она плотно прижала
руку к побитым ребрам Конана. Он сделал глу-
бокий вздох, но не от боли, причиненной прикос-
новением.

— Я не хочу закончить жизнь в желудке
одного из этих зверей или быть растоптанным
ими. А здесь могут шататься не только они.

— Ну вот, теперь ты добился того, что я глаз
не сомкну из-за кошмаров, которые ты мне
описал! — Но слова ее, однако, были притвор-
ными.

Конан взял ладонь Валерии и мягко отстра-
нил ее от себя.

— Во всяком случае, не теряй свой сон из-за
меня. Я получал травмы и посильнее, когда был
мальчиком. Однажды, например, я упал с кры-
ши, которую мы с отцом чинили.

— Как хочешь, Конан, — сказала Валерия.
Она отвернулась и устроилась так, чтобы можно
было видеть все направления. Конан позволил
себе некоторое время повосхищаться прекрасной
прямой спиной, которая начиналась от длинной
шеи и заканчивалась у округлых бедер. Затем он
положил меч рядом с собой, скинул сапоги и лег

в надежде заснуть, если это возможно на холодном каменном полу, где все вокруг пропитано колдовством.

Хижина, в которой спал Добанпу Говорящий с духами, когда он посещал самую большую деревню Ичирибу, была местом теней и тонких запахов. Сейганко даже казалось, что там в траве, покрывающей крышу, живет ручной дух и не выпускает свет.

Запах был смесью ароматов травы, дыма очага, на котором готовят пищу, дыма сжигаемых трав и масла, которое Эмвайя втирает в свою кожу. Сейганко вспомнил то время, когда она в первый раз предоставила ему честь натереть ее маслом. Тело его напряглось от воспоминания и предвкушения страсти.

В своем углу хижины Эмвайя сидела будто резная фигура. На ней была самая простая набедренная повязка и единственное костяное украшение в волосах. Лицо ее было мрачно, когда она, оторвав свой взгляд от отца, взглянула на своего жениха.

— Ты спросил, что мы должны делать, отец? — сказала она.

— Обычными словами, — ответил Добанпу. Лишь в голосе сохранилась у него сила, хотя он еще не совсем утратил крепкие мускулы и ши-

рокие плечи. Он видел, как шестьдесят раз смена времен года совершала свой круг, и пережил всех детей от своих первых жен, и всех, кроме Эмвайи, из своей второй семьи.

Поговаривали, что эти потери являются платой за то время, что он проводит в пещере духов. Но даже и те, кто говорил так, произносили это шепотом. Говоря же в полный голос, они превозносили мужество, с каким Добанпу переносил эти потери. Вслух они не высказывали сомнений в мудрости его решения обучить дочь искусству Разговора с духами, — разве только тогда, когда Эмвайи не было рядом. Некоторые называли ее язык самым смертоносным оружием Ичирибу.

Добанпу поднялся, потягивая конечности, затекшие от долгого сидения.

— Я хочу знать твои мысли относительно того, что мы должны делать, — сказал он. — Я не для того пошел против всех обычаев, обучая тебя своему искусству, чтобы ты сидела немая, как царевна-лягушка в легенде Миоста!

— Ты спросил — я отвечаю, — сказала Эмвайя. — Мы должны следить за Аондо. Или, еще лучше, забрать у него оружие.

— Аондо нужен среди воинов, — отвечал Сейганко.

— Даже у тебя за спиной?

— Если за ним хорошо следить, то даже у меня за спиной, — уверенно ответил вождь. —

Мы ничего не можем сделать против него, не теряя чести и не нанося оскорбления.

— Если он почувствует оскорбление, он может бросить тебе вызов. И это будет конец для него.

Добанпу тихо рассмеялся:

— Дочь, ты слишком доверяешь умению своего жениха. Аондо так силен, что неважно, что он двигается как завязший бегемот. Помни, что, когда его огромные челюсти доберутся до жертвы, — это верная смерть.

— Конечно, — сказал Сейганко. — А ведь нога любого человека может поскользнуться, если удача отвернулась от него и духи не с ним. Они также могут покинуть меня, если увидят, что я хитростью вынудил проверенного воина, такого как Аондо, участвовать в смертельной дуэли.

— Это ты говоришь о том, что могут сделать духи? — бросила Эмвайя.

— Да, если тебе это не нравится, можешь попросить своего отца, чтобы он перестал меня обучать!

Воин и женщина яростно глядели друг на друга какое-то мгновение, в то время как Добанпу, подняв взгляд к тени под потолком, казалось, просил духов лишить его на несколько мгновений слуха, чтобы он не слышал, как те двое, которых он так любит, выставляют себя дураками. Наконец Эмвайя опустила взгляд. Сейганко знал, что это вся просьба о прощении, которую

он получит. Но Эмвайя сейчас была настроена слушать, и он мог говорить более свободно.

— А также я думаю, что Аондо не первый из наших врагов среди воинов. Самый горластый, признаю. Но первый? Нет, я думаю, что больше опасности исходит от того, чьего имени я не знаю, но о чьем присутствии могу догадаться.

— Шпион Чабано? — спросила Эмвайя.

— Его, или Посвященных богу, или обоих.

— Дерзкий человек, если думает служить обоим, — задумчиво проговорил Добанпу. — Говорят, и говорят многие, что дружба между Верховным Вождем и Посвященными богу непрочна.

— Тем более стоит в таком случае сохранить шпиону жизнь, — сказал Сейганко. — Человека, который доставляет донесения, можно заставить доносить ложные вести, чтобы его хозяева вцепились друг другу в глотки.

— Ты играешь жизнями, как мячом, — произнесла Эмвайя раздраженно.

— А как иначе, дочь? — спросил Добанпу. — Изучишь мое искусство немного лучше — и ты поймешь, почему иногда должно быть так. А если нет, брось изучение Разговора с духами, выйди замуж за Сейганко, роди ему сыновей, веди хозяйство и управляй младшими женами...

— И погибни, когда Кваньи и Посвященные богу нападут, запашут наш прах в землю, прежде чем отправиться дальше на юг, сметая на пути

все! — воскликнула Эмвайя. Сейганко показало, что она готова разрыдаться.

Бури ее были сильными, но быстро проходящими, как и бури на Озере смерти. Она поморгала, затем попыталась улыбнуться.

— Отец, Сейганко! Я знаю цену любому другому выбору. Может быть, цена будет той же, даже если я пойду путем, который ты мне указал. Но я не должна радоваться тому, что боги послали Ичирибу.

— Только глупец будет требовать это от тебя, — произнес тихо Сейганко. Он хотел обнять ее, но решил, что сейчас не время. — Ты видишь здесь вокруг себя глупцов?

Эмвайя засмеялась:

— Еще нет.

— Тогда продолжим то, что начали, — сказал Добанпу. — На самом деле я думаю, что наличие шпиона заставляет оставить Аондо в живых. Сам Аондо едва ли может быть тем шпионом, но я поспорил бы на целую хижину сорго и новое каноэ, что он знает, кто этот человек. Охотник знает, что след детеныша леопарда может вывести к логову.

Валерия уже потеряла всякое представление о том, как долго они шагают по этим бесконечным подземным переходам. Они попали не про-

сто в подземный город, это было подземное королевство. Они уже трижды прошли путь, равный расстоянию от одного края Ксухотла до другого.

У Валерии не было никакого понятия о том, в какую сторону они идут. По ее представлению, они вполне могли ходить кругами.

Там, где они встречали тупики или лестницы, заканчивающиеся непроходимой преградой, они не поворачивали назад. Они шли вперед, но к какой цели, знали лишь боги.

Место это с хитроумно обработанными камнями, зверями и заклятиями невероятной древности, казалось, было так же далеко от взора богов, как и от лучей солнца. Если и придется искать ответы на какие-либо вопросы, ей и Конану надо будет искать их без чужой помощи.

Как и всегда, когда Валерия замечала, что мысли ее начинают биться, как птица в клетке, она для успокоения занимала место впереди. Необходимость быть постоянно начеку кое-как приводила ее мозги в порядок. Киммериец, без сомнения, догадывался об этом, но вежливость в отношении к боевому товарищу сдерживала его язык.

Перед ними открылась другая пещера. Или, скорее, зал. Когда-то это действительно могла быть пещера, образованная в скале за миллиарды лет просачивающейся, капавшей и льющейся

водой. Сейчас подземный поток, проделавший эту работу, тек по желобу, пробитому в полу из бледно-розового камня, отшлифованного так, что он казался шелковистым на ощупь и слегка поблескивал даже в тусклом колдовском свете.

Стены и потолок были из природного камня, но обработаны так, будто все сделано каменщиками. Хотя каменщики это и сделали, пусть даже пользовались они колдовством вместо кувалды и зубила.

Конан опустился на колени рядом с желобом и обмакнул в воду палец:

— Свежая, холодная, как задница гиперборейца, и течет быстро. Кто за то, чтобы искупаться перед тем, как напиться вволю?

Валерия сбросила свою одежду еще до того, как киммериец закончил говорить. Она больше не стеснялась взгляда Конана и даже сочла бы его лестным. С тех пор как они вышли из Ксухотла, она несколько похудела и стала стройнее, но Конан этого, казалось, не заметил. Или можно притворяться, что не замечаешь, и это еще одна форма вежливости между боевыми товарищами?

Они оба весело поплескались в желобе, достаточно глубоко, чтобы можно было сесть, погрузившись по шею, если бы только вода не была такой холодной. Затем они начали пить, пока Валерия не почувствовала, что желудок у нее полон водой.

Валерия стала на колени у желоба; покрытая гусиной кожей и каплями воды, она прополоскала свою одежду. Отжав ее, она встала и начала обматывать свои ноги.

— Сколько мы здесь уже пробыли? — спросила она, когда закончила с левой ногой.

— Если считать по тому, сколько раз мы спали, — три дня. В крайнем случае, четыре.

— Во имя клыков Сета, мне казалось, что больше!

— Вполне допускаю, но не спеши с оценкой времени. Это ведет к сумасшествию.

— Лучше скажи мне то, чего я не знаю, Конан! Ты был когда-нибудь столько времени без солнца?

— Да.

Тон его ответа не побудил ее к дальнейшим расспросам. Она оставила это. Она уже поняла, что одними из своих приключений он похвалется в тавернах, другие же он заберет с собой как тайну в могилу. Валерия молила лишь о том, чтобы ни его, ни ее могила не оказались в этом позабытом богами пустынном подземелье.

Он встал и какое-то мгновение держал ее за плечи, вытянув руки перед собой.

— Нас может порадовать следующее: мы не ходили кругами, и мы перебрались далеко за реку. А также мы все чаще встречаем лучше отделанные и обработанные переходы.

— Мы приближаемся к сердцу этого города?

— Если это назвать городом, то я бы поклялся, что да. А там, где сердце города, там сокровища и удовольствия. А возможно, и выход на поверхность!

Он отнял руки с ее плеч, и Валерия ощутила мгновенное желание схватить их и вернуть на прежнее место. Она рассмеялась, представив себе картину, как она и Конан будут валяться на твердом полу, пока не скатятся в желоб и не охладят свой пыл!

— Если ты находишь, над чем можно смеяться в нашем положении, женщина, я возьму тебя куда угодно!

Валерия чуть было не ответила: «А я пойду за тобой». Но она вряд ли может ожидать, что выполнит это обещание. Она принадлежала Красному братству и слишком долго не признавала над собой никого, чтобы измениться сейчас.

— Давай вначале узнаем, куда нам идти, чтобы выбраться отсюда, Конан, — сказала она. Затем села и начала обматывать другую ногу.

— Вперед!

Чабано, Верховный вождь Кваньи, стоял на краю площадки, устроенной на дереве, и обращался к сотне воинов внизу. Младшие вожди

подняли руки, отдавая честь, а воины ударяли копьями о щиты.

Затем воины Кваньи бросились на врага. «Врагом» были лишь пни, но атака не была безопасной. Чабано об этом позаботился.

Первый воин упал до того, как отряд достиг пней. Трава, скрывавшая яму, провалилась под его ногами. Он, однако, не упал на самое дно и не наткнулся на кол, обмазанный навозом, чтобы в рану попала зараза. Воин отчаянно взмахнул руками, ухватился за край ямы и выбрался, не упав в нее. В следующее мгновение он был уже на ногах и догонял своих товарищей. Они уже далеко оторвались от него, но Чабано не считал это тяжелой провинностью.

Глаза этого воина, видно, оказались недостаточно зоркими, но ловкость и сообразительность спасли его. Он даже не выронил ни копья, ни щита, за что мог бы заслужить похвалы.

Еще два воина споткнулись о лианы, натянутые между пней. Один из упавших не смог достаточно быстро подняться. Чабано видел, как младший вождь подбежал к воину и с силой ударил по спине мбокой из змеиной кожи. Воин вскочил, быстро сделал жест повиновения и побежал дальше.

Другой из упавших вообще не поднялся, но, значит, была причина, по которой он остался лежать среди лиан. Пытаясь удержаться на ногах, он ударился головой о пень. Без сомнения,

он был сейчас без сознания, может даже умирает, ну и не велика потеря. Если бы меньше думал о позорном наказании мбокой, а побольше о том, как его племени нужны все его воины, с ним бы этого не случилось и он сейчас бы бежал.

Часть воинов добежала до поля, уставленного пнями, фалангой слишком расстроенной, чтобы понравиться Чабано. Младших вождей, решил он, ждет сегодня вечером одна из малых ордалий.

Сейчас воины яростно выполняли упражнения со щитом и копьем, бросая малое копье, захватывая краем щита копье противника, затем атакуя большим копьем открытого противника, потому что его копье захвачено и он выведен из равновесия. Воины знали, что это делается не просто ради удовольствия богов или даже Чабано, который был ближе, чем боги, и поэтому более достойный того, чтобы его боялись. Это означало победу в тот день, когда Озеро смерти уже не будет закрыто Ичирибу для Кваньи. Победу над всеми племенами, куда они только ни решат направить свой поход.

Тогда всем членам племени Кваньи достанутся и рабы, и пища, и хижины, достойные вождей, и честь в глазах людей и богов. Они будут выглядеть героями в глазах также и Чабано, который сделал их такими, какие они есть, и который будет их вождем, когда они станут еще более великими.

Чабано спрыгнул с площадки. Хотя он уже видел сорок раз, как смена времен года совершает круг, его глаза и его выносливость были как у молодого человека. Он пружинисто шел к воинам, легко ступая ногами, выкрашенными в красный цвет — знак отличия Верховного вождя.

— Слава Чабано! — выкрикнули младшие вожди. Воины повторили приветствие, затем снова ударили копьями о щиты.

— Молодцы, — сказал Чабано. — Не совершенно, но лишь боги совершенны.

— Так говорят Посвященные богу, — крикнул один из воинов. Нужно принадлежать к племени Кваньи, чтобы слышать издевку, заключенную в этих словах. Посвященные богу — не Кваньи, и для них эти слова показались бы полными почтения.

«Пустого почтения, пустого, как и их головы».

Лишь только если кто-нибудь из воинов Кваньи пал так низко, что шпионит в пользу Посвященных богу, то только тогда узнают они, что над ними издеваются. Чабано отказывался верить, что кто-либо из людей, у кого он принял клятву, кого обучил, кем руководил во время ордалий, битв, ритуалов, может быть столь низок.

Даже если один и предал, Чабано все же имеет преимущество. Он нашел себе глаза и уши среди

Посвященных богу до того, как те могли бы найти шпиона среди его воинов.

Положение солнца над деревьями напомнило ему, что сегодняшние военные учения почти закончены, чего еще нельзя сказать о его работе. Он прикрепил свой щит за спиной тремя, как требует ритуал, оборотами ремешка, и взял копье поперец груди двумя руками, согласно обычаю.

— Воины Кваньи, я должен идти говорить с богами. Сегодня вы доставили мне удовольствие. Ночью вы можете доставить удовольствие себе.

Это означало мучение для рабынь, а также, возможно, и для некоторых свободных женщин, кому не повезет. Это будет также мучение для сестер-пивоварок, которым придется тяжело потрудиться, чтобы утолить растущую жажду воинов. Были случаи, когда жаждущий воин не обращал внимание на то, что женщина носит головное украшение свободной Кваньи.

— Мы пойдем с тобой всюду, куда позволяют боги, — сказал один из младших вождей.

Сейчас время нагонять страху, а не проливать кровь. Чабано медленно опустил копье, так что его тупой конец погрузился в землю. Без видимого усилия он вогнал тупой конец на половину длины копья в почву джунглей.

Затем он снял со спины щит, выдернул копье и поймал его так, что острый конец уперся в грудь младшего вождя.

Младший вождь знал, что любое внешнее проявление страха, бьющегося внутри, вгонит копье ему в грудь. Он даже не сделал жеста повиновения, хотя не сводил глаз с Чабано.

— Боги требуют, чтоб мы оставались здесь? — спросил младший вождь. Нужно было обладать большой смелостью, чтобы задавать вопрос.

— Требуют, — ответил Чабано. — Ты сомневаешься в их словах?

— Боги говорят, но всегда ли они говорят ясно? — настаивал младший вождь. Чабано решил, что такая храбрость заслуживает, чтобы ее наградили. Надо было прекратить это представление.

— У тебя больше мудрости, чем у тех, кто считает, что послания богов имеют лишь одно значение.

Это был укол в адрес Посвященных богу, который мог грозить неприятностями даже Чабано, если те об этом узнают. Вождь, похоже, был мало этим озабочен.

— Но если боги пожелают, чтобы я был мертв, я буду мертв, даже если все Кваньи пойдут со мной. Если боги хотят моей безопасности, я могу пойти один на сегодняшние переговоры. Идите и найдите себе более хорошую компанию, чем та, в которой я сейчас буду!

Воины ухмылялись, переглядываясь, слыша, как вождь дерзко подшучивает даже над самими

богами, а не просто над Посвященными богу. Затем они подняли копьа, издали боевой клич и зашагали в джунгли.

Чабано подождал, пока последний из воинов не скрылся из виду, прежде чем встать на тропу, которой он намеревался идти. Даже после этого он переждал еще некоторое время, спрятавшись и прислушиваясь, чтобы окончательно убедиться, что он на этой тропе один. Он не говорил с богами, но его глаза и уши среди Посвященных богу могли сказать ему больше, чем сами боги.

Конану показалось, что он услышал позади шум. Он отстал, отыскивая место, откуда можно наблюдать незамеченным, но нигде было спрятались даже мыши, не говоря уже о киммерийце. Он прижался к стене и затаился, как кот, подкарауливающий добычу.

Вдруг он услышал, что Валерия подает сигналы, ударяя рукоятью кинжала о стену. Конан прислушался. Он разобрал условный сигнал: «Иди ко мне как можно скорее, но я вне опасности». Любому другому уху, кроме ушей Конана и Валерии, сигнал показался бы естественным звуком этих пещер, или, во всяком случае, он не сказал бы о человеческом присутствии.

Конан подождал примерно столько, сколько уходит времени у опытной танцовщицы в таверне

на то, чтобы скинуть одежду, когда зрители готовы ставить серебряные монеты за каждый скинутый лоскут шелка. Затем он решил, что этот город мертвых может выкидывать шутки даже со слухом бывалого воина.

Он тихо, как кот, подкрался к Валерии. Она, однако, не вздрогнула и не вскрикнула: слух ее стал сейчас острее, чем тогда, когда она только опустилась под землю. Молча она указала в конец туннеля. Жест был более красноречив, чем слова, в которых и нужды не было. Конан увидел, что в ста шагах впереди свет делался зеленым.

Теперь оба крались вдоль противоположных стен, будто хищники на охоте, пытающиеся остаться незамеченными. Оба вынули оружие, оба ступали осторожно, будто шли по осколкам стекла или по спящим змеям.

Они дошли до поворота, где свет менялся, и заглянули в угол. Какое-то мгновение Конан думал, что они действительно наткнулись на спящую змею-чудовище, с какими он слишком часто сражался, чтобы желать новой встречи.

В следующее мгновение стало ясно, что это лишь игра света заставляет змею казаться целой. От нее остался только скелет, хотя этот скелет тянулся на двадцать шагов от черепа с острыми зубами до косточек хвоста.

Свет обманул Конана, свет, который заливал пещеру. Свет, который, казалось, поднимался,

как дым, от зеленых драгоценных камней, лежащих толстым слоем в кольце, образованном скелетом. Свет от огромной массы светящихся камней, о существовании которых Конан не мог даже предполагать.

В Черных королевствах Конан слышал легенды о Гробнице Слонов. Туда, как рассказывали, отправлялись огромные серые животные, чтобы окончить свои дни. Бивни слонов — столько, что можно купить королевство, — лежат там, ожидая смельчака, который найдет их.

Киммериец никогда не слышал подобных легенд о Золотых Змеях. Действительно, он не слышал, чтобы кто-либо встречал Золотых Змей вообще, и видел, что светящиеся огненные камни — их глаза; это лишь легенда, что глаза Золотой Змеи и огненный камень — одно и то же.

Или, точнее, было легендой. Теперь Конан знал, что это правда. В черепе, большом как лошадиный, сверкали два больших зеленых шара. Свет от них был таким же, как и от драгоценных камней на полу.

Конан тихо и осторожно пошел вперед. Ни одно живое существо не могло бы двигаться тише. Бесшумно он подошел к скелету, опустился на колени и стал изучать глаза.

Теперь он понял, почему от таких огромных тварей, как Золотые Змеи, остается так много

огненных камней. Каждый глаз был размером с тарелку и состоял более чем из сорока камней. Некоторые камни были размером с желудь, другие величиной с хорошее боссонское яблоко. Все камни светились тем же неприродным светом.

Конан понял также, почему свет этот не имел ничего общего с природой. Ни одно существо в природе не имеет таких глаз: Золотые Змеи — это создание колдунов. Тех же колдунов, что выстроили этот лабиринт в скале, где он и Валерия — что может случиться — окончат свои дни? Вероятно. Но колдуны уже давно умерли, и их создания также.

Но даже это слабое утешение оставило Конана. Ветерок, холоднее, чем тот, что гуляет по Киммерии, пробежал у него по спине. На костях змеи еще висели куски плоти, золотые чешуйки все еще покрывали их, а запах, исходящий от них, говорил о разложении.

Если бы змея лежала здесь со времен ее создателей, кости ее были бы сейчас голыми либо куски плоти мумифицировались бы под действием воздуха подземелья. Это существо еще было живо, когда Конан ходил по земле наверху, может, даже еще тогда, когда сражался и кутил вместе с бараханскими пиратами.

Конан дал знак Валерии, что она может подойти, затем отошел и встал там, откуда можно

было смотреть по всем направлениям. Он ждал, держа меч, пока Валерия осмотрит кости и увидит то, что он уже видел.

Зрение и слух у Чабано были как у воина в два раза его младше. Ему не нужно было обладать такой остротой чувств, чтобы определить, что шпион его приближается, ибо Райку заботился так же мало, что его могут увидеть или услышать, как ребенок. Он был первым из младших Посвященных богу, из Безмолвных братьев, однако отсутствие навыка ходить в джунглях делало его приближение отнюдь не безмолвным.

Чабано воспользовался выигранным временем, чтобы забраться на ветку, растущую высоко над тропой. Когда показался молодой Посвященный богу, топающий, как похотливый боров, Чабано закрепил щит и копье, ухватился за крепкую лиану и прыгнул вниз.

Райку в страхе вскинул руки, когда увидел, что на него, будто с неба, падает Чабано. Он прижался спиной к обросшему мхом стволу дерева и начал безмолвно шептать заклинания.

— Хватит, — сказал Чабано. Он приставил кончик копья под подбородок Райку и слегка поднял его, чтобы тот закрыл рот. — Или ты думаешь, что боги услышат тебя и не услышат твои начальники? — добавил вождь. — Действи-

тельно, ты шел так, будто не боишься никого из людей.

— Я не боюсь, — ответил Райку, — я на земле друзей.

Чабано смеялся дольше, чем нужно, но чтобы не задеть гордости Райку, однако не убрал копья из-под подбородка. Когда вождь закончил, на подбородке Райку выступила капля крови.

— Или дружба лишь шутка? — спросил Райку. Он стоял, не пытаясь вытереть кровь, и глядел в глаза Чабано.

Снова Чабано решил, что и здесь достаточно отваги, достойной вознаграждения.

— Не шутка. Но и не все Кваньи разделяют эту дружбу. Во всяком случае, не почувствовали бы дружеского расположения к тебе, если бы узнали, зачем ты здесь.

— Кто им скажет?

— Ты скажешь, если кто-нибудь раскалит наконечник копья и приложит к твоему телу так, чтобы ты ослеп или не был больше мужчиной, — сказал Чабано. — Не отрицай этого.

— Не отрицаю, — ответил Райку твердо, но он был, казалось, немного смущен.

— И еще. Не топай, как слон, когда приходишь со мной на встречу. Если даже у тебя и нет врагов, они есть у меня, а следя за тобой, они могут выйти на меня.

— Как хочешь. — Затем Райку принял более дерзкий тон: — Можно подумать, что ты боишься, что здесь кругом бродят те, кто победил Ксухотл, а не твои воины!

— Вполне возможно, что бродят. Или твои начальники уверены в обратном?

— Я пришел сказать тебе, что им не известно ничего определенного. Они даже не уверены, что для того, чтобы погубить проклятый город, было применено колдовство.

Чабано считал, что вполне могло оказаться и так, что жители города сами сошли с ума от своего колдовства и без чужих заклятий. Если они передрались между собой и очистили город от своей мерзкой и бесполезной жизни, тем лучше.

Народ Ксухотла слишком долго плодился — и без всякой пользы. Теперь же после них остался прекрасный город, из которого удобно будет править этими землями, когда Кваньи расправятся со всеми своими врагами.

Но он не будет увлекаться этой мечтой. По крайней мере сейчас, вблизи Райку, который носит звание Безмолвного брата, но глубоко проник в знания Посвященных богу, так что неразумно его оскорблять без достаточной на то причины.

— Тогда что Посвященные богу хотят от Кваньи?

— Кто сказал, что они чего-то хотят?

— Я, Верховный вождь Кваньи, говорю так. Когда ты приходил ко мне без того, чтобы поведать о желаниях своих начальников? Они не знают о том, что именно ты мне говоришь, но тем не менее ты это делаешь.

— Первый говорящий хочет, как и прежде, знать все, что ты выведает о том, как был побежден Ксухотл, — сказал Райку. — Он также хочет возвращения рабыни, взятой Ичирибу в ночь набега.

Это последнее требование было новым.

— Ничего больше?

— Первому говорящему этого достаточно.

Чабано грубо рассмеялся:

— Я бы сказал, что такой молодой девки будет слишком много для старика. Чего он от нее хочет?

У Райку было достаточно храбрости или достаточно страху перед своим начальником, чтобы бросить гневный взгляд на Чабано, что не многим удалось сделать и остаться в живых.

— Ты что, не знаешь, что делает мужчина с женщиной? Люди посмеются, когда узнают, что великий вождь Кваньи...

— ...вышиб мозги Посвященному богу, слишком распустившему язык, — закончил Чабано. Он сурово взглянул на Райку, и тот замолчал. — Я выясню, что возможно сделать для того, чтобы

вернуть девушку, и найду людей для этого. В этом можно не сомневаться.

— Я и не сомневаюсь, — ответил Райку. Он был достаточно умен, чтобы не давать обещаний за своих начальников, которые не знали о его двойной игре. — А что о Ксухотле?

— А что о нем? — бросил в ответ Чабано. — Просить меня найти этих могучих колдунов — то же самое, что просить змею охотиться на леопарда. Лишь по счастливой случайности могу я получить знание, которое стоит иметь.

Жесты и мимика Райку сказали Чабано, что в этом вопросе ничего не изменилось. Посвященные богу не дадут в руки Кваньи ни одной из колдовских сил, какими обладают, даже для того, чтобы узнать, как погиб Ксухотл. Они предпочитают оставаться в неведении, чем делиться с другими своим знанием.

В этом было различие между Первым Говорящим с Живым ветром и Верховным вождем Кваньи. Ради знания Чабано отдал уже много и еще больше может отдать. Было и еще одно различие. Вождь знал, что Посвященные богу воспользуются колдовской силой победителей Ксухотла даже против Кваньи. Он не позволит им, если только сможет, приобрести силу, которая погубит его народ.

Райку исполнил ритуал прощания охотника с вождем и удалился. Слышно его было на безбожно далеком расстоянии, но, по крайней мере, он старался ступать тихо.

Валерия стояла на коленях рядом со скелетом и горой огненных камней до тех пор, пока не увидела то, что хотел, чтобы она разглядела, Конан. Затем она поднялась. Казалось, каждое ее движение, каждый вздох могли вызвать эхо и разбудить то, что могло таиться в этом кошмарном каменном лабиринте.

Она попыталась прошептать, но не смогла издать ни звука. Тогда она сделала глубокий вдох, решила, что пусть все страхи поцелуют ее в зад, и громко рассмеялась.

— Так, значит, Золотые Змеи все-таки не легенда? Эта скотина потеряла свою чешую уже давно, но глазки как живые.

Конан кивнул:

— И я думаю, что она посвежее, чем тот труп зверя, что мы нашли в пещере с грибами.

— Лучше бы было наоборот, — сказала Валерия. — Даже целая шляпка того гриба показала бы мне пирогом. — Она взглянула на киммерийца: — На что ты смотришь? На новую форму моего живота, после того как я почти ничего не ела последние дни?

Киммериец улыбнулся:

— Ты легко восприняла известие, что мы разделяем эти туннели вместе с Золотыми Змеями.

Валерия моргнула — и поняла, что ее глаза не совсем сухие. Она отвернулась, и Конан проявил вежливость, позволив ей постоять так, пока она снова не взяла себя в руки.

— А как я должна была это воспринять? — спросила она наконец. — Сейчас, я думаю, мы уже достигли того, что нам остается либо сойти с ума, либо смеяться. Я буду смеяться, если, конечно, тебе все равно.

От хохота Конана загремело эхо и в куче осыпались камни. Он поцеловал Валерию в обе щеки, затем в губы и завершил это все шлепком по заду.

— Я поставлю тому рябому капитану выпивку, как только встречу его. Откуда бы у меня взялся такой боевой товарищ, если бы он не заставил тебя бежать?

— Лишь боги знают. Я бы лучше отправилась в путь с болотным троллем.

Она опустила на колени и поставила сапоги на пол.

— Что ты собираешься делать?

— Конан, может быть, это наш последний клад с огненными камнями. Ты что, забыл, что я из Красного братства, что у тебя имя среди

бараханцев и что настоящий пират не оставляет сокровище пылиться?

Конан посмеялся и присоединился к ее занятию. Огненные камни были легкими для своей величины, и набитые ими по щиколотку сапоги не представляли большой обузы.

Но, конечно, в камнях может заключаться колдовство, такое же злое, как и колдовство в Ксухотле. Камни могут даже привлечь других Золотых Змей, живых, которые захотят отомстить за похищение сокровища их мертвых сородичей.

Валерии было все равно. И пусть колдовство погубит ее и киммерийца или пощадит, как будет угодно судьбе. Но оно больше не нагонит на нее страха.

А что до Золотых Змей, так пусть приходят. Еще несколько дней, и она будет готова не только насадить одну из них на меч, но и сожрать ее живьем!

Глава 6

— Конан, — шепнула Валерия. — Я чувствую запах жареного. Если только мои мозги совершенно не отчались.

Конан понюхал воздух, последнее время более влажный и спертый, чем раньше. Они уже долго шли по покрытой грязной пленкой воде, которая, казалось, сочилась отовсюду. Он подумал, что они, вероятно, находятся под руслом реки или, что скорее, под озером.

Временами вода была не глубже, чем слой слизи на камнях, который делает шаги даже таких ловких воинов, как Конан и Валерия, неуверенными. В другое время вода поднималась до щиколоток или даже до колен. Валерия перекинула нагруженные сапоги себе через шею. Рост киммерийца позволял ему нести свою долю сокровища привязанной к поясу. Им не нужны были сапоги, чтобы защищать огрубевшие ноги; на самом деле они предпочитали идти босиком, чтобы чувствовать ногами возможную опасность.

В местах, где глубина была по колено, вода казалась густой из-за останков животных и растений, которые не смогла сохранить живыми древняя колдовская сила. На подобных участках вода источала такой мерзкий запах, что даже привычный ко всему киммериец хотел, чтобы было что-нибудь под рукой, чем можно было завязать рот и нос.

Он еще больше хотел узнать, что за существо поднялось тогда из ямы, чтобы напасть на Валерию в тот день, когда они попали в этот лабиринт. Живет ли оно в воде, и не подходят ли они сейчас к логову тварей той же породы? Меч в надежных руках был ответом многим тварям, но, если вода сделается глубже, работать мечом станет труднее... не говоря уж о том, что это дерьмо сделает с клинками...

Конан понюхал воздух:

— Мозги у тебя в порядке, как всегда. Я тоже чувствую этот запах. Рыбий жир, могу поспорить.

— На что ты еще можешь поспорить, киммериец?

— Ну, у меня осталось не так много, как у тебя, клянусь. Но...

Валерия подняла руку и показала на что-то другой рукой, держащей кинжал:

— Лестница?

Взгляд Конана проследил за жестом.

— Если глаза мне не изменяют.

Валерия поморщилась:

— Здесь темнее.

Даже ее храбрость не помогла при мысли, что свет их оставит. Хотя и происходит он от колдовской силы, они обязаны ему жизнью.

— В таком случае тем более следует пойти по лестнице.

Их отделяло от входа на лестницу место, где вода доходила Валерии до пояса. Они стали продираться сквозь грязь, образуя по обе стороны от себя буруны из жидкого дерьма. Конан вынул сейчас и меч, и кинжал и держал оружие над водой, готовый ударить вниз, в случае если появится какая-нибудь тварь.

Ничто, кроме дерьма и отвратительной вони, не затруднило перехода, хотя они по пояс были черны от мерзкой жижи, когда добрались до сухих камней. Конан прошел по нижним ступеням, добрался до места, где стена треснула и завалилась, сузив и частично завалив проход, и встал на четвереньки.

Киммериец едва пролез под камнями. Десятью шагами дальше он уже еле протискивался, но то, что он увидел впереди, наполнило его сердце надеждой.

Лестница винтом уходила в природную темноту, откуда несло рыбьим жиром, животным салом и горелыми зернами. Местами ступеньки

осыпались и были опасны даже при свете. В одном месте ступеньки прерывались, и дальше надо было лезть внутри вертикальной трубы, упираясь в нее спиной и ногами.

Высоко вверх, будто единственная звезда в дождливую ночь, мерцал тусклый желтый огонек. Свет огня, как показалось Конану, без всякого колдовства. Напротив, это говорило о присутствии человека.

Единственным препятствием было то, что киммериец был слишком широк, чтобы пролезть сквозь просвет, оставшийся в завале, и лезть выше. Даже его сил не хватит, чтобы сдвинуть съехавшую плиту, а если это и получится, то на него может обрушиться куча камней.

Слава Митре, что еще один путь или, по крайней мере, еще одна надежда. Пошарив в просвете между камней, Конан дотянулся до лужицы застывшего жира. Он явно накапал откуда-то сверху, где, должно быть, весело горит кухонный очаг.

Конан полез назад. В какое-то мгновение он испугался, что застрял, но тут же почувствовал, как Валерия тащит его за ноги. Конан выскользнул на свободу, прокашлялся от пыли и встал.

— Первой придется идти тебе. Пролезь сквозь завал и принеси мне весь жир, какой сможешь найти...

— Жир?

— Наверху кто-то уже в течение многих лет готовит пищу. Жир, должно быть, стекал...

— Жир?

— Если мне понадобится эхо, женщина, я крикну! Полежай и посмотри, если не веришь.

Валерия быстро встряхнула головой и улыбнулась:

— Действительно, чему удивляться? Это самое сумасшедшее приключение из всех, в каких я была замешана. И я бы была разочарована, если бы оно не осталось таким до конца.

Конан промолчал и ничего не сказал, но подумал, что приключение, возможно, еще совсем не окончилось. Вполне вероятно, что они еще не вышли из джунглей или не добрались даже, по крайней мере, до приграничных земель Черных королевств, где имя Амра имеет вес. Люди наверху могут оказаться дружелюбными и гостеприимными; они могут даже поприветствовать его и Валерию копьями или изжарить на том самом огне, который кажется сейчас таким малящим. Людоедов в этих землях не так много, как говорят легенды, но все же они есть.

— Ладно. Не будем ловить друг у друга блох, как пара обезьян. Наверх!

Валерия вскарабкалась по лестнице и исчезла. Конан прошел немного вслед за ней и увидел на камнях сапоги Валерии и ее одежду. Ее самой нигде не было видно, но с той стороны завала

послышался звук, будто кто-то всеми силами пытается сдержать рвоту.

— Ты хочешь, чтобы пролезть сквозь дыру, обмазаться этим?

— Ты что, нигде там не видишь благовонного масла?

— Еще один идиотский вопрос... — пробормотала Валерия. Но тут Конан увидел ее, голую и бледную в темноте: она стояла на коленях и обмазывала камни в самом узком месте прохода. Лишь закончив эту работу, она начала кидать горсти этого жира киммерийцу.

Вещество это воняло, как выгребная яма, и от прикосновения к нему у Конана высыпали мурашки. Однако он мужественно принялся за работу, растирая жир по коже, по мере того как Валерия кидала новую горсть.

— А что будет, если ты все равно не пролезешь? — спросила Валерия.

— Тогда ты полезешь наверх одна и попросишь людей спуститься и пробить для меня проход. Он мне мал всего лишь на толщину пальца. Это будет нетрудно.

Ему послышалось, что Валерия пробурчала:

— Если только меня не примут за ведьму или сумасшедшую, то конечно.

Затем киммериец передал сквозь дыру свое оружие и одежду, лег и начал протискиваться. Жир помог. На этот раз киммериец застрял

почти у самого выхода. Он протянул обе руки Валерии, и она приложила все свои силы и весь свой вес. Конан сидел прочно.

Он пошарил ногами, ища надежную опору, чтобы подключить силу своих ног. Одна нога поболталась в воздухе, другая нащупала стену. Конан сосредоточил всю силу своего тела в этой ноге, почувствовал, что начал двигаться и что камень сдвигает кожу со спины и плеч, затем почувствовал, что начал двигаться сам камень.

Если до этого он приложил все свои силы, то теперь он приложил в полтора раза больше сил. Он лез вперед, не обращая внимания на боль в мышцах и хруст костей. Конан содрал еще больше кожи, а легкие его, казалось, забились докрасна раскаленным песком, когда он пытался не просто вздохнуть, но чтобы бороться и победить.

У киммерийца хватило сил. Камень не сместился и не раздавил его. А напротив, камень невероятным образом подался и открыл проход пошире.

Конану показалось, как Валерия проговорила, что это, вероятно, результат молитвы или ругательства. Он почувствовал, что она снова схватила его за запястья и изо всех сил потянула.

Камень задерживал Конана еще одно мгновение, и киммериец не знал, что случится раньше — либо вытащат его, либо руки вытащат из суставов. Но то небольшое увеличение дыры,

жир на коже и на камнях, его собственная сила и отчаянные усилия Валерии — все вместе послужило тому, что он вылетел из отверстия как пробка.

Он даже тогда не обращал внимания на боль, потому что снова был свободен, и сейчас он поступал так же и почти по той же причине. Этот напичканный колдовством лабиринт со своими чудовищами изо всех сил старался разделаться с ними или по крайней мере стать для него и Валерии могилой. Теперь они выбрались из лабиринта — даже если всего лишь для того, чтобы погибнуть с оружием в руках.

Конан удостоверился в том, что все его конечности по-прежнему соединены с телом и могут выполнять свои функции. Затем он надел одежду, кроме сапог, которые повесил себе на шею, как несла их Валерия.

Валерия тем временем лежала на спине, подперев голову одной рукой, и рассматривала киммерийца, как казалось, с удовольствием. Конан тоже оглядел ее, хотя не с одним только удовольствием, так как она еще не надела даже свою символическую одежду.

— Если ты уже оглядела меня, как покупатель осла... — произнес Конан наконец.

— Я бы потребовала тебя отмыть, прежде чем купила бы, — ответила Валерия. Она зажала нос. — Или, может быть, прокипятить.

— От тебя самой козлы разбегутся, — сказал Конан. Он подал ей руку: — Вставай, женщина. Ты еще не оделась.

Стоя на площадке по другую сторону завала, он увидел еще два туннеля, выходящие из этой камеры. В одной из них в глубине тускло горел колдовской свет; другой был темным, и высота его была не выше пояса Конана. Камень у входа в этот туннель был любопытным образом обработан, не столько вырезан, сколько объединен будто кислотой, вроде той, что используют, как рассказывают, оружейники в Кхитае, чтобы вытравлять на клинках узоры.

Конан подумал о кислотах, которые могут разъесть камень, и вспомнил о том, что чуть было не поймало Валерию и оставило метку на ее щиколотке. Метка все еще была там, под грязью. Существо, что сделало метку, вполне могло проделать этот туннель. Нет, ни он, ни Валерия еще не выбрались из этого древнего лабиринта и не могут считать, что выбрались, пока не увидят солнца.

Первым знаком, по которому Сейганко понял, что что-то не так, было то, что Эмвайя споткнулась. Другому человеку это не сказало бы многого, так как Эмвайя танцевала, кружась в центре хижины Сейганко. Тем более это был танец

столь быстрый и сложный, что казалось, ее ноги не касаются земли; даже зоркий взгляд воина едва мог уследить за ее движениями.

Она прыгнула и, вместо того чтобы приземлиться на носочки, упала на четвереньки. Сейганко вскочил, чтобы помочь ей подняться. Она отстранила его руку и осталась стоять на коленях, затем вытянулась в полный рост на высланном тростником полу хижины.

Эмвайя не заболела и ничего себе не повредила. Но если она почувствовала угрозу для Ичирibu, исходящую из глубины мира духов, то это было слабым утешением. Сейганко схватился за дубинку и взглядом измерил расстояние до своих копий, хотя рассудок сказал ему, что простое дерево и железо ничего не могут сделать против той опасности, какую, вероятно, слышала Эмвайя.

Наконец она поднялась, отряхивая частички сухого тростника с груди. Теперь она позволила Сейганко поддержать себя, помочь добраться до спальной циновки, налить и предложить ей пива. Но она просто сидела, держа в руке деревянную чашку, облизывая губы, устремив взгляд сквозь Сейганко туда, куда, как он понимал, он не сможет ее сопровождать.

— Снизу, — сказала она. — Это доносится снизу.

— Что «это»?

— Ты никогда не слышал о Каменном городе?

— Ту легенду?

— Я начинаю думать, что это не легенда. Он может лежать прямо под это деревней, полный древних духов.

— Может быть. Но может и не... — Желание шутить оставило Сейганко, когда он увидел, как помрачнело лицо Эмвайи.

— Что-то побеспокоило духов. Не могу сказать, каких духов или где, но я чувствую опасность для Ичирибу.

— Я созову фанду, — сказал Сейганко. В фанду входили по шесть воинов от каждого клана, которые, когда приходила их очередь, брали оружие и раскрашивались для войны. Сейганко не был раскрашен, но его военная удача вошла в пословицу, так что никто и не думал, что ему нужно дополнительное украшение, кроме как во время больших сражений.

— Пошли гонца, — сказала Эмвайя. — Ты должен остаться тут, чтобы я тебя раскрасила.

— Важнее поторопиться, чем раскраситься.

— Только не тогда, когда враг — неизвестные духи.

— Если наступают духи, то нужна ты и твой отец, а не фанда.

— Вскоре и мы понадобится, но для фанды тоже есть работа. Они должны увести народ из опасного места, не допустить паники, следить за

ворами, для которых брошенные хижины могут показаться искушением...

— Может быть, тебе заняться моей работой, а я займусь твоей, раз ты все так хорошо знаешь?

Эмвайя, казалось, обиделась, что случилось с ней редко, когда ей напоминали о ее остром языке. Затем она буквально вцепилась в Сейганко:

— У каждого из нас свои обязанности. У тебя с собой твоя боевая краска?

— Да. Ты собираешься всего меня раскрашивать?

Эмвайя опустила глаза:

— Всего. Не надейся, однако, что у нас будет лишнее время.

Сейганко улыбнулся и начал развязывать набедренную повязку. Полная ритуальная боевая раскраска воина включала в себя и бедра и мужской член. В прежние времена, когда Эмвайя раскрашивала Сейганко, это заканчивалось большим удовольствием для обоих.

Однако что-то сказала Сейганко, что на этот раз будет не так, как в прежние времена. Эмвайя говорила о духах, которых не встречала раньше; Сейганко не сомневался, что она говорит правду.

— Держи, Конан. Я сейчас сорвусь.

Валерия почувствовала, как массивные плечи Конана напряглись у нее под ногами. Теперь,

когда она могла освободить одну руку, не рискуя свалиться вниз, она пошарила в поисках места, где можно было бы зацепиться за камень получше. Камень был скользким от ее собственной крови, текущей из того места на руке, что она распорола, когда захват ее сорвался.

Наконец она решила, что нашла то, что искала. Многие годы фехтования и лазания по такелажу сделали ее руки крепче, чем у простой женщины. Валерия не боялась, что упадет, если у нее был хороший захват.

Аквилонка рассчитала точно, но с нее струился пот, когда она перекатилась на уступ наверху. В десятый раз с начала подъема пришлось ей убирать от глаз свои волосы. Однако она держалась на уступе прочно, как только позволял крошащийся камень. Выше нее была лишь труба, по которой оба они поднимутся без особого труда, а затем крепкие ступени начинались снова.

Она оторвала от своей одежды полоску ткани и перевязала волосы. Это уменьшило уже и без того потрепанное прикрытие до размеров пояска вокруг бедер. Она, однако, совершенно перестала беспокоиться о своей одежде, пока ее боевой пояс и оружие с ней.

Оказав помощь Валерии, Конан передал ей свои сапоги и оружие, затем высоко подпрыгнул и уцепился пальцами рук и ног. Мгнове-

нием позже он сидел на уступе рядом с женщиной.

— Лучше бы все это перевязать ремешком или веревкой, — сказал он, указав исцарапанной и грязной рукой на сапоги, в каждом из которых лежали сокровища. — Тогда мы смогли бы вытянуть их позже.

— Из моей одежды мало что осталось подходящего для ремешка, — сказала Валерия. — Конечно, ты бы всегда мог пожертвовать остатки своих штанов...

— Или мы могли бы забыть об этих...

Валерия прикрыла одной рукой сапоги, а другую положила на рукоять кинжала. Конан отпрянул, изобразив ужас.

— Во имя неутомимого орудия Эрлика, женщина, ты что, не можешь узнать шутку?

— Когда слышу шутку, то могу. А что я только что слышала от тебя, я не знаю.

Конан пожал плечами и ничего не ответил. Валерия надеялась, он понял, что она имела в виду, — она оставит эти огненные камни, только чтобы спасти себе жизнь. То, что мертвому пирату нет пользы от награбленного богатства, Валерия охотно допускала, но сейчас она еще не мертва; с пересохшим от жажды горлом, с пустым животом от голода, грязная, почти голая, вдали от дома, не укрытая от опасностей — все это есть, но не мертвая.

Вдруг сверху им послышался звук, знакомый любому, кто уже путешествовал так далеко на юг, но все же такой чужой и даже неземной в этом окружении.

Кто-то недалеко от очага бил в боевой барабан, когда к первому барабану присоединился второй, теплое желтое сияние огня погасло, и Конана с Валерией окутала тьма.

Один барабан начал созывать Ичирибу из Большой деревни. К нему присоединился еще один барабан, затем еще один.

Сейганко стоял у очага и смотрел, как женщины льют воду из горшков, выдолбленных тыкв и кувшинов на огонь. Делали они это, бросая на Сейганко кислый взгляд. Тушение огня было не только грязной работой, это было еще и злым предзнаменованием. Женщины боялись духов... а также того, что скажут их родственники по поводу холодной еды.

К счастью, они также боялись Сейганко и воинов его фанды и не смели ослушаться. Или они боялись Эмвайи? Она стояла у хижины у края площадки, где находился очаг, скрестив руки на груди, наблюдая за работой без тени улыбки.

Действительно, она ни разу не улыбнулась с тех пор, как споткнулась. С тех пор, как она

сказала Сейганко, что площадка с очагом — центр опасности, Эмвайя сама казалась злым духом. Здорово будет, если вид ее лица вызовет панику, которой она сама опасалась, и наживет Сейганко еще больше врагов.

«А неизвестных духов, ты считаешь, бояться не стоит?»

Он услышал этот вопрос у себя в сознании, но для ответа воспользовался телом и покачал головой. Он не хотел отвечать, пользуясь контактом сознаний сейчас, когда столько людей могли потребовать внимания. Аондо, например.

Аондо был воином фанды, а рядом с ним стоял еще один — как его имя? А, Вобеку-Быстрый, тот, кто участвовал с Сейганко в набеге, когда удалось захватить Кваньи, которые поведали такие страшные новости. Вобеку был одним из лучших бегунов Ичирибу, а также другом Аондо.

Сегодня Вобеку не бегал. Он стоял на своих длинных ногах, и Сейганко казалось, что глаза его бегают быстрее, чем обычно. Вот он посмотрел на Сейганко, а вот на очаг — точнее, на нижнюю часть камня, откуда расплавленный жир по канавке стекал в землю, чтобы питать там духов, — а вот на Эмвайю. Нельзя обвинить человека, если он поинтересуется, что так ищет Вобеку.

Сейганко вдруг поймал себя на том, что собрался сделать то, в чем только что упрекнул Эмвайю.

«Ты предупредила отца?»

«Ему не нужно предупреждение. Он знает обо всех действиях духов, так же как и любого человека»..

Сейганко широко улыбнулся в ответ. Затем он подозвал жестом Вобеку.

— Что желает Достойный?

— К Добанпу Говорящему с духами отправился гонец. Однако он не так быстр, как ты. Не доставишь ли ты другое послание?

Улыбка Вобеку была маской покорности и удовольствия, скрывающей разочарование, заметное и ребенку. Сейганко не улыбнулся в ответ. Что бы там ни было на уме у Вобеку, это требовало его присутствия здесь — что, конечно, не доказывает противозаконности желания.

Это было частью платы за звание Достойного среди Ичирибу. Подставлять спину предателю, чтобы не обидеть несправедливостью верных воинов, было священной обязанностью. Если пренебречь этим, духи, а также родственники обиженного могут отомстить.

— Хорошо. Эмвайя, дочь Добанпу, скажет тебе, что нужно передать.

Послание Эмвайи было кратким — только-только достаточной длины, решил Сейганко,

чтобы Вобеку ничего не заподозрил. Вождь видел, как гонец кивнул, затем снял с ног обмотки, разделся, оставив на себе лишь головное украшение, набедренную повязку и краску, и побежал. Через мгновение он был уже за хижинами, еще несколько мгновений — и он уже за стеной, окружающей деревню, и когда барабаны замолчали, он скрылся из виду.

К этому времени на площадке с очагом не осталось никого, кроме фанды, Сейганко и Эмвайи. Сквозь щели из ближайшей хижины выглядывали дети, у которых любопытство победит страх, даже если земля начнет выплевывать волшебных змей. Еще несколько мальчишек сидели на деревьях и на стене, и Сейганко слышал, как матери зовут их, чтобы они спустились.

В следующее мгновение он ничего не услышал, кроме нарастающего гула под ногами, когда земля затряслась и каменный очаг, который стоял здесь в течение пяти человеческих жизней, начал раскалываться.

Даже глаза Конана не свыклись сразу с внезапно наступившей темнотой. Несколько мгновений он слышал лишь тяжелое сопение Валерии, которая дышала как давно не пившая собака. Она держалась перед лицом этой новой

опасности, но не могла полностью скрыть своего беспокойства.

Кром не любит пугливых, да и в Киммерии они долго не живут. Иначе и сам Конан разразился бы бранью. Казалось, будто кто-то играет с ними, отнимая надежду на избавление, как только они начинали верить в нее.

— Корона Митры! — воскликнула Валерия. — Если это работа людей наверху, им лучше быть очень и очень дружелюбными, когда я появлюсь. Иначе им не поздоровится.

Конан лишь проворчал. Она выразила их общую мысль. Народ наверху может оказаться не только недружелюбным, они могут слышать, что происходит внизу.

Конан также опасался, что стены шахты могут обрушиться от сотрясения, вызванного громким голосом. Сотрясения будут, когда он и Валерия продолжат подъем, — назад дорога была закрыта. Но нет смысла рисковать лишний раз.

В следующее мгновение Конан понял, что его осторожность была напрасной. Раздался удар, сверху посыпалась земля, и наверху снова показался свет. Затем мимо пролетел кусок камня размером с хорошую пивную бочку.

Не говоря ни слова, Конан прижал Валерию к груди и бросился к стене. Даже неглубокой ниши будет достаточно, чтобы им спастись и не

быть раздавленными, как виноград в прессе, следующим камнем.

Стена, которая только что казалась сырой землей, была такой же неподатливой, как и камень внизу, в туннелях. Конан пошарил свободной рукой и почувствовал под пальцами все то же самое.

Может быть, под слоем земли находился камень. Или, может быть, связь была колдовской и, если заклятие исчезнет, вся шахта рухнет им на голову.

Упал еще один камень, поменьше, потом посыпался крупный гравий. Он сыпался непрерывным потоком, в котором, однако, попадались комья земли. Шахта наполнилась пылью; Конан закрыл лицо свободной рукой, а Валерия попыталась сделать маску из своих волос.

Этого было недостаточно: она отчаянно закашлялась. Ничего больше не падало, и Конан оказался прав, догадавшись, что сверху могут слушать. Показалась голова на фоне благословенного солнечного света, который лился сквозь увеличившуюся дыру.

— Кто там? Назовите себя или зовитесь врагами Ичирибу.

Язык был близок тому, что Конан изучил, будучи в Черных королевствах, так что смысл он понял. Голос, похоже, принадлежал вождю и воину, привыкшему, что ему подчиняются. Ко-

нан не видел причин вступать в долгие споры, особенно когда шахта по-прежнему грозила рухнуть ему на голову.

Но это будет плохим началом для него и Валерии, если они выставят себя просителями. В этой земле только просители и слабаки называют свое настоящее имя, когда их спрашивают. Умные люди не делятся этим драгоценным знанием с теми, кто может совершить с ними какое-нибудь колдовское действие.

— Мы не враги Ичирибу, каково бы ни было наше имя. Позвольте подняться к вам, и сами все увидите.

Конан не разглядел выражения лица, но ответом было то, что спрашивающий убрал голову от дыры. Более яркий свет осветил верхнюю часть шахты, несмотря на взвешенную пыль. Выход лежал на высоте в десять раз больше роста киммерийца, и не было почти ничего, за что можно было ухватиться.

Когда-то здесь была винтовая лестница, шедшая вдоль стен к поверхности. Конан видел отверстия в стенах, куда раньше были вставлены бруссы, и даже остатки нескольких. Но это ничуть не могло помочь ни Конану, ни Валерии, если только заклятие, связывающее стены шахты, не ослабнет. А если ослабнет, то шахта несомненно обрушится им на головы, и здесь будет их могила.

— Конан, — шепнула Валерия, — может, вернемся?

— Как? — спросил Конан. — Если бы мы даже и могли, люди наверху слышали нас, вероятно даже видели. Они подумают, что мы демоны, и завалят шахту. И чем поручишься, что мы найдем другой выход до того, как умрем с голоду?

— А если народ наверху людоеды?..

— Им придется съесть немалое количество стали, прежде чем они доберутся до нас, — сказал Конан. Валерия ухмыльнулась в ответ, затем сунула руку в сапоги и достала горсть огненных камней.

— Поможет, если бросить зрителям? — спросила она.

— Не повредит, — сказал Конан. Он ухмыльнулся в свою очередь: — Но я думал, что это твое сокровище.

— А я думала, что нам не нужна будет помощь этих... Ичирибу, чтобы просто выбраться из этой напичканной демонами дыры!

Конан взял самый большой из драгоценных камней, взвесил его и устроился так, чтобы можно было бросить камень, не свалившись вниз. Расставив ноги, он сделал три круговых взмаха рукой, разжал пальцы, и камень взмыл вверх, вспыхнув зеленой звездой, когда солнечные лучи упали на него.

Камень упал рядом с отверстием шахты неслышно для Конана. По тому крику, какой издали стоявшие рядом с отверстием, киммериец догадался, что они заметили камень. Гиены, дерущиеся из-за падали, ведут себя тише.

Конан не мог разобрать слов в этом гвалте. Он услышал, как один голос, скорее всего голос вождя, поднялся над другими и подавил их. Он расслышал также голос, похожий на женский или юношеский, говоривший с вождем.

Затем Валерия вскрикнула, стряхивая слезы, и даже киммериец почувствовал облегчение: прочная веревка из бычьей кожи с петлей на конце опустилась в шахту.

Нижний конец ее повис на расстоянии копья от кончиков пальцев Конана. Он сложил руки рупором и крикнул:

— Слишком короткая. Длины еще в рост человека будет достаточно.

— Первым лучше поднимусь я, — сказал он Валерии. — Я говорю на их языке, и у некоторых племен считается, что женщина-воин приносит несчастья.

— Если они утыкают тебя копьями...

— То не получают больше огненных камней, — напомнил ей Конан. — Если судить по поднятому ими шуму, они за такую награду готовы не только отложить свои копья.

Ясно было, что Валерии искренне хотелось верить, что с Конаном ничего не случится такого, что оставит ее одну в этой жуткой темноте. Было ясно, что Конан не может дать ей никаких настоящих заверений, а ложными оскорблять не хочет.

Конан продел плечи в петлю и устроился так, что петля проходила у него под мышками.

— Молись, чтобы они не оказались пигмеями, — сказал он. — Иначе я спущусь быстрее, чем поднялся! — Затем людям наверху: — Тяните!

— Кто бы ни был там внизу, он знает Настоящий язык, — сказал Сейганко. — Мне кажется, что там люди.

— Духи могут принимать человеческий облик, разве не так? — произнес Аондо.

По выражению лица Эмвайи было видно, что она предпочла бы солгать, но она кивнула.

— Тогда почему не могут и говорить так же? — спросил Аондо.

Эмвайя нахмурилась. Она уже объяснила Сейганко, почему Разговор с духами не происходит на человеческих языках, так что он уже знал, что внизу должны быть люди. Но она не могла объяснить того же Аондо без того, чтобы всей фанде не выдать слишком много знания о Разговоре с духами.

Человек внизу снова крикнул:

— Так вы собираетесь тянуть или нет?

Сейганко поднял дубинку и ударил ею о щит три раза. При третьем ударе люди у входа в шахту начали тащить.

— Тяжелее человека! — крикнул один из них, отпустив одной рукой веревку, чтобы вытереть пот со лба.

— Либо тяни, либо уступи место другому! — оборвал его Сейганко. Тянувший хотел было вступить в перебранку, но подумал и вернулся к работе.

Если то, что поднялось из зияющей дыры, образовавшейся в том месте, где лежало каменное основание очага, было человеком, то человек этот был больше всех людей, каких видел Сейганко, за исключением лишь Аондо.

Более внимательный взгляд сказал вождю, что кожа вновь пришедшего под слоем грязи была белая, волосы были прямыми, а глаза необычного голубого цвета. Существовали легенды о землях на Севере, населенных такими голубоглазыми гигантами, расой, несмотря ни на что считающейся человеческой. Здесь, без сомнения, был один из ее представителей.

— Ты теперь скажешь нам свое имя? — потребовал ответа Сейганко.

— Когда попою, а вы вытащите наверх мою женщину, — ответил гигант.

— Твою женщину? — спросил кто-то.

— Вы думаете, я путешествую по лесам без удовольствий? — рассмеялся великан. Зубы у него были очень ровными, и ни один из них не был заточен. — И если вам нужно еще этих... — он указал на упавший драгоценный камень, — то они там.

Кто-то сжал руку Сейганко. Это была Эмвайя, которая глядела на камень будто на кобру, готовую укусить. Сейганко положил руку ей на плечо и отвернул Эмвайю так, чтобы гигант не видел ее лица. Затем он приказал воинам снова опустить веревку и крикнул женщинам из ближайшей хижины, чтобы те принесли воды.

— Что это, женщина? — прошептал Сейганко, когда был уверен, что никто не обращает внимания ни на него, ни на Эмвайю.

— Это Огненные глаза Золотых Змей, — сказала Эмвайя. Она часто дышала, будто только что бежала. — Этот человек говорит, что их у него много.

— Да? Они красивые... не такие красивые, как ты, когда, намазавшись маслом, лежишь на циновке, но...

— Золотые Змеи размножились в Ксухотле. Легенды говорят, что народ города украшал себя Огненными глазами.

— Значит...

— Вполне возможно, что мы видим перед собой разрушителей Ксухотла!

— Этого не может быть, — возразил Сейганко.

— Ты думаешь, мы сможем загнать их обратно в дыру и закрыть там, если ты ошибаешься?

Сейганко оглядел огромные мускулы великана, его железное оружие и то, как свободно и настороженно он стоит.

— Нет. Если они духи, они не пойдут. А если они люди, они могут не захотеть пойти, и будет незаконно принуждать их.

— Тогда что же...

— Пусть твой отец вызовет духов к барбану танцев. Сейчас же, пока эти люди не провели ночь среди нас. Этот человек знает Настоящий язык. Он может знать и наши обычаи.

Первый раз на памяти Сейганко Эмвайя послушалась его приказа не колеблясь, не говоря уже о пререканиях. Она побежала сама, ибо это было послание, которое нельзя было доверить тому, кто мог его доставить кому-нибудь, кроме Добанпу.

Затем Сейганко вышел вперед, чтобы приветствовать женщину, вышедшую из ямы. Она была еще светлее, чем мужчина; волосы ее были цвета зрелого зерна, а фигуре позавидовала бы и богиня.

У нее на шее висела странная обувь и, судя по тому, как она сбросила ее, тяжелая. Затем Сейганко и вся фанда увидели, что в обуви лежат Огненные глаза, и казалось, будто два крошечных вулкана извергают бурлящий зеленый камень.

Воины набрали в легкие воздуха, некоторые схватились за оружие. А женщина, несшая воду, сделала даже больше: она замерла на половине шага и едва поймала кувшин, когда он уже падал у нее с головы. Вода расплескалась у ее ног. Она посмотрела на лужу, развернулась и побежала.

Чужая женщина, казалось, была готова выхватить оружие. Гигант положил на ее голое плечо руку и натянуто улыбнулся:

— Вы выполнили свое обещание до того самого момента, пока женщина не убежала. Теперь я выполняю свое. — Затем он повернулся лицом к Сейганко: — Я Конан из Киммерии, свободный воин. — Этими словами обозначался воин, кто клятвой отделялся от любого клана или племени. Это был почетный статус, и ложное его присвоение жестоко каралось. — Эта женщина — Валерия из Красного братства, — продолжал Конан. — Она свободная женщина, связанная со мной клятвой. Она не говорит на Настоящем языке, кроме как в своем сердце, о котором я знаю, что оно доброе. Мы оба просим Ичирибу

принять нас гостями и обещаем помогать во всем, что в наших силах.

Сейганко пытался не смотреть на Огненные глаза. Если у этих двух столько силы, что они смогли взять их из Ксухотла... Ее может хватить, чтобы сделать Ичирибу повелителями всех земель вокруг Озера смерти, даже вплоть до склонов Горы Громы. Эта сила может также повредить им так, как об этом не мечтали ни Чабано, ни Посвященные богу.

Сейганко почувствовал холод, будто от надвигающегося дождя, когда посмотрел в голубые глаза Конана.

Глава 7

Райку всегда хотел быть насекомым, сидящим на стене во время конклава Говорящих с Живым ветром, как Посвященные богу называли себя. Сейчас он почти осуществил свою мечту. Он наконец достиг той степени самообладания, которая позволяла человеку оставаться незаметным для Говорящих или даже для самого Живого ветра.

Он сидел, как обезьяна, в том месте скалы, где на выступающий камень можно было сесть, а самому спрятаться в небольшой нише, так что спиной можно было прислониться к стене ниши, в то время как выступающий камень скрывал от взглядов снизу.

Восемь Говорящих собрались кольцом вокруг огромного шара из чего-то, что никак не могло быть природным материалом. Шар был размером с человека и прозрачный, как вода, и одновременно казался твердым как камень. Однако он был достаточно легким, чтобы двое слуг Говоря-

щих могли принести его на носилках в эту пещеру и поставить туда, где он сейчас стоял.

Какой силы ожидали Говорящие от этого шара, говорило уже то, что слуги были глухонемыми рабами, используемыми лишь для самых секретных операций. Когда-то, рассказывали, Живой ветер дал Говорящим заклинания, которые могли сковывать языки и закрывать уши, но эти заклинания могли быть сняты, когда надобность в них проходила. Теперь знание это было утрачено, и вместо магического действия использовались раскаленные ножи и иглы.

Это означало, что с каждым годом становилось все меньше таких тайных слуг. Кваньи предоставляли довольно большое число крепких молодых людей и женщин; одни брались из менее значительных кланов, другие были раньше рабами или пленными — все они служили теперь на Горе Грома Посвященным богу. Клань ожидали, что им вернут, по крайней мере, свободных соплеменников живыми и здоровыми, и не были щедры, предоставляя даже рабов, чтобы их уродовали или убивали. Они стали менее щедрыми с тех пор, как Чабано стал Верховным Вождем.

Первый Говорящий, который умеет пользоваться древним знанием, сможет завоевать более прочную дружбу Чабано. Или если Верховный Вождь будет по-прежнему настаивать на том, чтобы одному править союзом колдунов и вои-

нов, Первый Говорящий может вынудить Кваньи выбрать себе другого вождя.

Бриз кольхнул сырой воздух пещеры. Райку ощутил кожей прохладу, на лбу высох пот. Райку знал, что Живой ветер может быть вызван из своей пещеры магическими действиями Говорящих. То, что он знал об этом, было незаконно, поскольку он был всего лишь Безмолвным братом, но все же знал, и знал еще многое из искусства Говорящих. Райку, сын Нкубы, никогда не относился к закону строго.

Райку никогда, однако, не видел, как вызывают Живой ветер. Он бы и не узнал, что собираются вызвать Живой ветер, если бы один из Говорящих не оказался неосмотрительным. Даже сейчас он сомневался, нет ли у Говорящих заклинаний, чтобы узнать о присутствии шпионов и подслушивающих.

Вероятно, это тоже было таким древним колдовством, что ни один живущий уже не обладал им. Или, может быть, Живой ветер в такой степени обладает жизнью, что сам может отыскивать врагов и карать их.

Эта мысль так обеспокоила Райку, что он чуть было не грохнулся со своего наблюдательного поста, и пот выступил по всему телу, хотя бриз дул все сильнее. Райку быть здесь не следовало, и, когда Живой ветер появится и исчезнет, Райку здесь и не будет.

Туннель в дальнем конце пещеры начал светиться пунцовыми и сапфировыми тонами Живого ветра. Свет не мерцал, самого клубящегося тела Живого ветра еще не было в туннеле. Хотя он, вероятно, недалеко.

Райку облизал губы, сделавшиеся внезапно сухими, как каша месячной давности, и с трудом вернул себе часть прежнего самообладания.

Прислуживающая девушка протянула Валерии две деревянные миски. В одной была соленая рыба, очищенная, выпотрошенная и обезглавленная так искусно, как только Валерии приходилось видеть в капитанском зале в портовой таверне. В другой было острое варево из рыбы, приготовленной с зерном и орехами, какое Валерия никогда не пробовала. За спиной девушки мальчик держал третью миску с кипящим мясом.

— Больше не надо, спасибо, — сказала Валерия. Она использовала все свое знание языка Черных королевств. Девушка, казалось, не поняла, улыбнулась, помотав головой, и снова протянула миски.

Валерия нахмурилась. Ичирибу что, прислали клоуна прислуживать ей и киммерийцу? Она попыталась объяснить, похлопав себя по животу и выставив руки вперед. Валерия хотела дать

понять девушке, что она нажралась их превосходного кушанья так, что сейчас лопнет.

Девушка улыбнулась и чуть не поставила миски Валерии на колени. Валерия подняла руки, чтобы оттолкнуть девушку, но почувствовала, как запястье ее сжала уже знакомая железная хватка.

— Подожди, Валерия.

Киммериец воспользовался языком Черных королевств и языком жестов. Девушка посмотрела на Валерию и помотала головой. Конан кивнул. И вдруг девушка и киммериец оба разразились хохотом.

Валерия покраснела и скрыла свой гнев, протянув руку к миске с соленой рыбой. Она, вероятно, действительно лопнет, если съест еще, и уж точно лопнет, если выпьет пива Ичирибу, чтобы запить рыбу. Но будь она проклята, если покажется невоспитанной.

Девушка подала блюдо Валерии, изящно преклонив колена. На ней была набедренная повязка, которая почти не скрывала фигуры с длинными ногами и крепкой грудью, с гибкой талией и сильными руками девушки, лишь недавно ставшей женщиной. Валерия заметила, как взгляд Конана блуждал по девушке с явным восхищением.

Она ткнула его в ребра, чуть не сломав палец о слой мышц.

— Я думала, что тебе не нравятся черные девки, — шепнула она.

— Помнишь тех, у форта? Те затачивают свои зубы. Этот же народ... их девки похожи больше на женщин, чем на акул.

— Если ты так хорошо разбираешься в женщинах, Конан, скажи, что сейчас делала эта девка. Я думала, что сказала «не надо больше» достаточно ясно.

— Сказала. А затем жестами показала, что ждешь ребенка. Девушка подумала, что тебе нужно больше — для тебя и для твоего малыша.

— Ребенка? — челюсть Валерии отвисла, так что она не была уверена, прозвучали ли эти слова членораздельно. — У меня целые годы не было возможности!

— Тогда не удивительно, что ты так обижена на мужчин. Никто из них не разглядел красивой женщины, так что, конечно, мне придется...

— Ты, олух киммерийский! — или, по крайней мере, Валерия начала это говорить, намереваясь сопроводить слова оплеухой. Вместо этого она согнулась от хохота, перевернув миску. Конан похлопал ее по плечу:

— Успокойся, женщина. Я пошутил.

Она хотела, чтобы это не было шуткой. Она также хотела, чтобы его рука задержалась, поэтому положила на нее обе свои руки. Она понимала, что Конан может разорвать ее захват, как

если бы она была ребенком, но надеялась, что он не сделает этого.

Он и не сделал — оставил свою руку лежать на ее обнаженном плече достаточно долго, чтобы прислуживающая девушка подняла брови и затем подмигнула мальчику. В следующее мгновение Валерия и Конан были оставлены одни.

— Они будут подслушивать, — шепнул он. — Если ты придвинешься ближе, они не услышат, о чем мы говорим.

Валерия была готова придвинуться так близко, как только киммериец пожелает, но чувствовала, что сейчас не время. Она слышала также тревогу в его голосе, и ей хотелось от досады выругаться вслух. Неужели и среди Ичирибу они не нашли безопасности?

Теперь воздух в пещере кружился и стонал, будто хотел бежать от Живого ветра и кричал от страха перед преследователем. Райку вцепился в скалу руками и ногами и пожалел, что у него нет хвоста, как у обезьяны. Все мысли о маскировке давно оставили его.

И это не имело значения, поскольку Говорящие не смотрели ни на что и не думали ни о чем, кроме шара в центре их круга. Они используют шар... и Живой ветер.

Свет Живого ветра превратился теперь в слепящий глаза поток, бьющий из туннеля, будто река в сезон дождей. Но ни одна река не взмывала вверх фонтаном, чтобы исчезнуть в шаре, который остался прозрачным, как горное озеро, несмотря на весь свет, какой он поглотил.

Затем Райку увидел, что шар дрогнул один раз, два, три раза. Он посмотрел на бронзовое блюдо на восьми ножках, которое поддерживало шар и каждая ножка которого была сделана в виде позолоченной рыбы, и увидел, что блюдо тоже дрожит. Затем Райку моргнул и освободил одну руку, чтобы протереть глаза, поскольку ему показалось, что он увидел, как от блюда поднимается бледно-зеленый дым.

В следующее мгновение почудилось, что ветер стал в два раза сильнее, в возможность чего Райку никогда раньше бы не поверил. Он чуть не свалился со скалы. Он снова схватился обеими руками, закрыл глаза... и открыл их снова, когда почувствовал дым.

Теперь темные тени плясали в прозрачном шаре, который становился сейчас гневно-пунцовым, лишь с намеком на сапфировый. Одни тени можно было вполне принять за фигуры людей, другие были змеями, остальным образам не было имени вне ночного кошмара... где, Райку искренне надеялся, они и останутся.

Но если они даже и выйдут из шара и станут живой плотью, он должен встретить их с открытыми глазами и не дрогнуть. Как иначе может он достичь власти Говорящего, которая доставит ему то, чего он больше всего хочет?

Дым шел от блюда и от всех восьми ножек. Ножки начали светиться, будто их раскалили в горне, и Райку показалось, что он увидел, как одна из них гнется. Неужели вес шара увеличился сверх всякой меры из-за того, что Живой ветер вошел в него?

Все восемь Говорящих безусловно видели дым, и по их виду было ясно — они понимают, что это означает нечто ужасное. Или это из-за запаха: когда дуновение достигло Райку, его чуть не вырвало.

Едва успел он справиться с желудком, как вдруг все восемь ножек, казалось, одновременно расплавились. Густой дым поднялся от подавшихся опор, от блюда и, как казалось, от самого шара.

Мужество, достойное передовых бойцов, а также преданность делу всей жизни не давали Говорящим оставить свои места вокруг шара. Ни то ни другое не поможет им, если Живой ветер выйдет из повиновения.

Дым исчез, будто гигантский рот втянул его одним вдохом. Блюдо и восемь ножек превратились в бурлящую лужу расплавленной бронзы,

на которую глазам больно смотреть от жара, будто на жерло вулкана. Шар колыбался, невероятным образом поддерживаемый в воздухе силой, какую Райку не смел и вообразить.

Затем Говорящие или их колдовские силы, или то и другое, не справились, и их шар упал. Он плюхнулся в расплавленный металл, и капли жидкой бронзы разлетелись по сторонам. Никакая дисциплина не могла удержать Говорящих против такой боли. Они вскрикнули и вскочили, будто обезьяны, одолеваемые пчелами, или как дикие свиньи, на которых напали муравьи.

Шар снова дрогнул. Тени внутри приняли более определенную форму — два человека, мужчина и женщина, — затем исчезли. Сейчас уже вещество шара плавилось в раскаленном металле, и из шара вырос язык жидкого огня и потянулся к кольцу Говорящих.

Молчание Говорящими было нарушено, теперь поколебалось и их мужество. Но все же они не побежали. Они образовали круг пошире и держали свои жезлы двумя руками на уровне пояса. Пение их сделалось громче, несмотря на то что оно исходило из глоток, пересохших от боли и страха.

Огненный язык сконцентрировался и прыгнул. Пунцовое пламя, тонкое как воздух, обволоклось вокруг жезла одного из Говорящих. Говорящий с криком отбросил жезл, но тот не упал.

Вместо этого пламя подняло жезл к потолку пещеры и держало его там, пожирая, даже пепел не упал на землю. Но когда пламя опустилось вниз, казалось, что оно сыто, как хорошо накормленное животное.

Немного труднее было накормить расплавленный металл. Он тоже прыгнул, приземлившись растекающейся лужей у ног одного из Говорящих. Моментально человек лишился ступней, еще через мгновение — ног.

В следующее мгновение понимание того, что происходит, дошло до мозга Говорящего одновременно с агонией, оттого что его сжигают живьем. Сжигают? Райку хотел бы, чтобы такое невинное слово могло описать то, что происходило с Говорящим.

Но Живой ветер проявил милость: Говорящий умирал недолго. До того как он начал кричать, огонь съел его почти до пояса. Затем он добрался до живота и груди, и, когда съел легкие, человек замолчал.

Голова его недолго проплыла по поверхности жидкого огня, отливающего теперь черным, так же как и пунцовым. Затем и она исчезла, и над бурлящим металлом поднялся дым десятка цветов, скрывая пузырьки.

Как и пламя, жидкий огонь заставил Райку подумать о насытившемся животном, когда он увидел, как тот возвращается в свой туннель.

Пунцовое пламя направилось следом, и, когда обе стихии исчезли из пещеры, ветер стих.

Семеро оставшихся в живых Говорящих поковыляли прочь. Некоторые казались ослепшими: они переставляли ноги, держась за плечи идущего впереди. Другие кашляли, будто у них смертельная болезнь легких.

Полуслепой, задышающийся оттого, что его глаза и легкие поражены невообразимой вонью и дымом, Райку сидел вцепившись в скалу, пока не ушел последний Говорящий. Было бы намного проще отпустить руки, упасть на пол пещеры и умереть чистой и естественной смертью, проломив себе голову.

Проще, но очень глупо. Теперь существовало нечто, на что он не смел раньше надеяться: вакантное место среди Говорящих. Добавить к этому потерю магического шара, не принесшего никакой пользы, и даже Первый Говорящий поймет, какая опасность грозит Посвященным богу.

Если Райку выступит с предложением не позволить Чабано воспользоваться сложившейся ситуацией, его могут выслушать. Его могут даже посвятить в Говорящие. Тогда у него будет право управлять силой Живого ветра.

Райку не допускал мысли, что, несмотря на все запретные знания, полученные им, он может кончить не лучше, чем тот Говорящий, который

только что умер такой жестокой смертью. Если он будет думать об этом, то он точно свалится со скалы и умрет!

Валерия была одной из самых красивых женщин, каких киммерийцу доводилось держать так близко. Но держал ее он так не от страсти, и то, что шептал ей на ухо, явно не имело целью расположить ее к себе.

— Нам предоставили пищу и кров, — говорил он. — Это значит, что нас, скорее всего, не убьют предательски.

— Ты многого недоговариваешь, — ответила Валерия.

— Я лучше знаю язык Ичирибу, чем открыто показал это, так что они трепали языками там, где я мог их слышать. Их не очень радует то, откуда мы пришли, а также колдовство, связанное с нашим появлением.

— Какое колдовство? Ни ты, ни я заклинанием даже ногтей постричь не можем.

— Мы разрушили охранительные заклęcia при входе в туннель под каменной плитой очага. Затем мы разрушили плиту — мы или заклęcia, вышедшие из повиновения. Нас окружает слишком много колдовской силы, чтобы Ичирибу сохранили спокойное расположение духа.

— К морским чертям их расположение духа! Мы им не угрожаем. Если только они сами не попытаются убить нас...

Она замолкла, когда рука Конана сжалась, как железные клещи, и он приложил палец к ее пухлым губам.

— Не смей об этом даже думать. Похоже, среди них есть Говорящий с духами.

— Кто?

Конан объяснил. Говорящие с духами ему нравятся не больше, чем остальные колдуны. Когда он раньше бывал в Черных королевствах, он кое-что разузнал о них, так же как всегда узнавал обо всех, кто может быть другом или врагом. Этой привычке, кроме прочих, он обязан тем, что, будучи правителем, остался в живых, чего не удавалось людям, родившимся и выросшим в этих землях.

— Сейчас, — закончил он, расслабив наконец хватку, — этот человек еще нам не враг. Он, вероятно, надеется сделать нас своими друзьями, друзьями племени или даже и тем и другим. Судя по тому, как они говорят о нем, это, должно быть, умный старик.

— Пусть у него хватит ума понять, что мы не желаем ему зла, и я восхваляю его мудрость в песнях.

— Валерия, я слышал, как ты поешь. Ты что, хочешь ввергнуть нас в кровавую войну с этим народом после того, как падет весь их скот?

Валерия прорычала. Такой звук издает барсучиха, защищающая детенышей. Конан тихо рассмеялся.

— Если я скажу, что ты пристыдишь соловья, ты решишь, что я свихнулся. Но правда то, что наш Говорящий с духами наверняка захочет, чтобы мы помогли ему и его народу в борьбе против врага, которого они зовут Кваньи. Могу поспорить, что эти Кваньи держат берега этого... Озера смерти, — кажется, так они его называют.

— Ты не знаешь почему?

— Нет, и мне будет спокойнее, если узнаю. Но если я начну задавать вопросы прямо, люди решат, что мы шпионы. Если я расскажу им, откуда мы идем, они решат, что мы те самые, кто победил Ксукхотл.

— Мы и есть те самые и не стесняемся этого. Или этот народ так глуп, что считает гибель города сумасшедших такой уж большой потерей?

— Кто сказал хоть слово о том, что они жалеют об этом? Нет, он им был не нужен, и они сторонились его, как и мы делали бы на их месте. Но их не может не интересовать, какое колдовство победило город. Если мы расскажем о том, что мы сделали... Хочешь узнать, что в этих землях делают с ведьмами?

Рот Валерии беззвучно раскрылся, и она помотала головой. Конан снова обнял ее за плечи. Она прислонилась к его груди и закрыла глаза.

— Скорее всего, нас подвергнут какому-нибудь испытанию. Оно может быть и простым, если попросят, например, отыметь тебя перед всем племенем...

— Еще одна такая шутка — и больше ни одной женщины не отымеешь!

— ...или же могут потребовать танцевать на барабане.

— Нет в мире такого барабана, чтобы тебя выдержал, Конан. Ты, конечно, имеешь в виду соревнования в проламывании барабанов?

— В этих землях делают барабаны достаточно большими и прочными, чтобы на нем мог танцевать я и еще один. Каждый пытается сбросить другого, и тот, кто падает, умирает.

Конан почувствовал, как Валерия обмякла в его руках, и он проклял свой болтливый язык за то, что в конце концов все-таки напугал ее до обморока. Но затем он услышал, что дышит она ровно, и осторожно переложил ее так, чтобы видеть лицо.

Глаза ее закрылись, и рот был расслаблен. Он услышал, как полные губы Валерии что-то бормочут. Конан поднял спящую Валерию и положил ее на циновку напротив, сбросил сапоги и потянулся как кот.

Говорящий с духами не скажет ничего, пока не посчитает нужным. Валерия правильно решила, что нужно делать до этого времени.

Глава 8

Валерия не знала, какой вид обычно имеют Говорящие с духами. Да и не время и не место спрашивать, даже если Конан и знает. Тем более когда киммериец говорит с Добанпу племени Ичирибу, Говорящим с духами.

Добанпу был немолод, но присутствие его заставило Валерию забыть, что занимается он сильным колдовством. Более того, она не замечала, что находится в пещере, и это после того, как она посчитала, что скорее сядет на кол, чем спустится снова под землю!

По бокам Добанпу находились молодая женщина с чертами, говорящими о кровном родстве, — дочь, весьма вероятно, — и воин Ичирибу. Даже незнакомый с Черными королевствами сказал бы, что это не рядовой воин. С копья и головного украшения спускались сверкающие перья, а на шее висело ожерелье, казавшееся перламутровым, но которое почти наверняка было из зубов леопарда.

Он не был такого могучего сложения, как киммериец, но это ему и не нужно. Действительно, глядя на то, как он стоит и двигается, Конана можно было посчитать громоздким и неуклюжим. Он дал также понять Валерии, что и в Черных королевствах есть красивые люди.

Разговор сейчас, казалось, проходил между Конаном и молодым вождем — Сейганко, так его звали, а у дочери было имя Эмвайя. Валерия заметила в тени пещеры еще одну фигуру и узнала девушку, которая им прислуживала и решила, что Валерия ждет ребенка.

Конан оказался прав, предположив, что за ними следили. Но это едва ли удивляло Валерию. Народ Черных королевств может вести простую жизнь по сравнению с аквилонцами, но едва ли они простачки!

Она снова обратила внимание на двух воинов. Насколько она могла судить, понимая одно слово из десяти, предлагался вызов. Предлагает, кажется, Конан Сейганко, а Сейганко принимает или отказывается?

Нет, он глядит на Добанпу. Женщина Эмвайя пытается обратить на себя внимание одновременно отца и Сейганко, и Валерия поняла, что Эмвайя помолвлена, обручена или, по крайней мере, любит Сейганко.

Добанпу не отвечал на взгляды, брошенные в его сторону. Действительно, он сидел так тихо,

будто сам сделался духом. Затем он произнес слово, которое показалось Валерии именем:

— Аондо.

Лицо Сейганко выразило то, что следует называть недовольством. Эмвайя, напротив, явно пыталась скрыть радость. Валерия отвернулась, чтобы облегчить задачу этой женщине. Когда-то и она в своей жизни испытала такое же чувство к мужчине, но он давно уже мертв, кости его под далеким рифом, и рядом лишь прибой и морские звезды.

Переговоры, похоже, закончились. Затем Конан сделал пол-оборота и прошептал Валерии:

— Склонись и вытяни вперед руки.

Не понимая, но вполне доверяя Конану, Валерия послушалась. Она склонилась и просидела так достаточно, чтобы сосчитать следы, оставленные змеями. Это были следы маленьких змей, таких, каких предсказатели и знахарки в Аквилонии часто держат дома, чтобы гадать по ним и избавляться от насекомых.

Увидев эту частичку дома так далеко от родины, Валерия почувствовала, как на душе стало легче, несмотря на то что она вспомнила также и о том, как долго она уже не была в Аквилонии. Валерия уже несколько лет была женщиной и путешественницей до того, как встретила того человека, что лежал теперь под рифом, — а это было так давно, что ей

потребовались бы пальцы на обеих руках, чтобы сосчитать годы.

Сейчас, когда она стояла на коленях, вытянув руки вперед, ее закаленные мечом мускулы начали гореть, а пальцы дрожать. Колени тоже напомнили ей, что песок жесткий, а под ним находится твердый холодный камень.

Затем она почувствовала легкое прикосновение к затылку и ощутила, как что-то положили ей на плечи. Она почувствовала запах, который вполне мог быть смесью ароматов фиалок и зрелых яблок, если бы здесь росли те и другие.

— Вставай, — сказал Конан.

Она встала, потянувшись, чтобы размять затекшие мышцы. Аквилонка с гордостью заметила, что не трясется и не падает с ног. Валерия также почувствовала себя польщенной, когда заметила, что Сейганко разглядывает ее так же, как она разглядывала его до этого, и затем увидела, как нахмурился лоб Эмвайи, когда та поняла, куда забрел взгляд ее мужчины.

Добанпу заговорил снова, на этот раз назвав другое имя:

— Мокосса.

Девушка вышла из тени, и Добанпу указал на выход из пещеры. Девушка побежала туда, но вдруг остановилась и стала ждать.

Конан положил руку на поясницу Валерии и подтолкнул. Снаружи они заметили, что идет

дождь. Они остановились под навесом скалы и стали смотреть, как дождь бьет по воде озера, образуя огромное серое поле пляшущих пузырьков.

Валерия оглядела венок, висящий у нее на шее. Цветы казались живыми и сухими одновременно, и даже если бы венок был дан не Добанпу, она почувствовала бы колдовскую силу, исходящую от него. Она начала снимать его через голову, но Мокосса нахмурилась, и Конан положил руку на плечо своего товарища:

— Успокойся, Валерия. Он достаточно безопасен и будет полезен тебе, если я проиграю.

— Я бы поверила тебе, если бы знала, что это такое.

— Он отмечает, что ты связана со мной клятвой, так же как это означает, что я связан с тобой.

«Это» было плотной повязкой, из чего-то похожего на кожу змеи, вокруг левого запястья киммерийца. Благодаря игре света или, возможно, колдовству, она была тех же цветов, что и венок Валерии.

— А, вижу. Или по крайней мере вижу то, что у тебя на руке. А не скажешь ли, можешь ты выиграть или проиграть, или предоставишь мне это отгадывать самой?

Конан нахмурился:

— Это нелегко рассказать быстро...

— Тогда можешь взять столько времени, сколько захочешь, и полночи в придачу. Мне все равно нечем больше заняться, кроме как слушать рассказы киммерийца.

— Действительно нечем, — согласился Конан с готовностью, приведшей Валерию в бешенство. Снова желание кастрировать его боролось с желанием рассмеяться, и смех победил.

Они сели на лежащее бревно, которое было когда-то украшено грубой резьбой, а сейчас валялось полусгнившее, почти полностью заросшее мхом и травой. Конан вынул занятый у другого точильный камень из занятой же сумки, привешенной к занятому ремню, и принялся точить меч. Клинок, по крайней мере, был не занят.

Конан, похоже, должен предоставить право богам дать свое решение тем, что он бросит вызов одному из воинов Ичирибу. Они будут метать копья и трезубцы, биться с дубинкой и щитом, бегать, прыгать, лазить, плавать, грести на каное...

— А девок иметь не придется?

— Сомневаюсь, что они найдут достаточное количество, да и безбожный мужчина табу для местных женщин.

— А безбожная женщина тоже табу для этого мужчины?

— Ты не такая безбожная, как я, кажется.

Валерия не нашла достойного ответа, так что предоставила киммерийцу право продолжать.

— Мне не надо выигрывать в каждом виде соревнований, но я должен в каждом встретиться с лучшим воином и показать свое искусство. В противном случае они могут назвать меня лишенным расположения богов или даже трусом.

— Этого бояться нечего. — У Валерии было ощущение, что многое осталось недосказанным и, вероятно, таковым останется.

Но киммериец был честным, это она должна признать. Он нахмурился:

— Если боги проявят ко мне свое расположение во всех видах соревнований, мы закончим на барабане для танцев. Там победитель получает окончательное благословение богов, проигравший — умирает. Если я выйду победителем, то все хорошо. Если проиграю... — он пожал плечами, — то, полагаю, не стану царем хайборейского царства, но это не такая уж большая потеря.

— Не быть царем? Может, Добанпу вынул у киммерийца мозги?

— Трон, женщина, это то, на чем сидят. Ты хорошо стреляешь. И ты знаешь, как легко попасть стрелой в сидящую птицу... или сидящего царя.

— У меня не было привычки стрелять в царей, но, вероятно, ты прав. — Затем ее веселый

тон исчез. — Значит, Конан, если ты проиграешь...

— Я умру. Ты останешься жить. Если только не будешь сражаться, чтобы спасти меня или чтобы отомстить...

— Я сюда попала не из иранистанского гарема!

— А также и не попадешь в гарем. Ты должна будешь связать себя клятвой с новым мужчиной, но ты можешь выбрать его. Я также думаю, что можешь попросить помощи у Добанпу и его дочери Эмвайи. Сейганко тоже знает воинов Ичирибу, и у него, кажется, хорошая голова и сердце. Я рад, что мне придется биться не с ним. Он будет нужен своему народу в грядущей войне.

— Тогда с кем ты будешь биться?

— С одним крепким парнем по имени Аондо. Говорят, он больше меня.

— Они хотят, чтобы ты дрался с гориллой?

— Гориллу бы я победил, — сказал Конан. Это снова был намек на прежние битвы с необычными противниками, но это ничуть не ободрило Валерию. Она хотела, чтобы ее заверили в том, что она не окажется преданной на милость Ичирибу, если Конан проиграет, а этого заверения, она понимала, никто ей не даст.

Ее больше успокаивала та неоспоримая истина, что Аондо вряд ли превзойдет Конана в

честном бою. Может ли она сделать что-нибудь, чтобы бой оставался честным?

Очень мало, понимала она, и остатки утешения смысл начавшийся дождь. Она молча проклинала свою глупость, решив бежать на юг, когда покинула форт. В следующий раз, когда ей придется бежать из нежеланных объятий, она посмотрит, куда направляется, и постарается не оказаться в стране, где она не знает ни закона, ни языка, ни обычаев... и находится в зависимости от того, кто их знает!

Райку не узнал Первого Говорящего в кольце из тех восьми, что пытались заставить Живой ветер войти в шар. Однако сейчас Первый Говорящий проявлял признаки крайней усталости, когда сидел ссутулясь на своем золоченом стуле. Глаза его были устремлены на львиную шкуру на полу, но они казались пустыми, будто он наконец-то действительно ослеп. Или увидел то, что Посвященным богу не положено видеть.

Обычай требовал, чтобы Безмолвный брат, Райку, распростерся перед Первым Говорящим. Он пролежал так, пока холод от каменного пола не начал пробираться по членам к сердцу. Это, должно быть, лишь воображение, но камень казался холоднее, чем когда-либо раньше. Будто

Живой ветер, как пиявка, вытянул все тепло из земли вокруг. И хорошо, что лицо Райку было обращено к земле, когда у него проскочила эта мысль.

— Поднимись, Райку.

Райку не знал, как ему вскарабкаться на ноги побыстрее. От холодного камня члены у него заоченели, но он сумел подняться, не потеряв ни равновесия, ни достоинства.

— Я вызвал тебя, ибо Говорящим с Живым ветром ты нужен.

— Это честь, на которую я не смел надеяться...

Первый Говорящий поднял руку. Райку заметил, что рука стала тоньше и бледнее, чем в прошлый раз, когда он видел этого человека. Она, казалось, немного дрожала.

— Избавь меня от своей скромности. Ты неизвестен Чабано, Верховному Вождю племени Кваньи. — Это был не вопрос.

Райку заключил, что ситуация не только открывает возможности, но и таит опасность. Он также заключил, что ему следует придержать язык.

— Обещал ли ты ему что-нибудь от имени Говорящих? — На этот раз вопрос требовал ответа.

— Не обещал. — Что было абсолютной правдой, ибо Райку не дурак.

— Поверит ли он, если ты теперь дашь обещание?

Смущение Райку не было совершенно наигранным.

— Что я должен пообещать? Чабано не глуп, что, я уверен, тебе не надо сообщать, Первый Говорящий.

— Действительно, не надо мне сообщать то, что я и так знаю. Ты можешь обещать ему от моего имени часть того, что он просил, но не получил.

— Что он должен дать нам?

— Ты дерзок, пытаешься торговаться со мной.

— Я говорю так, лишь чтобы напомнить о привычках Чабано, Господин. Он дерзок, как леопард, залезший в стойло, чтобы оторвать новорожденного теленка от вымени матери. Он также алчен и яростен, когда его лишают того, к чему он стремится.

— Думай я, что Чабано имеет власть над духами, я бы сказал, что он сделался твоим Господином: мастер славословия не сказал бы лучше.

Райку замолчал. Если этот старик и дальше будет тратить время их обоих, говоря загадками...

— Но если бы Чабано имел власть над духами, он бы и сам сделал многое из того, что просил нас исполнить для него за прошедшие годы. Так

что не сомневаюсь, что ты говоришь то, что считаешь правдой.

— Никто из людей не может говорить иначе, Господин.

Взгляд, брошенный Первым Говорящим, напомнил Райку, что не один Чабано может подавлять ропот или нагонять страх на непослушных, не повышая голоса. Он почувствовал желание снова упасть ниц. Первый Говорящий скрестил руки поверх бронзового медальона, висящего на груди.

— Ты можешь пойти к Чабано, Безмолвный брат Райку. Обещай ему помощь от нас и попроси его сказать нам, кто появился среди Ичирибу.

— Вероятно, победитель Ксухотла?

Взгляд Первого Говорящего дал ему понять, что об этом не следует говорить вслух. Райку попытался изобразить на лице покорность.

— Мы обладаем... способами... выяснить это, — продолжал Первый Говорящий. — Однако те, кто владеет колдовской силой, узнают, когда мы воспользуемся нашими способами. Они узнают о наших силах и то, что с нашей стороны им может грозить опасность. Глаза, которые видят, и уши, которые слышат, без помощи колдовства нельзя обнаружить, а над такими Чабано имеет власть.

Райку теперь пытался изображать не только покорность, но и удивление, даже восхищение.

Действительно, он вполне мог восхищаться частью тактики Первого Говорящего. Более хитрый способ притвориться, что ничего не случилось с магическим шаром, трудно было вообразить.

«Не следует недооценивать Первого Говорящего, даже во время такого триумфа».

— Действительно, Чабано часто говорил, что ни одна птица яйца не снесет без того, чтобы он об этом не узнал рано или поздно, — сказал Райку. — Я думаю, он хвастает, но он безусловно умеет пользоваться услугами шпионов и имеет своих людей среди Ичирибу.

— В таком случае иди и потребуй воспользоваться ими для нас, — произнес Первый Говорящий. — Иди, и если вернешься со знанием, какое мы ищем, ты можешь быть поднят до ранга Говорящего.

Новый Говорящий избирался из Безмолвных братьев, лишь когда умирал старый Говорящий, а пока ничего не было сказано о такой смерти. И не будет, подозревал Райку, по крайней мере до тех пор, пока не появится необходимость объяснить, почему Безмолвному брату Райку предоставлена такая честь.

А необходимость появится, поклялся он. Он не промахнется теперь, когда было свободно предложено то, ради чего он пролил бы кровь, и не только чужую!

Райку снова распростерся и пролежал до тех пор, пока не позволили подняться, затем быстро вышел из помещения Первого Говорящего.

Чнннг!

Копье Конана глубоко вошло в пень, который был мишенью в соревновании в метании копья. Вошло так глубоко, решил киммериец, что ударилось в сучок и отскочило. Древко так сильно задрожало, что наконечник выскочил из дерева, и копье упало, подняв пыль.

Конан повернулся к Аондо и приветствовал его взмахом руки. Воин Ичирибу выиграл в метании копья, хотя и с самым небольшим преимуществом. Если бы не этот последний сучок...

Сзади подошла Валерия и остановилась рядом с Конаном. Теперь на ней была набедренная повязка Ичирибу, венки, означающий, что она женщина, давшая клятву, и кожаные обмотки на ногах. Долгий путь, солнце и остров Ичирибу сделали ее светлую кожу жителя Севера темнее, но никак больше не повлияли на ее внешность.

— Что теперь, Конан?

— Сегодня больше ничего. Завтра каноэ, ловля рыбы и затем вечером танцы на барабане.

По лицу Валерии пробежала тень:

— Конан, я умею обращаться с веслом не хуже их. Лучше тебя, я думаю.

— Весьма вероятно. Но от этого не зависит жизнь или смерть, если я проиграю где-нибудь, кроме как во время танцев на барабане. Аондо победил в борьбе...

— Потому что ты позволил ему победить, чтобы смутить его мозги ложными надеждами.

— Женщина! — сказал киммериец, надвигаясь на нее и изображая гнев. — У меня что, не может быть от тебя секретов?

— Нет, — ответила Валерия с озорной улыбкой, что придало ей вид почти девочки. — После того как я столько времени провела с тобой, я была бы душой, будь все иначе.

— Ты не дура, это точно, — сказал Конан. Вдруг тревожная мысль заставила его нахмуриться. — Если только ты не вызвалась грести на каноэ вместо меня.

— А если вызвалась?

— Ответь мне. Ты вызвалась участвовать вместо меня в гребле на каноэ?

— Да.

— Кром! Если бы у них только хватило ума отказаться...

— Они согласились.

Конану хотелось взять Валерию и потрясти так, чтобы она образумилась, но он понял, что этим лишь растрясет вдребезги их дружбу, и удовлетворился тирадой проклятий. От этого разлетелись птицы и заплакали дети. Женщины и даже воины

отшатнулись от киммерийца и оставили его с Валерией наедине, так что никто не мог их слышать.

— Это предложила Эмвайя? — прорычал он.

— Что «это»?

Он пытался найти приличные слова.

— Это... чтобы занять мое место.

— Нет. Она была достаточно дружелюбной, но мы еще недостаточно долго пробыли среди этих людей, чтобы прислушиваться к подобным советам кого-либо из них. Особенно к советам дочки колдуна.

— По крайней мере, ты растеряла еще не все мозги.

— Что имеешь в виду, киммериец? — в голосе Валерии слышалось раздражение.

— Если они позволяют тебе занять мое место в одном из состязаний — это значит, что они считают тебя воином.

— Ну и что?

— Знатным воином.

— Тем лучше.

Киммерийцу не удалось скрыть раздражения в голосе.

— Воином, связанным со мной клятвой кровного братства. Только такой может заменить другого в соревновании. Таков закон.

— Я знала...

— Женщина! — заорал киммериец. — А ты знала, что, если ты это сделаешь, тебя будут

испытывать так же, как и меня? Что твоя судьба идет в ногу с моей? Если я проиграю в танце на барабане, ты умрешь вместе со мной!

Конан ожидал чего угодно, но только не того, что Валерия обнимет его, затем пригнет его голову, потянув за волосы, и крепко поцелует.

— Хвала всем богам! Я не знала, что так легко могла избавиться от необходимости сидеть и ждать, пока меня не бросят какому-нибудь воину, как кость собаке!

Конан решил, что Валерия действительно говорит то, что он слышит, и что ни один из них не сошел с ума. Он очень сомневался, что если танец на барабане окажется не в его пользу, то они покорно предстанут перед смертью. Валерия не такова.

До этого Валерия представляла перед опасностью смерти лишь с единственной целью — самой остаться в живых. Если сейчас она свободно избрала совместный последний бой, то пусть так и будет, и тем хуже для Ичирибу, если они всерьез воспримут приговор, вынесенный барабаном!

Глава 9

Валерия все еще плохо понимала язык Ичирибу. Она, однако, достаточно хорошо могла читать лица, и на всех лицах вокруг было написано, что она сошла с ума.

В десятый раз с того момента, как Валерия села в каноэ, она подняла весло и подержала его так, чтобы определить центр тяжести. Утреннее солнце золотило капли воды, которые капали с лопасти весла в озеро.

Этим утром название Озера смерти казалось чудовищно неподходящим для такой прекрасной водной глади. Поверхность цвета изумруда со вспышками лазури поблескивала, и легкая рябь пробегала лишь тогда, когда налетал бриз. Солнце сияло сквозь розового и белоснежного цвета крылья целых стай птиц, высоко пролетающих над островом Ичирибу по направлению к далекому берегу.

Валерия положила весло и тоже в десятый раз слегка покачала каноэ, чтобы проверить остойчивость. Это была одна из лучших долбленок из

тех, что она видела: обработанная изнутри и снаружи и промасленная до такой степени, что поверхность на ощупь была гладкой, как тыльная сторона ладони Валерии. Даже более гладкой, если учесть, что ей пришлось пережить с тех пор, как она бежала из объятий того капитана.

Конан был прав. Она могла бы потратить годы в том жалком приграничном поселении, дождавшись того, что время забрало бы ее силу и красоту и Красное братство не приняло бы ее назад. Или она могла бы умереть от лихорадки, от падения с лошади, от стрелы или ножа какого-нибудь бандита, недостойного вычищать грязь из трюма на каком-нибудь корабле Красного братства. Умереть, не чувствуя палубы под ногами, не увидев больше, как надувается ветром парус, не услышав, как поют гребцы, когда буксируют корабль из гавани...

Она поморгала и отбросила мысли о прошлом. Сейчас она может жить лишь от одного мгновения до следующего, от одного гребка до другого. Иначе на Конана ляжет пятно: те, кто сомневается в способностях бледных братьев, будут ликовать; получится так, что она зря бросила свою жизнь на весы.

В двадцати шагах справа по борту Аондо, издеваясь, скалил кривые зубы. Затем он поднял весло и поводил вперед-назад, изобразив жест, который ни с чем нельзя спутать.

Валерия ответила таким же образом, прикусив большой палец и сделав вид, что выбрасывается за борт, и плюнула вслед. Улыбка Аондо поколебалась, затем исчезла, когда зрители на берегу расхохотались. Валерия услышала, как некоторые из них, а не только Конан, выкрикнули ее имя как боевой клич.

В пятидесяти метрах слева по борту два старших воина, судящих гонку, сидели в корме своих каноэ. В каждом каноэ судьи было по четыре гребца, хотя одна из лодок была едва ли больше того крепкого судна, которым Аондо управлял один.

Аондо, решила Валерия, снова был настроен похвалиться и важничать, как петух на навозной куче, — и пусть, если считает, что это поможет. Она выбрала себе каноэ, с каким, была уверена, она могла справиться на протяжении всей гонки. И не важно, в чем еще ее может превзойти Аондо, если она первой пересечет конечную черту!

На берегу забили барабаны. Барабаны Ичирibu были «говорящими», с их помощью можно передавать сложные послания, но сегодня они служили не для этого. Они здесь были для того, чтобы возбуждать силы ее и Аондо, и их ровный, глубокий рокот уже добрался до ее живота и наполнял будто крепким вином.

Валерия вскинула голову, волосы скользнули по плечам, и судьи подняли трезубцы. Когда трезубцы опустились...

Брызги образовали радугу, когда судьи взмахнули трезубцами. Радуга еще не потускнела, а весло Валерии уже прыгнуло в воду, и каноэ двинулось вперед.

Она гребла так, как научилась еще давно: поднимая голову, чтобы к рукам можно было подключить силу корпуса. Аондо, она видела, сидел согнувшись, будто от этого каноэ пойдет быстрее. Гребки его были не такими ровными, как у Валерии, но могучие мускулы делали его очень серьезным противником.

Лодки не разделяла и длина копья, когда они пересекли первую отметку. Валерия уже чувствовала, как пот струится по лицу и телу и что повязка на лбу намокает. Она поблагодарила Митру за то, что на ней была лишь самая короткая набедренная повязка, если не считать обмоток от мозолей на руках.

Лодки должны были пересечь шесть отметок, расстояние около лиги или чуть больше, как подсчитала Валерия. У второй отметки она отстала больше, чем ей хотелось бы, и к этому времени волосы были такими же мокрыми, как налобная повязка.

У третьей отметки она не сократила отрыв — половина дистанции, — но и не отстала еще больше. С Аондо тоже лил пот, и каноэ его, казалось, глубже погрузилось в воду. Вода от мощных гребков попадает через борт?

Каное судей шли рядом, но Валерия многого от судей не ожидала. Много в ней было чуждым для Ичирибу, и когда дело дойдет до решения ее судьбы, честь может быть перевешена невежеством. Она будет действовать так же, как и раньше, — все поставит на свое умение и силу, и остальное предоставит богам.

Гребок, поворот, гребок, поворот, гребок, поворот, гребок, поворот, еще гребок. Мышцы живота присоединились к кричащему протесту мышц рук и плеч. Гребок, поворот, гребок, поворот, гребок, поворот, на этот раз чуть сильнее, чтобы стряхнуть пот с глаз, которые начало резать, будто их залил горячий воск.

Каное Аондо уже некоторое время идет неопределенным курсом. Гребки Аондо стали, казалось, отчаянными, но не потеряли своей силы. Каное его больше не погружалось. Удалось ли ему как-нибудь вычерпать воду, пока Валерия не смотрела? Или это была лишь желанная фантазия, что его каное тонет?

Но не фантазия то, что направление его движения становится все более беспорядочным. Валерия внимательно посмотрела на воина Ичирибу. В одно мгновение, когда он думал, что за ним не следят, она поймала на себе его взгляд. От злобы, которая переполняла этот взгляд, у нее похолодела кровь и, казалось, пот на лбу превратился в лед. Если у него есть какой-то голос

в решении ее судьбы, она будет молить о смерти задолго до того, как смерть возьмет ее.

Залитые потом глаза Валерии разглядели и еще кое-что. Аондо шел таким курсом, что постепенно пересекал ее нос. До того, как они достигнут следующей отметки, ей придется либо отстать, либо ударить его лодку, а если Валерия ударит его лодку, ей будет засчитано поражение.

Гнев не затуманил разума Валерии. Она должна застать противника врасплох. Аондо силен, как бык, но и мысль у него ворочается не быстрее, чем у быка. Ей было интересно, кто научил его этой хитрости, она сомневалась, что узнает это, но в одном была уверена: этого человека сейчас нет в каное Аондо.

Валерия слегка изменила силу и направление гребков, так что ее лодка тоже постепенно начала отклоняться вправо. Она ощутила прилив сил, когда увидела, что Аондо действительно замедлил скорость, и поняла, что хитрость ее действует. Он подумал, что у нее кончаются силы, и ей придется ответить согласно его замыслу.

Когда они приближались к четвертой отметке, каное разделяла длина меча. Аондо уже наполовину пересекал нос каное Валерии и греб лишь так, чтобы сохранить расстояние. Несколько его неверных гребков, и его лодка ляжет поперек пути Валерии, как бревно.

Но неверные гребки сделала Валерия — умышленно, но сделав вид, что это ошибка человека, почти потерявшего силы. Она отстала, но лишь на несколько гребков, затем весло зарылось в воду, и Валерия прошла за кормой Аондо.

Аондо что-то выкрикнул, что, как решила Валерия, вряд ли было похвалой, и бешено ударил веслом по воде. Весло вошло в воду не на той стороне, и он уже закончил гребок, прежде чем понял ошибку. Его каноэ резко развернулось, и Аондо оказался кормой вперед.

Валерия к этому времени прошла мимо и вышла на чистую воду. Ей не было до этого дела, если даже Аондо целый день будет выписывать круги или прыгнет через борт, чтобы его съели там рыбы-львы или крокодилы. Дело ей было лишь до того, что слева по борту виднелась четвертая отметка и настало время выложить все силы. Она не позволила себе ни на мгновение усомниться в том, что у нее эти силы остались.

Теперь весло ныряло, выпрыгивало и снова ныряло на другой стороне. Каждый гребок, казалось, поднимал лодку вверх, а не толкал ее вперед. За кормой бурлила вода, у носа брызги образовывали радугу, и Валерия увидела, что стоит на коленях на пядь в воде, которая плескалась на дне лодки.

Она также не позволила себе даже на мгновение оглянуться на Аондо. Аквилонка отдала

гонке почти всю себя. Аондо не мог уже иметь никакого значения. Мир сократился для нее до бесконечного ритма гребков, воды, бурлящей позади, проходящей за корму пятой отметки, шестой, последней, которая была уже видна...

Аондо снова был здесь, теперь справа по борту. У него, похоже, не осталось больше хитростей, но зато было слишком много сил, чтобы Валерия успокоилась. Спокойствие больше не имело значения. Мир Валерии сжался до одного гребка следом за другим, и ничто другое не имело значения, пока каждый удар весла вел ее к последней отметке.

То, что Аондо сделался больше, не значит ли, что он стал ближе? Валерия не потратит ни мгновения, даже чтобы посмотреть. Это не имеет значения. Ничуть. Она будет опускать весло, вынимать, поворачиваться... и стало казаться, что пояс и бедра сковывает раскаленное добела железо...

— А-а-а-а-а-а, Валерия!

В мире только один такой голос. Валерия не поняла, поздравляет ли Конан ее с победой или пытается побудить ее к большим усилиям. Валерия думала, что у нее не осталось больше сил, но громоподобный голос киммерийца доказал ей, что она ошибалась.

Она неслась в облаке брызг, весло летало из стороны в сторону и вверх и вниз так быстро, что

глаз почти не мог уследить. Валерия была лишь мышцы и связки, кости и дыхание, человеческих чувств в ней больше не осталось.

— Валерия!

Она снова услышала голос Конана, но на этот раз он тут же был поглощен ревом других голосов. Они кричали ее имя с берега, с озера, даже, казалось, с неба.

— Валерия! — Киммериец пробился сквозь рев. — Ты победила!

Валерии хотелось присоединиться к крику. Вместо этого рот ее, как ей показалось, будто наполнен ватой. Она разинула его, но смогла лишь проквакать. Валерия согнулась вперед осторожно, так как боялась, что глаза выскочат и покатыятся по дну каноэ.

Каноэ качнулось и развернулось. Валерия судорожно стала искать кинжал, смутно соображая и решив, что Аондо попытается отомстить за поражение, совершив убийство на виду всего племени.

Затем большая, в мозолях от меча, рука обхватила ее за пояс и развернула. Конан стоял рядом с каноэ по грудь в воде. Свободной рукой он высвободил из ее рук весло и бросил его на дно каноэ. Она увидела, что весло поплыло.

Затем она увидела голубое небо с облачками, когда киммериец вынул ее из лодки и на руках понес к берегу. Валерия чувствовала, как про-

хладная вода озера успокаивает руки и ноги, и у нее хватило сил, чтобы глубоко вздохнуть.

Они добрались до берега. Служанка Мокосса подбежала, неся в руках тыкву с водой. Валерия хлебнула, опасаясь, что ее горло и желудок никогда больше не станут прежними. Вода, однако, прошла внутрь, и Валерия начала жадно пить.

Среди общего крика она расслышала знакомое ворчание:

— Тебе не нужно было доходить до того, что мне пришлось тащить тебя до берега! У некоторых женщин ума столько, сколько боги дают мухе!

Не хватило сил даже подумать о том, чтобы кастрировать его, а чтобы кусаться или лягаться — надо подумать о достоинстве победителя.

Мысли о достоинстве также предохранили от того, чтобы упасть без чувств, какой бы заманчивой ни казалась эта идея. Вместо этого она протянула руку за другой тыквой и на этот раз вылила воду на себя.

Вобеку вошел в хижину Аондо осторожно, держа руки перед собой и оставив оружие у двери. Аондо и в самое лучшее время был вспыльчив, а сейчас время было далеко не таким.

Рабыня вскочила и побежала в угол хижины при виде Вобеку. По пути она сделала знак против сглаза.

Аондо непринужденно привстал и протянул руку к девушке. Она завизжала от неподдельного ужаса, когда массивная рука охватила щиколотку. Девушка не посмела сопротивляться, однако, когда Аондо подтянул ее к себе и положил поперек колен.

— У Вобеку нет злого глаза. Повтори десять раз.

— У Вобеку нет... ой-ой-ой!

Ладонь Аондо с силой шлепнула девушку по задку. Она снова завизжала и попыталась вырваться.

Вобеку поднял глаза к прокопченной тени под потолком хижины. Не его дело, как Аондо обращается с женщиной. Однако у него не много времени, даже если заключительная часть дуэли между Аондо и Конаном-Без племени отложена до завтра.

Девушка терла одной рукой зад, а другой глаза, когда Аондо отпустил ее. Она уползла в дальний угол хижины и сжалась там в комок. Вобеку не стал тратить на нее свое сочувствие. Если бы она видела хотя бы нескольких из тех женщин, что вызвали недовольство огромного воина, она назвала бы себя счастливой.

— Она должна уйти, — сказал Вобеку.

— Да кто ты такой... — начал рычать Аондо. Затем нахмурился. — А, только наружу?

— Да. Думаешь, я дурак, чтобы вступать в отношения между тобой и твоими женщинами?

— Ты не можешь знать столько, сколько знаешь, будучи дураком. — Аондо обратился к девушке: — Иди. Я пришлю Вобеку, чтобы позвать тебя.

Девушке явно не понравилась такая перспектива. Вобеку самому едва ли понравилось, что этот придурок посчитал, что он должен передавать его сообщения этого переросшего младенца, которому боги дали силу двоих человек, а голову набили лишь наполовину. Как и девка, он, однако, послушается, но из-за надежды добиться выгоды, а не от страха.

— Аондо, — сказал он, когда оба воина остались одни, — сегодня ты был опозорен.

— Ты смеешь...

— Я смею повторить то, что все будут говорить до завтрашнего заката.

— Кому какое дело, что там говорят до заката? После восхода ни один против меня ничего не скажет. Они будут заняты сожжением колдуна Конана.

— Ты уверен в себе.

— Я — Аондо.

— То, что ты Аондо, не сделало тебя быстрее, чем женщина Валерия.

— Я знаю, как обуздать любую женщину.

Это было правдой. Аондо знал, как обуздать любую женщину так, чтобы она больше не двигалась, разве только когда родственники несли ее к месту сожжения.

— Я знаю, как обуздать любого мужчину. Более того, мужчину, который завтра вечером будет танцевать с тобой на барабане.

— Мне не нужна такая помощь.

— Кто сказал о помощи? Ты Аондо, который может побеждать без помощи. Я же предлагаю дружбу.

— Чтобы ты был чьим-нибудь другом? Я расскажу всем Ичирибу, что ты обещал дружбу. Они будут хохотать, пока не задохнутся.

Вобеку разозлился, и руки его сжались в кулаки. Большого гнева он не осмелился показать перед Аондо. Он действительно почти всегда был один, и мало кто подумает о мести, если Аондо прикончит его здесь.

— Если слово «дружба» звучит для тебя подозрительно, назови это сделкой, услугой за услугу.

— Я не отдам Валерию.

— А кто хочет просить могучего Аондо отказаться от возможности отомстить? — Вобеку принял самое невинное выражение лица. — Ей не

будет вреда, я клянусь. Но и без вреда для нее я могу сделать твою победу еще более уверенной.

— Предположим, ты окажешь эту услугу? — спросил Аондо. — Что я для тебя сделаю?

Вобеку хотелось плясать от радости. Трезубец сидел прочно. Теперь потянуть за веревку и вытянуть свою рыбу-льва!

— Среди Ичирибу есть многие, кто говорит с тобой, но не со мной.

Вобеку не добавил, что многие говорят не столько с Аондо, сколько в его присутствии, думая, что неуклюжий воин слишком глуп, чтобы запомнить их слова. Тем не менее Аондо был полезен как еще одна пара глаз и ушей.

— Это так.

— Правда и то, что мне иногда нужно знать о том, о чем люди при мне не говорят. Я скажу тебе, когда возникнет такая ситуация. Ты будешь смотреть и слушать и передавать мне то, что увидишь и услышишь.

— Кто еще будет знать то, что я тебе скажу?

— Лишь боги.

— Но не Добанпу?

— Говорящий с духами — никогда, и никто из его родственников!

И это тоже было правдой. Аондо слышал с таким явным облегчением, что Вобеку не шпионит в пользу Добанпу, что Вобеку понял — толстяк не будет думать дальше. Скорее луна

превратится в кашу из сорго, чем Аондо поинтересуется, не может ли Вобеку шпионить в пользу Кваньи.

— Боги! Лучше болтаться на дыбе, чем терпеть это!

Эмвайя издавала успокаивающие звуки, в то время как Мокосса втирала масло в члены Валерии, которые сводило от боли. Конан рассмеялся. Валерия бросила гневный взгляд:

— Завтра вечером в это время тебе будет не до смеха, киммериец. Аондо заставит тебя поплясать.

— Не больше, чем я захочу, могу поспорить...

— На что?

— А на что ты споришь, женщина?

На этот раз гневный голос Валерии сменился хохотом:

— Я знаю, на что ты хочешь, чтобы я поспорила, Конан.

— Тебя Эмвайя научила слышать мысли?

— Конан, некоторые твои мысли создают такой шум, что и ребенок услышит, а я уже вышла из этого возраста!

— Действительно, вышла, — произнес Конан, пробегая взглядом по обнаженным формам Валерии. Хотя она и говорит, что каждый ее

мускул болит, будто ее терзают на дыбе, это никак не заметно на чистой коже.

— Жаль, что ты не можешь вместо меня станцевать на барабане, — продолжал он. — Ты танцуешь лучше меня, а в такой одежде, как сейчас, ты помутитишь разум человеку и получишь Аондо.

— Я уже так и сделала, — ответила Валерия. — Или ты на самом деле забыл, что танец на барабане у этого народа — только мужской ритуал. Они не воспримут мой танец как шутку, я уверена.

Конан грубо отозвался о том, куда Ичирибу могут засунуть все, что им не нравится. Эмвайя, казалось, поняла интонацию, если и не смысл. Она подняла брови, но не смогла удержать смеха.

Наконец Валерия — скользкая, как угорь, умащенная благовонным маслом — погрузилась на своем матрасе в полусон. Женщины Ичирибу удалились; Конан сел рядом с Валерией и положил руку ей на волосы.

Она сонно перекаtilась и, все еще с полужакрытыми глазами, слегка укусила его руку. Он отдернул ее и притворился, что разгневан.

— Как хочешь, женщина. Любой подумал бы, что тебе нравится то, что случится со мной завтра вечером!

Валерия прикусила губу:

— Ты бы поверил, если бы я сказала, что нравится?

— Любой мужчина, который верит женщине, заслуживает, чтобы его укусили сильнее.

— Это нетрудно будет устроить, Конан.

Киммериец сел на свой матрас и скинул сапоги.

— Завтрашней ночью мы можем пить и смеяться над этими опасениями. А сегодня я за то, чтобы хорошо выспаться.

Валерия храпела еще до того, как Конан успел лечь. Когда Конан перевернулся на своем матрасе, он услышал далекое бормотание, перешедшее в сердитую барабанную дробь дождя по крыше хижины.

Небо было скрыто дважды — один раз облаками и второй раз дождем, когда Райку крался сквозь темноту на встречу с Чабано.

Он не боялся, что за ним проследят в такую ночь, разве только при помощи колдовства Говорящих. Дождь избавит от всех природных врагов, а Первый Говорящий должен защитить от праздного любопытства своих подчиненных. Если не защитит или если Добанпу Говорящий с духами уже проявил любопытство, тогда надежды Райку достичь цели своих устремлений рухнут, еще и не окрепнув.

Райку решил, что своим мрачным настроением он обязан лишь дождю, а не влиянию духов.

Вдруг сверкнула молния и осветила фигуру, стоящую у дерева. Вождь Кваньи казался таким крепким, что трудно было сказать, кто кого поддерживает — дерево воина или воин дерево.

— Здравствуй, Чабано. Ты быстро пришел.

— Твое известие поспело вовремя. И вот я здесь. Говори.

— У меня есть новости. Я могу обещать Кваньи большую помощь...

— Ты не добьешься себе места среди нас простыми обещаниями, Райку.

— Я надеюсь не на это. Ты просил меня говорить. Выслушаешь ли, если я буду краток?

— Ты громко поешь для мелкой птички.

— Птица, нашедшая мед, тоже поет громко, и медведю стоит послушать.

Чабано изобразил медвежий рык, но в остальное время молчал, пока Райку объяснял, что Первый Говорящий хочет и что обещает.

— Мои шпионы среди Ичирибу не клялись служить Посвященным богу, — сказал наконец Чабано.

Райку пожелал, чтобы клятвы шпионов пожрали рыбы-львы, но вслух произнес:

— В таком случае не могут ли они дать новые клятвы? Если они достаточно сообразительны, чтобы быть твоими шпионами, они так же быстро сообразят, что Посвященные богу не желают зла Кваньи.

— Я и сам этого не понял, — ответил Чабано. — Или ты считаешь, что мне недостает сообразительности?

Райку решил, что любое слово, какое он сейчас скажет, может для него стать последним. Вместо ответа он пожал плечами.

Чабано рассмеялся. Это был смех, который заглушил дождь и спорил даже с громом.

— Я знаю мало о Посвященных богу, — сказал он наконец. — Но ведь ты мне расскажешь о них, правда?

Райку кивнул.

— Я рад. Мои шпионы дали мне клятву, так что они будут повиноваться, даже если это будет на пользу Посвященным богу. Ты этого не знал?

Райку признался в неведении.

— В таком случае тебе столько же предстоит узнать о Кваньи, как и мне о Посвященных богу. Возможно, даже больше. Помни об этом и следи за языком, когда встретимся снова.

Райку был готов поклясться страшными клятвами так и сделать, когда вдруг заметил, что собирается клясться темноте. Чабано исчез тихо, как кобра, несмотря на то что больше походил на ищущего мед медведя.

Глава 10

Зеленые холмы западного берега Озера смерти уже давно поглотили солнце. Теперь посеребрённые лунной облака глотали звезды. С озера на земли Ичирибу дул ветер, пока слабый, но обещающий усилиться.

На вершине самого высокого холма на острове, у одной стороны барабана танцев, стоял Конан, разглядывая Аондо, стоящего у другой стороны. На обоих были лишь набедренные повязки и кожаные обмотки на запястьях и щиколотках. Вид у обоих был мрачный и решительный.

Или, по крайней мере, Аондо принял такой вид. Конан же просто позволил лицу принять свое обычное выражение, про которое говорили, что оно достаточно мрачно во всех ситуациях.

«Можно подумать, что ты готов бросить вызов самим богам, если они дадут мельчайший повод», — сказала ему одна женщина в далекой земле несколько лет назад. Она сказала это как

похвалу, сама будучи из тех, кто сомневается в самом существовании богов. Вера самого Конана не доходила до такого. Он лишь сомневался во всем, что священники говорили о богах, и ждал, пока боги не заявят о себе сами. А поскольку до сих пор они молчали, он находил в этом достаточное основание, чтобы полагаться на собственное умение и силу.

Конан изобразил некоторое добродушие и оглядел Аондо. Мозгами этот парень похвастаться не мог, но впечатление, что он неповоротлив, как увязший бык, обманчиво. Конан видел его быстроту в предыдущих состязаниях. К тому же Аондо знал искусство танца на барабане с детства, в то время как жизнь Конана — а теперь и Валерии, будь проклята эта женщина! — зависела от того, сумеет ли он овладеть этим искусством за считанные мгновения.

Об Аондо ничего больше узнать было нельзя. Конан обратил внимание на сам барабан.

Это было чудовищное сооружение: неровный круг двадцати шагов в поперечнике. Рама барабана была из дерева такого толстого, что можно было сделать из него боевую галеру или крышу храма. При свете факелов кожа барабана имела бурый цвет хорошо дубленной бычьей кожи, но блеск будто мелких чешуек указывал на иное происхождение. Зная, сколько необычных зверей скрывают джунгли в этих краях, киммериец не

позволил этой мысли расстроить себя. Если только кожа барабана выдержит его вес до тех пор, пока он не завоеует жизнь и свободу для себя и Валерии, ему наплевать, даже если это шкура существа с Луны!

Из-за кольца зрителей вышли вперед Добанпу и Сейганко. Конану показалось, что он где-то в кольце заметил Эмвайю и Валерию, но толпа была слишком плотной, чтобы разглядеть точнее. Было очевидно, что все, кто мог ходить или кого можно было нести, сумели оказаться этой ночью здесь, все — от младенцев на руках до почтенных старцев.

Налетел порыв ветра, и факелы закоптили, дым змеей обвил Конана. Дым имел запах экзотичных смол и трав, каких киммериец не встречал в Черных королевствах. Племена Озера смерти, он мог поспорить, отличались даже от родственного им народа у берега.

Будет время узнать о них побольше, после того как он победит. Конан поднял руки и хлопнул в ладоши над головой в знак того, что готов. Аондо сделал то же самое.

Откуда-то из-за круга факелов донеслась барабанная дробь. Это не был один из огромных говорящих барабанов, всего лишь барабанчик — на нем вполне мог стучать и ребенок. Но это был ритуальный сигнал для танцоров занять свои места.

Конан нашел бревно с зарубками, которое служило вместо лестницы, но не воспользовался им. Вместо этого он схватился за край барабана, согнул колени и одним прыжком запрыгнул наверх.

Барабан загудел, будто барабаны всех галер, всех флотов мира забили одновременно. Конану показалось на мгновение, что даже замерло пламя факелов. И конечно, он видел удивление на всех лицах... включая лицо Аондо.

У представителя Ичирибу во всяком случае хватило ума не пытаться повторить подвиг Конана. Он забрался по своему бревну с зарубками и лишь затем прыгнул на середину барабана.

Снова по холмам разнесся громовой рокот и растворился в темноте над озером. Конан переместился по барабану, снова согнув колени, поскольку теперь это искусство казалось не более трудным, чем умение ходить по качающейся палубе; проще, чем умение ходить по качающейся палубе; проще, чем стоять на спине лошади. Он надеялся, что дальше будет так же легко.

Вобеку внимательно наблюдал, как двое танцоров приступили к своей сложной работе. Он сомневался, что опыт Аондо пересилит его природное высокомерие. Ничто не могло уберечь Аондо от недооценки противника, а с этим Конаном это недопустимо.

Тем лучше. Чем больше Аондо окажется должен Вобеку, тем более послушным орудием будет этот воин в руках шпиона Чабано. Чем больше сведений сможет Вобеку доставить вождю Кваньи, тем выше будет его место, когда другое племя начнет править наконец на землях вокруг Озера смерти.

Вобеку похлопал мешочек у пояса. Он казался обычной воинской сумкой, в которой могут быть ложка и миска из тыквы, костяная игра и жила, чтобы чинить одежду, или несколько полосок высушенного на солнце мяса и вяленая рыба.

Там были все эти предметы, чтобы сбить с толку того, кто случайно решит посмотреть, что там. Под ними лежало разобранное на две части духовое ружье и мешочек стрел к нему.

Духовое ружье не было оружием воинов племен южных лесов. Дальность его действия более чем в два раза меньше, чем у хорошо брошенного копья, но сегодня не нужна дальность, когда жертва ничего не подозревает.

Да и надо всего лишь оцарапать обнаженную кожу, а остальное сделает яд. Искусство сохранять на воздухе действие яда кобры было известно лишь Посвященным богу, и стрелы были частью их подарка Чабано. Малой частью, если учесть, что у Вобеку было только три стрелы. Или заклинание, чтобы сохранить яд, так трудно

произнести, или Посвященные богу просто жадничают как обычно?

Однако когда достаточно одной стрелы, три уже много. Жертва ничего не заподозрит, а кобры на острове — не редкость, чтобы кто-нибудь заподозрил нечто большее, чем простое невезение, до тех пор пока не окажется слишком поздно. Слишком поздно для жертвы Вобеку и для ее товарища, танцующего на барабане.

Прохладный ветер обещал еще более сильный дождь. Конан, несмотря на это, вспотел, так же как и Аондо, и пот обоих тек на уже мокрую поверхность барабана, отчего стоять на нем было еще сложнее.

Не только пот Аондо заставлял Конана бороться, чтобы устоять на ногах. Через непредсказуемые промежутки времени воин Ичирибу кидался на колени или даже на живот, а затем ударял по барабану обеими огромными руками, чтобы подняться. Эти действия сообщали барабанной коже каждый раз новые движения, также непредсказуемые.

Сам Конан оставил такие приемы. Он быстро выучил, что никакое движение кожи барабана не грозит ему опасностью потерять равновесие... пока он, по крайней мере, готов к ней, что означало: широко расставить ноги, колени полусогнуть, а

ноги ждуть, чтобы расслабиться или напрячься в зависимости от того, что потребуется.

Танец на барабане не был похож ни на что, что доводилось делать киммерийцу раньше. Но он требовал умения, которое Конан оттачивал годами, пока оно не стало так же остро, как кромки его меча. Из умения он может соткать себе победу или по крайней мере избежать поражения.

Своими тонкими приемами Аондо тратил силы, которые Конан берег. Однако воин этот не казался медлительнее или слабее, чем был в начале поединка. Каково будет решение Ичирибу, думал Конан, если танец закончится тем, что оба останутся на барабане, но не в состоянии пошевелить и пальцем?

Он рассмеялся и засмеялся снова, когда увидел, что Аондо от этого нахмурился. Нет сомнения, что толстяк ломает голову, пытаясь отгадать, какую уловку готовит киммериец. Конан рассмеялся в третий раз над глупостью Аондо. Стоит только отвлечь внимание от следующего движения противника — и проиграешь точно.

Для Конана мир сжался, и были в нем только барабан и человек напротив. В битве за жизнь он всегда сосредоточивался, поскольку ему уже было достаточно много лет, чтобы побеждать умением, а не одной лишь силой молодости и, возможно, благодаря помощи богов. Сегодня так и должно быть.

Конан высоко подпрыгнул и перекатился. Перекатившись, он снова стал на четвереньки. Силой ударил руками и коленями по поверхности барабана и подскочил в воздух. Приземлившись, он снова стоял на ногах.

Он находился близко к краю барабана. Аондо издал дикий крик радости, когда увидел, что победа его уже близка. Он в свою очередь прыгал не переставая, отчего кожа барабана бешено плясала.

Конан умышленно позволил этому движению кожи переместить его на расстояние примерно в длину копья от края. Ему не грозила никакая опасность, если только не сломается рама барабана. По обычаю, это прекращало дуэль, пока плотники не восстановят поломку.

Аондо, однако, грозила опасность истощения, если он и дальше будет скакать, как блоха на горячей сковородке, пытаясь сбросить Конана. Он, похоже, забыл древнее правило боя: не делай ставку на то, что можешь сделать лишь однажды.

Умышленно Конан сместил центр тяжести так, что каждый прыжок кожи барабана медленно отдалял его от края. Грохот барабана заглушал ветер, а скоро этот грохот заглушит и гром неба.

Конан подумал, как же зрители переносят такой шум, и увидел, что они действительно расступились.

Валерия и Эмвайя стояли теперь рядом на расстоянии руки от одного из факелов. Конан

ухитрился подмигнуть Валерии и помахать рукой, заметил, как она помахала в ответ, и увидел, что Аондо пытается сократить разделяющее их расстояние.

Было запрещено правилами, обычаем и разными табу касаться одному танцору другого. Однако близко подходить к противнику разрешилось. Не давая ему места, чтобы двигаться, можно было добиться победы.

Можно даже заставить противника ударить, из-за чего ему будет тут же присуждено поражение. Конан мог на многое поспорить, что такая мысль была в голове Аондо. Однако на истекающем потом лице Аондо была маска такой ярости, что можно было подумать — он готов нанести удар первым.

Конан это ясно увидел, но отбросил такую мысль. Такая победа не будет почетной и не даст ни ему, ни Валерии надежного места среди Ичирibu. К тому же Аондо может оказаться слишком хорошим воином, чтобы умереть просто из-за того, что не смог сдержаться.

Если бы судьба Валерии не была связана с его судьбой, киммериец совершенно отбросил бы эту идею. Но при данных обстоятельствах следует приберечь эту уловку на случай, если ему придется спасать и свою жизнь, и жизнь своего товарища.

Аондо еще больше сократил расстояние за время, потребовавшееся Конану для того, чтобы

принять решение. Сейчас киммериец мог бы протянуть руку и коснуться Аондо. Аондо был слишком высок, чтобы его можно было перепрыгнуть, так что Конан ждал, когда прыгнет воин Ичирибу.

Затем он с силой топнул обеими ногами по коже барабана, Аондо приземлился на колеблющуюся поверхность, качнулся и, пытаясь сохранить равновесие, отвернулся от Конана.

В то мгновение, пока противник на него не смотрел, Конан сделал самый длинный прыжок за время поединка. Он приземлился в шести шагах от Аондо. Теперь Аондо стоял спиной к краю барабана. Конан еще больше увеличил расстояние, видя, что Аондо снова готов броситься, без ума от ярости, и тем самым закончить без чести свою жизнь. Вдруг, как раз когда киммерийцу показалось, что ярость начинает оставлять Аондо, раздался женский крик.

Валерия стояла рядом с Эмвайей, устремив взгляд на барабан, когда скорее почувствовала, чем увидела движение молодой женщины. Эмвайя, казалось, почти парила эти три шага, не касаясь ногами земли. Когда она вошла в поле зрения Валерии, пиратка заметила, что лицо Эмвайи искажено.

Затем неожиданно дочь Добанпу покрылась потом, выбросила вперед руку и, будто схватив что-то в воздухе, вскрикнула.

Валерия выхватила меч и кинжал, мало обращая внимания на стоящих вокруг. Зрители вокруг Валерии и Эмвайи расступились, словно дочь колдуна неожиданно вспыхнула пламенем.

Эмвайя шаталась, трясла рукой и открывала и закрывала рот, не произнося ни слова. Валерия видела, как закатились ее глаза, как она упала на колени, как затряслись пальцы, как руки свело судорогами.

— Змея! — крикнул кто-то.

Валерия вертелась, стараясь смотреть сразу во все стороны и нанести удар по тому, что хоть отдаленно напоминало бы змею. Тут она заметила красный, распухший участок на руке Эмвайи, — на руке, вспомнила она, которой Эмвайя схватила что-то в воздухе.

Мгновенно Валерия сменила объект поисков. Она искала не человека или оружие. Скорее она искала определенное выражение лица. Убийцы имеют такое выражение лица, которое ни с чем нельзя спутать. Убийца же, который только что совершил покушение не на того человека, имеет еще более определенный вид, если только он не член специально обученных кланов, какие она не ожидала найти среди Ичирибу.

Валерия отыскивала лицо с таким выражением, лицо, которое она узнала, хотя и не могла вспомнить имени. Этот человек отчаянно пытался

спрятать предмет, находящийся у него в руках, за спиной женщины, стоящей впереди.

Валерия знала, какая судьба ожидает ее и Конана, если она убьет невинного из рядов Ичирибу. Так что она перевернула кинжал и метнула его рукоятью вперед. Рукоять была произведением искусства немедийских мастеров, с утяжеленным набалдашником, предназначенным как раз для того, что и делала Валерия.

Человек тот — Вобеку, она вспомнила теперь его имя, — вовремя увидел грозящую опасность и успел увернуться. Он пригнулся, кинжал, ударив его вскользь, отскочил в толпу, и крик предупредил Валерию, что сейчас будут неприятности. Не думая об опасности, она подняла меч и заорала проклятия и угрозы на всех языках, какими владела.

Ичирибу могли и не понимать, но они могли узнать сумасшедшую женщину, когда видели ее перед собой. Они расступились и образовали проход, чтобы Валерия могла идти туда, куда хочет. Она ринулась вперед, как раз когда Вобеку поднял то, что должно было быть духовым ружьем.

Ни сталь, ни стрела не достигли цели. Неожиданно Валерию окружило золотое пламя, льющееся дождем с неба. Клинок ее, казалось, глубоко врезался в толстую стену из льда, и от стали полетели ослепительные искры.

В то же мгновение золотой огонь окутал и что-то маленькое, что, должно быть, было стрелой, выпущенной в Валерию. В стреле не было металла — не говоря уже о доброй аквилонской стали, — она вспыхнула бледно-зеленым огнем и сгорела.

Затем золотой огонь выгнулся и образовал высокую арку, соединяющую руку Эмвайи и духовое ружье, которое держал Вобеку. На этот раз настала очередь Вобеку закатить глаза, а также кинуть ружье и броситься наутек.

Золотой огонь становился все ярче, и Валерии пришлось вначале прищуриться, а затем закрыть глаза. Огонь становился все ярче, и Валерии уже хотелось бросить меч и зажать лицо руками. Она слышала вокруг себя крики, и надеялась, что ни один из них не принадлежит Эмвайе.

Когда через вершину холма хлынул золотой огонь, Конан был уверен в двух вещах: Аондо знал о предательстве; Добанпу сейчас пытается это предотвратить.

Воин танцевал вокруг Конана, вынуждая его либо стать лицом к свету либо спиной к противнику. В большинстве поединков это не имело значения: слух киммерийца мог сообщить ему чуть ли не о падении листка.

Сейчас звук шагов противника тонул в шуме, который походил на конец света: гром барабана, рев толпы от страха и гнева, и гром, который, казалось, поднимается от земли, так же как и доносится с неба. Конан закрыл глаза, сделал глубокий вдох и попытался определить, где находится Аондо, по запаху его пота.

Определение было неточным, но достаточным. Аондо задел руку киммерийца. В это мгновение он мог бы схватить и выбросить Конана, и никто бы не заметил. Но для такого сложного действия у Аондо не хватило ума. Он ожидал встретить противника беспомощным, но не нашел такого в Конане, да и сам он тоже был наполовину ослеплен.

Затем золотой огонь уменьшил силу так, что его сияние мог терпеть человеческий глаз. Конан открыл глаза, прыгнул вверх и в сторону и умышленно упал на колени.

Аондо издал бычий рев, в котором слышались ярость и триумф, и бросился на киммерийца. Возглас ужаса раздался со всех сторон при виде нарушения табу.

Конан не встретил Аондо корпус к корпусу. Вместо этого он упал еще ниже, ударив о барабанную кожу своей массивной грудью. Аондо потерял равновесие. Он попытался восстановить его, кинувшись сверху на Конана, но ким-

мериец сделал кувырок вперед и ушел от броска воина.

Огромный воин Ичирибу видел, что ничто не спасет его от падения через край. На этот раз рев его выразил чистую ярость. Он в свою очередь сделал кувырок, полетев через край барабана. Аондо приземлился между двух вооруженных воинов, бросившихся схватить его.

Они вполне могли бы попытаться схватить бешеного слона. Гигантский кулак сломал копье одним ударом, от удара другим кулаком воин растянулся на траве без чувств. Аондо пнул упавшего в ребра для ровного счета и пригнул голову, чтобы ринуться сквозь толпу.

Даже воины расступились перед ним, но сомкнули ряды, не пустив Конана, когда он спрыгнул с барабана и хотел броситься в погоню. Конан занес кулак, чтобы увеличить число лежащих без чувств.

Валерия продралась сквозь толпу с другого конца при помощи рукояти меча и умелой работы локтями. Вдруг она вскрикнула от неожиданности, когда Конан обхватил ее руками.

— О боги, Конан! Ты хуже дыбы или Мокосы со своим маслом!

Он держал Валерию перед собой на расстоянии вытянутой руки и вглядывался в ее глаза, чтобы убедиться, что разум и жизнь там еще теплятся. Затем Конан расхохотался:

— Тот крик был не твой?

— Не первый во всяком случае. Тогда кричала Эмвайя. Она поймала отравленную стрелу, выпущенную в меня.

Конан чувствовал, как в члены снова возвращаются силы, но соображал он еще так же медленно, как и Аондо.

— Стрелу?

— Это Вобеку, — сказала Валерия, затем приступила к объяснению, которое постепенно начало доходить до Конана. К тому времени как она закончила, он восстановил не только силы, но и дыхание.

— Где мой меч?

— Конан...

Киммериец взял Валерию под мышки и оторвал от земли.

— Женщина, я потребовал свой меч. Я хочу воспользоваться им, чтобы убить Аондо и Вобеку. Это что, так трудно понять, или ты съела что-нибудь, чтобы замутить себе мозги?

Валерия откинула назад голову и хохотала, пока Конан не присоединился к ней и не выпустил захват. Она легко приземлилась и обернулась:

— Конан, вот твой меч.

Конану протягивал его оружие, ножны и пояс Сейганко. За ним стояли полдюжины воинов Ичирибу, у каждого из которых было не меньше

двух копий и трезубец, а многие были вооружены дубинками, дротиками или веревкой с привязанным на конце камнем.

Первой мыслью Конана было, что он каким-то образом заслужил смерть и сейчас ему отдают оружие для того, чтобы он мог с честью принять последний бой. Затем заметил, что мрачные взгляды воинов обращены не в его сторону.

Конан благоразумно вооружился, прежде чем начать говорить:

— Сейганко, я надеюсь, мне позволят участвовать в преследовании этих бесчестных...

— Ичирибу будут судить бесчестие еще более строго, чем ты, клянусь, — сказал Сейганко. Действительно, он поклялся несколькими клятвами, которые, как Конану было известно, считались очень страшными в Черных королевствах, и еще несколькими незнакомыми, но звучащими вполне убедительно.

Его помощь в преследовании явно нежелательна. Что остается делать?

— Как Эмвайя?

Сейганко, казалось, с трудом пытался овладеть собой.

— Она в руках своего отца и богов. Было бы проще исцелить ее, если бы Вобеку не бросил ранившего Эмвайю оружия. Детской игрой было бы уничтожить его.

Брошенное оружие Вобеку — это что-то не совсем понятное, хотя от всего этого несет колдовством; так что он, вероятно, ничего не потерял. Он решил не считать Вобеку беспомощной жертвой просто из-за того, что тот безоружен, и стал слушать Сейганко дальше.

— Но сейчас Вобеку бежал, — продолжал Сейганко, — и Эмвайя лежит не страдая, но находясь в большой опасности, несмотря на все искусство отца. Если думаешь, что твои боги имеют власть в этой земле, молись им.

Конан кивнул. Сейганко поднял руку, и один из воинов подал ему копьё.

— Клянусь этим оружием, несущим смерть предателям, что я не причиню вреда ни тебе, ни твоей женщине-оруженосцу. Что бы сегодня ни случилось, ты и она можете без вреда покинуть эти земли. Но если Эмвайя умрет, не думай найти друга во мне или в любом, кто следует за мной.

Сейганко повернулся кругом так же легко, как смерч в степях. Отряд зашагал в темноту, которая казалась в два раза гуще теперь, когда золотого огня не стало.

Вобеку несли, будто за спиной его завывал Живой ветер. Он знал, что на острове спрятаться нельзя и женщины и дети охотно присоединятся

к погоне, если будет необходимо. Действительно, лишь вообразив, что сделают женщины, если Эмвайя умрет, он чуть не споткнулся.

Вобеку молился, насколько хватало дыхания, о том, чтобы добраться до своего спрятанного каноэ или чтобы воины настигли его раньше, чем женщины. Он уже пересек край обрыва над северным берегом, когда понял, что молитвы его услышаны. Теперь под гору к каноэ.

Более легкое продвижение дало возможность подумать о тишине. Трудно было поверить в то, что кто-нибудь из воинов мог пересечь остров, обогнав Вобеку, чтобы оказаться на берегу, но люди часто погибают от того, во что они не верят. Вобеку держался подальше от тропинок, от склонов с непрочно сидящими камнями и от густых кустов, которые могут выдать своим шорохом.

Очень помогло то, что, когда он уже пробежал полсклона, дождь полил всерьез. Вокруг сверкали молнии так же ярко, как золотой огонь духов, брошенный Добанпу.

Бог Мужской силы, спаси его! И победа и смерть прошли так близко, что ему хотелось выть, как гиена, при этой мысли. Если бы Эмвайя не поймала стрелу, Валерия была бы мертва. Из-за нее Добанпу не стал бы говорить с духами, а смерть ее была бы концом для Конана. Если даже они не связаны духами — ясно, что

они товарищи, давшие друг другу клятву, и тогда сердце вырвалось бы у этого великана и победа Аондо была бы обеспечена.

Если бы Вобеку не выбросил духового ружья, Добанту направил бы смерть, терзающую сейчас тело Эмвайи, назад на него! Он бы лежал и умирал как от укуса кобры, зная — если что-нибудь мог бы соображать, — что при его последнем вздохе все племя возрадуется и будет пить пиво, и больше всех Эмвайя!

Он все-таки споткнулся от страха и ярости и чуть было не растянулся во весь рост на скользкой от дождя земле. Эта незадача, однако, была его спасением.

Из того места, где было спрятано каноэ, выскочили двое мальчиков, держа копья наготове. Они лишь недавно стали достаточно взрослыми, чтобы охранять стада и носить малое копье, мальчишки-бедуи, как называли их Ичирибу.

Для воина, такого как Вобеку, было табу убивать их, даже драться с ними. Вобеку сегодня еще не нарушил ни одного табу, поскольку Валерия не принадлежит ни к какому клану, если вообще она не ведьма. Ему также не хотелось начинать нарушать табу сейчас. Еще более страшное, чем быть отданным женщинам, случится с ним, если он убьет этих мальчиков, и большая часть из этого произойдет с ним после смерти.

Вобеку пополз с искусством охотника, используя кусты как прикрытие, а также чтобы немного укрыть себя от все еще льющего дождя. Гром и дождь заглушали все звуки, производимые Вобеку.

Ближе к каноэ он заметил, что судно в порядке, хотя и наполнено дождевой водой. Рядом с ним на берег было вытащено каноэ поменьше. Мальчиков, очевидно, застал ливень, и они подгребли к берегу, а увидев спрятанное каноэ, решили, что оно означает безопасное место для стоянки.

Храбрые мальчишки, раз отправились одни на озеро после наступления темноты, особенно в такую ночь, когда на холме проходит поединок на барабане. Этих напугать нелегко. Есть ли у него что-нибудь с собой?..

За спиной Вобеку затрещали кусты, будто со склона катился огромный камень. Вобеку оглянулся, чуть было не выкатился из-под куста и выругался вслух.

Со склона, спотыкаясь, неся Аондо, у которого из десятков порезов текла кровь. Он, должно быть, вслепую залетел в заросли терновников в какой-то момент бегства, ибо не только был весь окровавлен, но и почти голый. В одной окровавленной руке он держал копье, а за пояс, который был почти единственным его одеянием, была заткнута дубинка.

Бедуи повскакали на ноги, когда Аондо выбежал на открытое место. Мальчики подняли копья, а один из них смотал с пояса веревку с камнем.

— Дайте сюда каноэ, — сказал Аондо. По крайней мере, так подумал Вобеку, на слух это казалось больше похожим на звериный рык, чем на человеческий голос. Мальчики глядели на огромного мужчину, будто он в действительности не совсем человек и, следовательно, что-то, с чем им придется сразиться.

Это произошло очень быстро. Бедуи с веревкой и камнем начал раскручивать их над головой, в то время как его товарищ сделал шаг вперед. Он приставил свое легкое копье к груди Аондо, надеясь дать своему другу возможность хорошо размахнуться. Возможно, он надеялся также пробиться сквозь безумие Аондо и напomenить ему о табу.

Вначале Аондо ударил мальчика в лицо. Мальчик отлетел, будто его боднул бык. Хруст черепа, ударившегося о камень на берегу, был громче удара грома, или так показалось Вобеку.

Второй мальчик бросил веревку, но она лишь зацепилась за руку Аондо, а камень, не причинив вреда, отскочил от гигантской груди воина. Аондо перебросил копье в нестесненную веревкой руку и метнул его. Мальчик погиб, приколотый к дереву, пронзенный так же, как зубы змеи пронзают мышь.

Вобеку не дал Аондо времени наслаждаться победой или сокрушаться по поводу судьбы, какую он себе заслужил. Вобеку выскочил из укрытия, покрывая расстояние до берега гигантскими прыжками.

Хотя Аондо и был наполовину безумен, он все же почувствовал присутствие другого. Однако и сила и скорость оставили его. Он смог лишь вынуть дубинку и замахнуться, когда Вобеку метнул свое копье.

Оно пронзило Аондо живот, и огромный воин грузно засопел. Затем он схватился за древко и, казалось, понял, что это и где оно.

Вобеку тем временем достиг своего каноэ и перерубил лиану. Лиана распалась, он взял весло и ударил по воде, а Аондо издал крик, какой не предназначен для людских ушей, да и для ушей богов вряд ли. Затем воин прыгнул с берега прямо на корму каноэ Вобеку.

Каноэ разлетелось, будто ветка, по которой ударили топором. Аондо погрузился под воду, и вокруг него расплылась кровь и щепки. Вобеку пролетел по воздуху и упал головой вниз в воду в таком мелком месте, что чуть не вышиб мозги о камне на дне.

Аондо орал теперь от раны в животе. Затем он снова заорал, когда что-то большое, темное и длинное выскользнуло из ночи и схватило его за пояс. Он поднялся наполовину из воды, бешено

колотя руками то, что его держало; он даже вытащил из раны копье и ударил им.

Ничто не помогло. Брызги смешались с дождем, когда крокодил ударил хвостом, удаляясь от берега. Аондо удалялся вместе с ним. Какое-то мгновение его грудь и голова еще были над водой, потом только голова; затем Вобеку услышал захлебывающийся хрип и больше ничего не видел, кроме бурлящей пены.

Вобеку вышел, шатаясь, из воды, опустился на колени, и его стало рвать. Когда он смог держаться на ногах, то увидел лишь дождь и каноэ, принадлежавшее бедуи. Оно было мало даже для него и не выдержало бы Аондо. Но Аондо больше никогда не будет нужно каноэ.

Вобеку же нужно. Никто на острове, после того как тела мальчиков будут обнаружены и не найдут никаких следов Аондо, не будет сомневаться, что это Вобеку навлек на себя проклятие тремя смертями. На озере Вобеку не надо будет представлять себя на чей-либо суд, кроме как на суд богов. Они знают, что он невиновен, по крайней мере в крови мальчиков. Если только боги вообще что-нибудь знают, что было вопросом, ответ на который Вобеку не ожидал сегодня. Он осторожно сел в каноэ, взвесил в руке детское весло, отцепил лиану и с силой оттолкнулся от берега. Когда Вобеку смог включиться в постоянный ритм, берега уже не было видно из-за

дождя. Вобеку был наедине с озером, богами и страхом перед тем, что Чабано скажет о его сегодняшней работе.

В глиняном кувшине в углу хижины было хорошее пиво — почти столько же, сколько и утром, когда кувшин принесли. Горло Конана было сухо, как плоскогорье Иранистана, и он не сомневался, что горло Валерии в том же состоянии, но ни один из них, казалось, не был готов к любому напитку крепче воды.

Свежая голова хороша для боя, но стоит ли им бояться боя сегодня? Конан верил Сейганко, поклявшемуся клятвами, от которых нарушивший их тут же иссохнет, что ни киммерийцу, ни Валерии не причинят вреда, даже если Эмвайя умрет.

Конан не был сторонником молитв, но те немногие, что он помнил, он бормотал про себя, пытаясь напомнить богам, что кто-то нуждается в помощи. Валерия помолилась вслух всем признанным в ее родной Аквилонии богам и теперь принялась молиться богам Шема и Зингары.

Верила ли она или нет, она молилась так яростно, что даже боги не смогли бы разобрать. К тому же, заключил Конан, даже боги дважды подумают, прежде чем отказать в просьбе,

произнесенной человеком с таким выражением на лице.

За стеной раздался звук шагов, достаточно громкий, чтобы поспорить с шумом дождя. Военный отряд, все-таки пришедший за ними? Конан положил меч на колени, увидел, что Валерия сделала то же самое, и только тогда понял, что это лишь две пары ног. Просто дождь стал слабее.

— Войдите! — крикнул он. Голос звучал как у старика. Конан указал на кувшин с пивом и чашки, и Валерия наполняла чашки, когда тростниковый занавес на двери раздвинулся и вошли Сейганко и Мокосса.

Один взгляд, брошенный на их лица, сказал Конану об известии, которое они принесли. Киммериец вскочил, чувствуя себя так, что мог бы снова танцевать с Аондо, а затем гнаться за Вобеку до самого моря. Он схватил руки гостей с такой силой, что девушка взвизгнула и даже Сейганко с трудом сдержался, чтобы не поморщиться.

— Да, это правда. Эмвайя будет жить, поправится и будет моей невестой.

— Что с ее отцом? — спросила Валерия. — Ему я тоже обязана жизнью.

— Было бы неплохо, если бы Ичирибу несколько дней не понадобился Разговор с духами, — сухо проговорил Сейганко. — Эта

ночь закончилась не так, как мы думали сначала.

— Имеется в виду, что и я и Конан живы? — бросила Валерия. Конан положил руку ей на плечо, она сбросила руку.

Сейганко неподдельно смутился:

— Язык меня подводит, когда он больше всего нужен. Нет. Мы желали Конану победы. Но мы не желали такого беспорядка среди нашего народа.

На мгновение он оперся на копье как на посох.

— Аондо и Вобеку бежали. Во время побега они убили двух мальчиков-бедуи и взяли их каноэ. Мы должны найти нарушителей табу, иначе духи проклянут Ичирибу. Наши поля на острове и на большой земле будут бесплодны. Наши коровы не дадут молока. Рыба уйдет вниз по реке, где мы ее не достанем.

Он продолжал литанию, перечисляя напасти, пока Мокосса не схватила его грубо за руку.

— А, — произнес Сейганко, будто очнувшись. — Пока нарушившие табу не пойманы, не может быть праздника. Но боги простят нас, если мы предложим тебе и твоей женщине-оруженосцу друзей на эту ночь, а также и на любую другую по вашему желанию.

Конан сдержал смех: Сейганко был явно не в веселом настроении. Теперь Конан понял, поче-

му Мокосса прервала жалобы Сейганко... и кто, по ее мнению, должен был стать партнером Конана сегодняшней ночью.

Затем Конан уже не мог подавлять смех, потому что Сейганко глядел на Валерию так, будто то, что ему предстояло с ней делать, представляло собой неприятную обязанность, которую он должен исполнить на благо племени. К счастью, Сейганко был достаточно умен и присоединился к веселью, а не счел это обидой.

— Благодарю Ичирибу и не хочу оскорбить их прекрасных женщин, ни одну из них, — сказал Конан. — Но я и моя женщина-оруженосец связали друг друга клятвой, как я уже говорил. К тому же мы знаем привычки друг друга.

— Можем ли мы, по крайней мере, прислать еще пива? — Сейганко, казалось, почти умолял, глядя на Валерию.

— Как хотите, — ответил Конан. Он взглянул на занавес на двери, и через мгновение они с Валерией были одни. С Валерией, которая, пока он стоял к ней спиной, сняла набедренную повязку, бывшую ее единственной одеждой. Он не увидел ничего, чего бы не видел десятки раз до этого... но сейчас в первый раз это заставило его кровь петь.

Он сделал шаг вперед, Валерия подняла руку. Он схватил ее кисть, и Валерия положила другую руку ему на грудь.

— Ты должен это доказать, — сказала она, в то время как он притягивал ее все ближе.

— Что доказать?

— Что знаешь мои привычки.

Он рассмеялся и поцеловал ее, и на этот раз губы Валерии раскрылись.

— У нас вся ночь. Если я не разгадаю их сразу, во имя медного орудия Эрлика, я буду знать их к утру!

Он поднял ее, и она прижалась к его груди, а потом подставила лицо для поцелуев.

Глава 11

— Что-то клюнуло, — сказал Конан.

Валерия, сидевшая в корме, приподнялась и потянулась за трезубцем. На ней были набедренная повязка Ичирибу, бусы из зубов рыбы-льва и широкая шляпа, сделанная из листьев, пришитых лианой на тростниковую основу.

Конан сидел на корточках посередине лодки, потравляя леску через борт. На нем были кожаные повязки, чтобы защитить руки от жильной лески, набедренная повязка и кинжал. Мечи его и Валерии, а также ее лук лежали на дне каноэ, завернутые в рыбью кожу, обернутые промасленной шкурой, замотанные провощенной тканью.

Ни один из них не хотел оставлять свое оружие на берегу во время такой экспедиции, как сегодняшняя. Не хотели они также, чтобы оружие ржавело или подвергалось воздействию влаги. Вобеку мог быть не единственным предателем среди Ичирибу, и оставались еще воины, кото-

рые испытывали сомнение относительно двух пришельцев. Ближайший кузнец, который мог заменить или даже просто починить их клинки, был по крайней мере в месяце пути от Озера смерти.

Наконец рыба перестала рваться. Конан собрался с силами и начал подтягивать леску. Валерия ждала, приготовив трезубец, к которому была привязана веревка, свободно смотанная на корме и прикрепленная ко дну каноэ.

Рыба была сильной, но Конан не тратил времени на игру с ней. Он решил, что леска выдержит любое усилие, которое может приложить рыба, и живо тащил.

Вокруг каноэ разошлись волны, когда бьющаяся рыба достигла поверхности. Валерия ждала, когда появится достаточно большой участок чешуи, чтобы можно было попасть трезубцем. Движения ее рук заставляли кольхаться груди так соблазнительно, что Конан нашел бы такое зрелище приятным, будь у него на это время.

Неожиданно рыба прыгнула. Трезубец был столь же быстр, и вода вспенилась и покраснела, когда рыба перестала колотиться и затихла на расстоянии руки от борта. Валерия схватилась за хвост, Конан за голову, и они втащили рыбу в лодку, гриску, как называло эту рыбу

племя, — в треть длины каноэ и весом с новорожденного теленка.

Валерия поморщилась, когда гриску дернула и последний раз:

— Столько труда из-за этой? На вкус она как клей.

— Ичирибу она нравится, так что нам не обязательно ее есть. Кроме того, ты прекрасно знаешь, что чем больше рыбы мы принесем, тем меньше нас заподозрят.

— Я доверяю Ичирибу. Ты разве нет?

— Большинству из них — да: настолько, насколько я доверяю любым иноземцам, когда нахожусь один среди них. Чтобы были неприятности, не надо много врагов.

— В таком случае сделаем так, чтобы врагов стало еще меньше, Конан. Ты день и ночь вбиваешь мне в голову мысль о том, что мы должны воевать с Кваньи.

— Не каждую ночь, Валерия. Некоторые ночи мы проводим иначе.

Она фыркнула:

— Если я и снисхожу до того, что принимаю огромного невоспитанного киммерийца к себе в постель ночью, то ему, по крайней мере, не следует бросать мне это в лицо днем.

— А куда ты хочешь, чтобы я это бросил?

Валерия сделала вульгарный жест и дала еще более вульгарный ответ. Затем рассмеялась:

— Я не в ссоре с Ичирибу, и мы доберемся до моря быстрее, если подождем сезона дождей. Война с Кваньи — такой же приятный способ провести время, как и любой другой.

— Лучше многих. Если и половина того, что они говорят о Чабано, правда, то он намеревается создать империю. Это может столкнуть его с моими друзьями ближе к берегу, если его не остановить.

— Но они не мои друзья, — возразила Валерия, однако Конану протест показался слабым. Как и он, она всегда хорошенько думала, прежде чем отказываться от битвы, тем более когда есть долг, такой, какой был у Конана и у нее перед Ичирибу.

Более того...

— Я все думаю, — сказал он. — Если Добанпу согласится, мы можем обследовать туннели за пределами острова Ичирибу. Если они подходят к берегу Кваньи, мы сможем однажды ночью залезть в спальню к Чабано.

— А как с Золотыми Змеями?

— А что с ними? — спросил Конан, пожимая плечами. — С достаточным количеством воинов на нашей стороне Змеи не пройдут. Кроме того, чем больше Золотых Змей, тем больше огненных камней.

— Действительно. — На мгновение голубые глаза Валерии приняли зеленоватый оттенок,

оттого что ее пиратская душа согревалась мыслью о такой добыче.

Гейрус, Первый Говорящий, принял позу размышления. Из уважения Райку сделал то же самое. Он сомневался, что его действия обманут Первого Говорящего, но они могут оттянуть открытый разрыв.

Если Первый Говорящий действительно намеревается спуститься с Горы Грома, чтобы встретиться с Чабано, это ему, Райку, на руку. Присутствие воинов Кваньи, прибавленное к его новым знаниям, защитит Райку от всего, что Гейрус может предпринять против него.

Оба оставались в позе размышления так долго, что Райку уже начал страдать от нетерпения и оттого, что затекли конечности. Первый Говорящий сдержал свое обещание, передав Райку большую часть знаний Говорящего. Остальное Райку сумел разузнать самостоятельно, в том числе выведав несколько определенных приемов, в которые не посвящались даже Говорящие.

Это сказалось, однако, на его теле. Он часто обходился без сна, терпел жажду, голод, большую и малую боль и испытывал свое тело до крайних, по его мнению, пределов, до того как начал делать последние шаги в восхождении к искусству Говорящих. Теперь он понимал, что

был лишь мальчишкой, считавшим себя мужчиной.

Казалось, луна успела исчезнуть, сделаться полной и снова стать месяцем, когда Первый Говорящий вышел наконец из транса. Когда Райку увидел глаза Гейруса, он решил, что это даже хорошо, что размышление длилось так долго, и было бы лучше, продлись оно еще.

— Райку, я не удовлетворен тем, что ты так мало собрал у Чабано сведений об Ичирибу.

— Я так же усердно узнавал, что знают Кваньи, как и изучал искусство Говорящих. Ты хвалил мое усердие во втором. Я не прошу похвалы в первом, если мои старания не оправдали твоих ожиданий, но я клянусь...

— Не бросай пустых клятв в Пещере Живого ветра, — резко прервал его Гейрус.

Это значило требовать от Райку того, что другие Говорящие едва ли требовали от себя. Не хочет ли Гейрус нагнать на него страху, запугав таким детским приемом? Или Первый Говорящий знает о Живом ветре что-то, о чем не рассказал Райку?

От этой второй мысли воздух в пещере показался еще более холодным, чем обычно. Это также заставило Райку рыться в своей памяти и своих знаниях, чтобы попытаться отыскать ответ на этот вопрос. Он понимал — так же точно, как понимал, что жив, — что Гейрус не

расскажет ему по своей воле, если вообще расскажет.

— Если я не могу воспользоваться клятвами, могу ли я воспользоваться умом?

— Язык твой стал острым, Райку.

— Думаю, ум мой не стал тупее. Я прошу права пойти с тобой, когда ты отправишься на встречу с Чабано. Полагаю, со мной он может говорить более свободно, чем с тобой, если ему дать такую возможность, при условии, что его воины ничего об этом не узнают.

— Они все еще боятся Посвященных богу?

— Да.

— И правильно делают, — сказал Гейрус, поднимаясь на ноги. Как всегда, он оказывался выше, чем можно было ожидать, принимая во внимание его годы. — Очень хорошо. Если Чабано вздумает вместо свежей рыбы всучить тухлую, его надо будет научить шевелить мозгами.

Гейрус удалился, не повелев Райку следовать за ним. Безмолвный брат вернулся в позу размышления, но мысли его были в другом месте.

Неужели оказалось, что Чабано знает о делах Ичирибу меньше, чем ожидал разузнать? Это казалось маловероятным. Без сомнения, у него есть шпионы и на пастбищах, и на полях, даже на самом острове. Возможно, эти шпионы стали жертвами Ичирибу или просто не смогли переправить донесения своему хозяину.

Неплохо будет узнать об этом. Гейрус не будет вечно сдерживать свой гнев, когда поймет, что заключил дурацкую сделку. Если Райку узнает правду раньше него, он может по крайней мере бежать к Кваньи, предложив молчание в обмен на защиту.

Райку сомневался, что Гейрус бросит вызов самому Чабано из-за одного беглеца. Гейрус стар, и рассудок его поврежден потерей той жалкой девки, но он далеко не дурак.

Это означает, что Райку следует пойти на встречу, будучи готовым воспользоваться искусством Говорящего так, чтобы, какой бы стороне он ни оказал помощь, у той была бы причина быть ему благодарной.

В светильнике горела смесь сала и рыбьего жира, в которую были крошены травы. Валерии казалось, что она нюхала выгребные ямы и послаще, но Сейганко и Эмвайя явно вдыхали аромат с жадностью. Конан был к нему безразличен, так же как и к любому другому неудобству, большому или малому.

Валерия удивлялась, что человек может воспитать в себе такое терпение. Хотя ведь Конан прошел жестокую школу жизни, где выживают либо гибнут. Еще когда он был свободным юношей в своей родной Киммерии, ее каменистые

поля и снежные зимы, должно быть, начали эти уроки.

— Валерия и я передадим воинам Ичирибу любое знание о нашем воинском искусстве, которое они пожелают получить, чтобы подготовить себя к встрече с Кваньи на суше, — сказал Конан. — Вы видели также, насколько Валерия владеет искусством боя с лодок.

— Видели, — произнес Сейганко. — Ты сказал «пожелают получить», а не «надо получить»?

— У меня довольно большой военный опыт, приобретенный мною в том числе и в Черных королевствах, — ответил Конан. — Я завоевывал Амбура не сидя на золотом троне и лаская наложниц.

— Без сомнения, это не понравилось твоим наложницам, — сказала Эмвайя. Валерия уже достаточно понимала язык Ичирибу, чтобы улыбнуться молодой женщине. Эмвайя иногда казалась такой молодой, что могла быть Валерии дочерью, а иногда проявляла такую мудрость, что вполне могла быть Валерии бабушкой.

— Кваньи там, а я тут, — сказал Конан. — И, находясь здесь, я не стану оскорблять гостеприимных хозяев, утверждая, что они дети в военных вопросах. Чабано не сделал Кваньи непобедимыми. Но есть множество военных приемов, которым я могу обучить и которые сохранят Ичирибу много воинов, когда мы встретим Кваньи в бою.

Сейганко кивнул:

— Я уверен в этом. Конан, я объявлю, что ты говоришь моим голосом, обучая военным приемам. Я прошу взамен лишь об одной услуге.

— О какой?

— Оставь мысль идти по туннелям вдали от данного богами света — в окружении неизвестно какого злого колдовства, — чтобы напасть на Кваньи.

Эмвайя повернулась и внимательно посмотрела на своего жениха.

Затем она заговорила резко, произнося слова, которые Валерия не поняла, но смысл которых она, как женщина, почувствовала. Речь Сейганко была для Эмвайи неожиданной, и она была недовольна этим даже больше, чем самим предложением.

Эмвайя некоторое время изливала поток слов. Валерии показалось, что Конан еле сдерживает смех из-за того, что Сейганко готов провалиться на месте, и из-за того, что Эмвайя за шемитскую медяшку вполне может ударом снести голову с плеч своего жениха.

Но ни Конан, ни Валерия не предложили Эмвайе никаких монет, так что Сейганко, оставаясь невредимым, дождался, пока женщина не выдохлась. Валерия чувствовала неловкость до тех пор, пока Эмвайя наконец не повалилась со слезами, текущими по щекам, на руки

Сейганко. Без сомнения, ее гнев подействовал на саму Эмвайю больше, чем на Сейганко: яд уже вышел из тела, но силы она еще не восстановила.

— Конан, — сказал Сейганко. Казалось, ему требовалось полночи, чтобы найти следующее слово. — Кажется, Эмвайя в отношении туннелей согласна с тобой.

Киммериец продолжал изображать из себя храмового идола. Решив, что для этого у него есть веские причины, Валерия попыталась сделать то же самое.

— Эмвайя и я передадим разговор ее отцу, — продолжал военный вождь. — Согласитесь ли вы с его решением?

Конан кивнул:

— Я не имею желаний оскорбить тебя, Эмвайя, но, вероятно, твой отец обладает бóльшим знанием, чем успел передать тебе.

Он посмотрел на Эмвайю, и Валерия заметила, что женщина Ичирибу пытается выдержать взгляд этих голубых, как лед, глаз и что это ей совсем не удается.

— Полагаю, нам не нужно ждать, чтобы я приступил к обучению воинов? — заключил киммериец.

Сейганко понял, что имеет в виду Конан, — ему придется взять всю ответственность за воинов Ичирибу на себя, если он еще хоть раз

возразит Конану. Валерия пересела так, чтобы быть поближе к Конану и оставаться лицом к Сейганко.

Воин Ичирибу, не будучи дураком, мог узнать битву, которую он проиграл, еще не вступив в нее.

— Любые клятвы, какие нужны тебе, я дам, Конан, подтверждая, что ты можешь даже учить воинов Ичирибу ходить на головах и метать копья ногами!

— Это будет не так уж плохо, если от этого воины Кваньи так расхохочутся, что воины Ичирибу смогут распороть им животы, пока те смеются, — сказал Конан. — Приходи завтра на рассвете и расскажи все, что знаешь о том, как дерутся Кваньи. Тогда я более точно буду знать, чему в первую очередь следует научить Ичирибу.

— Мы можем начать сегодня... — начал с готовностью Сейганко, но Эмвайя прикрыла ему рот двумя пальцами — ритуальным жестом, требующим молчания. Она улыбнулась и положила другую руку ему на колено.

— Начнем завтра, когда все мы отдохнем, — сказал Конан, и предложение его прозвучало для пришедших как команда.

Когда занавески сомкнулись за ними, он так расхохотался, что штора заколыхалась будто от порыва ветра.

— Вот женщина, с которой долго не спали и которая не позволит это отложить из-за разговоров о войне.

— А здесь еще одна, — сказала Валерия, беря Конана под руку. — Что значит «давно не спали»? Ты меня обижаешь, или это какая-то другая женщина прошлой ночью обвивалась вокруг тебя, как лиана?

— Тебе, как и всем, хорошо известно, что одна ночь как один обед. Неважно, женщина или мужчина, надолго этого не хватает.

Конан повернулся к ней, и Валерия встала, чтобы он мог развязать ее набедренную повязку, и обняла его.

Это не продлится долго, она понимала. Ни один из них не мог долго терпеть связи, в которой не было ясно, кто ведет, а кто идет следом. Но пока она могла идти следом за ним с удовольствием — и не только до спальни циновки.

Вобеку удивился, что факелы не привлекают тучи кусачих насекомых, ползающих или летающих. Это не из-за самих факелов. Судя по виду и запаху, они такие же, как и любые другие.

Посвященные богу — Говорящие с Живым ветром, как они себя называли, — должно быть, применили колдовство. И довольно сильное кол-

довство, если подумать, сколько насекомых из джунглей притягивает один факел. Это одно из отличий между большой землей и островом, и Вобеку придется это терпеть, пока победа Чабано не вернет его снова домой.

«Лучше пусть жрут насекомые, чем быть убитым», — сказал он себе, затем придал лицу выражение, подходящее для встречи с Говорящими с духами или кем бы ни были эти Посвященные богу. Как беглец, скрывающийся среди Кваньи, он едва ли имел право задавать такие вопросы: ему придется долго ждать ответов.

По крайней мере, гнев Чабано явился и исчез быстро, и когда гнев прошел, Вобеку не лежал мертвым на полу хижины Верховного Вождя. То, что Аондо оказался дураком и что Вобеку не нарушил табу, несомненно повлияло. Еще больше повлияло то, что в последнее время Чабано убивает меньше людей с ходу, даже во время своих знаменитых приступов ярости.

Сейчас Вобеку стоял среди двенадцати воинов, окружавших Чабано, и все тринадцать пар глаз были устремлены на освещенную факелами тропу, по которой приближались шестеро. На подошедших было церемониальное одеяние Посвященных богу, состоящее из длинных балахонов и головных украшений из пунцовых и сапфировых перьев, набедренных повязок из тисненой кожи, украшенной позолотой, серебряных

браслетов и жезлов, каждый из которых стоил хорошего стада скота.

Один из Посвященных богу имел менее роскошное одеяние Безмолвного брата, но он нес щит Первого Говорящего — из бычьей кожи с узором из Золотых Змей, восемь из которых образовывали рисунок, на который не следует долго смотреть. А тот, кто смотрел, начинал думать, что змеи живые или что по крайней мере их глаза светятся зеленым.

Пятеро сопровождающих Первого Говорящего разделились, трое из них стали по одну его сторону, двое по другую. Первый Говорящий же направился к Чабано. Он, казалось, не боялся находиться вблизи стольких копий, хотя, вероятно, уверенность ему давала колдовство.

Что представляет собой Живой ветер, даже Кваньи не хотели спрашивать, чтобы не получить ответа, могущего вселить страх. Что Живой ветер делал Посвященных богу могущественными, знали все так хорошо, что спрашивать об этом не было необходимости.

Вобеку последовал примеру Чабано и его воинов, ударив копьём о щит, отдавая честь. Первый Говорящий ответил на приветствие, вогнав конец своего посоха глубоко в землю, во время чего Вобеку почувствовал, будто почва под ним сделалась раскаленной докрасна.

Снова Вобеку последовал примеру стоящих вокруг него: ни один из них даже не поморщился. Однако он заметил, что Чабано стал более осторожен и Первый Говорящий не улыбается, — казалось, он недоволен и, более того, готов дать почувствовать свое колдовство.

— Приветствую, Гейрус, Первый Говорящий с Живым ветром! — произнес Чабано, кладя копьё и щит на землю. Какое-то мгновение Вобеку казалось, что вождь собирается упасть, распростершись, но тот даже не опустил на колени. Он выпрямился в полный рост и скрестил руки на груди.

— Приветствую, Чабано, — ответил Гейрус ледяным тоном, едва ли громче шепота.

— Первый Говорящий, — сказал резко Чабано, — ты вызвал меня. Я пришел. Ты, кажется, разгневан. Что стало причиной твоего гнева?

— Ты солгал мне, — ответил Гейрус.

Вобеку был не единственным, кто затаил дыхание. Любой обычный человек, назвавший Чабано лжецом, немедленно распрощался бы с жизнью и был бы счастлив умереть на месте, а не мучиться, сидя на колу или еще хуже.

— Если и так, то сделал это с достаточным основанием, — бросил в ответ Чабано.

Это показалось Гейрусу столь же серьезным оскорблением. Жезлы поднялись, а лица под головными украшениями сделались слишком

похожими на маски драконов, чтобы это могло понравиться Вобеку. Раньше ему было интересно, что победит в соревновании между быстро брошенным копьем и быстро брошенным заклинанием. Он не ожидал получить ответ, сам участвуя в этой битве.

Гейрус явно боролся с желанием уничтожить Чабано на месте, — и победил.

— Да? Достоин ли я узнать, какую причину ты считаешь достаточной, чтобы лгать Говорящим с Живым ветром?

— Да. В твоих пещерах на Горе Грома есть те, чьи глаза и уши служат нашим врагам. Было бы лучше найти способ говорить друг другу правду, не будучи ими услышанными.

Вобеку это казалось совершенно разумным. Гейрусу, однако, сказанное показалось оскорблением, какое почти невозможно перенести. Вобеку сжал копьё так, что побелели пальцы, от страха перед тем, что он прочел на лице Первого Говорящего.

Однако губы старика не произнесли ни слова. По крайней мере до того, как гнев перестал исказить его лицо. Плечи его опустились тогда, и он будто постарел на десяток лет.

— А своему народу ты доверяешь? — спросил Гейрус тоном, каким спрашивают о цене козла.

— Да, — ответил Чабано. Можно было видеть, как он выпятил грудь, гордый верностью Кваньи.

— В таком случае пойдем в ближайшую деревню и там поговорим. И если была сказана ложь...

— Молчать! — взревел Чабано. Гейрус не оскорбился: он понял, как и Вобеку, что этот приказ был адресован не ему — он был направлен воинам вокруг Чабано. Некоторые из них были из «ближайшей деревни», и их лица ясно говорили, что жителям не хочется принимать у себя Посвященных богу.

Власть Чабано, кажется, была не без пределов.

— Великий Вождь... — начал один из воинов.

Чабано повернулся и ударил его открытой ладонью по лицу. Затем, выхватив копьё из рук воина, сломал его о колено и указал рукой на землю. Воин бросил свой щит на траву и распростерся на нем.

Чабано не поднял оружия. Вместо этого он несколько раз с силой ударил воина по спине. С каждым разом с хрипом выходил воздух, и Вобеку видел, как воин прикусил губу так, что пошла кровь.

— Будь благодарен моей милости, — сказал Чабано. — На войне ты снова будешь нести копьё, но до тех пор не попадайся мне на глаза.

Воин поднялся без помощи, поскольку товарищи отшатнулись от него, будто он заражен оспой. Согнувшись и спотыкаясь, словно больной

или старик, он поплелся по тропе и скрылся из виду.

Вобеку смотрел ему вслед. Инстинкт говорил ему, что столкновение еще не кончилось и что все дело по-прежнему в желании Гейруса. Вобеку не осмеливался слишком внимательно глядеть на Первого Говорящего, но он пытался следить за его взглядом, когда тот переходил от одного воина к другому. Если Гейрус поднимет посох или взгляд его задержится на одном воине дольше, чем на остальных...

Ни посох, ни глаза ничего не сказали Вобеку. Но тем не менее ему повезло. Он стоял далеко слева от Чабано, так что видел воинов за спиной вождя, не проявляя того, что смотрит на них. Воинов было трое, и сейчас один из них дышал неестественно медленно. Глаза воина, казалось, сделались пунцово-сапфировыми, копье его поднималось в положении для броска, будто увлекая руку следом.

Вдруг неожиданно копье прыгнуло. Воин прыгнул вместе с ним, или, скорее, его мертвая хватка, с какой он держал оружие, увлекла его так, что ноги воина не касались земли.

Те, кто видел это представление, онемели от удивления или, вероятно, от колдовства. Все, кроме Вобеку.

— Вождь! Сзади! — крикнул он. Предупреждение сработало. Чабано развернулся, одновременно поднимая щит и нанося удар копьем.

Копье вождя проткнуло лишь воздух. Вобеку, у которого было больше времени прицелиться, попал. Его копье вонзилось в бок воина, в грудную клетку. Воин качнулся, повернулся к Вобеку и, казалось, готов был рассмеяться, видя, как пятится воин Ичирибу.

Вобеку не мог не пятиться. Глаза у того воина казались теперь озерцами пунцово-сапфирового огня, и тонкий туман тех же оттенков вился вокруг его рук и оружия. Затем пунцовый цвет колдовства Посвященных богу уступил место алому цвету крови, льющейся из бока и рта воина. Он захлебнулся, качнулся опять и упал с копьем, все еще торчащим из бока.

Вобеку понимал, что у этого воина скоро появится компания: Чабано и сопровождающие его. И что Чабано не будет пытаться спастись от судьбы бегством. Это бесполезно: Гейрус возьмет его жизнь, неважно, куда он бежит.

Вобеку тоже пришлось однажды бежать, и у него не было желания делать это снова.

Ему так хотелось умереть смертью воина, что он даже не заметил, как Чабано сделал шаг вперед, вероятно с той же мыслью. Копье вождя было поднято, и мышцы правой руки напряглись, когда он собирался метнуть копье в горло Гейруса.

Вобеку видел, как Первый Говорящий поднял двумя руками посох и выставил его перед собой.

Он видел, как копье Чабано остановилось, будто встретилось со скалой. Он видел также, как железный наконечник начал дымиться, и холод охватил сердце и внутренности Вобеку, когда он увидел, что дым пунцово-синий.

Затем он увидел, как Безмолвный брат вышел вперед, размахнулся своим посохом, как женщины размахивают пестом, и ударил по посоху Первого Говорящего.

Вобеку в следующее мгновение понял, что за Гейрусом пришла смерть. Пламя вырвалось из посоха Первого Говорящего и охватило его, словно тело его было снопом соломы. Пламя было разноцветным, без дыма, но не без жара.

Листья вокруг Первого Говорящего сделались коричневыми и загорелись бы, не будь они мокрыми от дождя. Обычный дым поднялся от земли джунглей, там, где жар опалил подстилку из мертвых листьев и лиан. Почему-то цвет дыма примирил Вобеку с надвигающейся смертью. Он не погибнет в месте, покинутом богами.

Затем наступило мгновение, когда Вобеку начал думать, что он может и не погибнуть. Чабано отшатнулся назад, выронив копье с оплавленным наконечником, но невредимый. Он споткнулся о жертву Вобеку и чуть не упал, но двое воинов поддержали его.

Трое других, Вобеку среди них, увидели, что пламя окутывает два посоха и Первого Говоря-

щего, но не Безмолвного брата. Они также видели, что это не нравится другим Говорящим. Действительно, те глядели своими бледными глазами на разыгрывающееся представление, будто все это происходит вопреки всему, по их понятиям, возможному.

Так, скорее всего, и было. Вобеку выхватил копье у воина, замершего от ужаса, размахнулся и метнул его.

На этот раз он попал своей жертве, Говорящему справа от Гейруса, в горло. Говорящий выронил посох, упал на колени, схватился за горло и торчащее в нем копье и затем согнулся вперед так, что головное украшение свалилось. Вслед за ним упал и Говорящий, перекатился на бок и судорожно задергал ногами.

Быстрота Вобеку, казалось, вернула к жизни остальных воинов, — это и несколько резких слов, сказанных Чабано тоном, дающим понять, что непослушание означает смерть. За считанные мгновения оставшиеся Говорящие были окружены воинами, которые приставили им копья к горлу или к животу. Воины не позволили им сдвинуться с места, пока Первый Говорящий не сделался кучкой пепла среди травы джунглей.

Безмолвный брат взял жезлы у оставшихся Говорящих, которые не оказали сопротивления, и заговорил с ними на языке, не знакомом Вобеку. Он лишь чувствовал в его звучании такую

древность, что трудно было вообразить. В языке этом были отзвуки времен до Атлантиды, времен еще до того, как боги решили, что не звери, а человек должен править миром.

Сделав это, Безмолвный брат развернулся и стал перед Чабано на колени. Вобеку показалось, что он распростерся бы, не означай это, что нужно положить охапку жезлов и отвести взгляд от Говорящих. Перебежчик Ичирибу в первый раз обратил внимание на то, что глаза Безмолвного брата имеют бледный оттенок, как у Говорящего.

Чабано перевел взгляд с Вобеку на Безмолвного брата и кивнул. Проявить почтение перед вождем, конечно, нужно, однако держать Говорящих в страхе, неважно перед чем, сейчас еще важнее.

— Я Райку, — сказал Безмолвный брат.

Вобеку начал понимать. Имя это он уже слышал, но не знал, что оно означает. Он слышал слухи и о том, что у Чабано есть шпион на Горе Грома, хотя об этом говорили лишь шепотом. Райку и шпион, очевидно, одно и то же лицо.

— Приветствую Райку, друга Кваньи, — сказал Вобеку. Это казалось наименее глупым из всего, что он мог сказать.

— Ты не Кваньи, — ответил Райку. — Не ты ли глаза и уши Чабано среди Ичирибу?

— Прежде чем я отвечу на этот вопрос, — произнес Чабано с опасной мягкостью, — ты должен сам дать мне ответ.

— Спрашивай, мой вождь.

Чабано, казалось, воспринял слова буквально и не обратил внимания на тон Райку.

— Что ты сказал своим товарищам?

— Я сказал, что, если они не поклянутся повиноваться мне во всех вопросах, касающихся помощи Кваньи, я позволю твоим воинам убить их на месте.

— И они поклялись? — Чабано дал знак рукой, и воины крепче сжали копья.

В чем бы Говорящие ни клялись, делали они это страстно и долго. Еще не прозвучала и половина клятвы, как Райку попросил воинов Кваньи опустить копья. Когда клятва была произнесена, Райку сказал резко какое-то слово, и Говорящие засеменяли по тропе так быстро, как только могли их нести старые ноги.

Чабано многозначительно посмотрел на своих воинов, и те удалились с такой же скоростью, но в противоположном направлении. Посвященный богу и шпион остались в джунглях одни.

— Благодарю вас обоих, — сказал Чабано. — Благодарность вождя стоит многого, и она будет стоять больше, чем дольше я буду править. — Он бросил резкий взгляд на Вобеку: — Однако, если бы ты некоторое время

назад был так же быстр, как сегодня, ты не был бы здесь.

Райку попросил, чтобы ему все объяснили, и Чабано согласился с просьбой, проявив мягкость, удивившую беглого воина, хотя ведь Верховный Вождь ниже рангом, чем Посвященный богу, который, кажется, произвел себя в Говорящие по своей воле.

Или стать Посвященным богу проще, чем внушали племенам? Это было бы радостной мыслью, захоти Вобеку следовать по стопам Райку.

Поскольку его стремлением было занять высокое положение среди Кваньи, когда те будут править всей этой землей, он не обрадовался. Неумелые Посвященные богу будут мало полезны Кваньи против Добанпу. Искусство Добанпу — не сказки, и месть, какую он обрушит на Вобеку, будет страшной!

Глава 12

Ичирибу и Кваньи не спешили искать битвы. Причиной этому были не только вновь приобретенные обоими племенами союзники, хотя и это играло роль.

Вобеку заметил, что хотя воины и сторонились его, мало кто в нем сомневался. Он ведь все-таки спас Чабано, Верховного Вождя, за которым следуют уже двенадцать лет. Даже те, кто следовал за Чабано больше из страха, чем из любви, понимали, что без него Кваньи обречены. Перед человеком, спасшим вождя, племя находится в большом долгу.

К Райку тоже относились с некоторой благодарностью, но в то же время и с немалым страхом. Он тоже спас Чабано и, более того, сверг самого великого из Посвященных богу. Сделав так, он стал еще более великим Посвященным богу.

Райку радовался, что ему не нужно было появляться среди воинов чаще, чем Чабано

вызывал его. Девять дней из десяти он оставался в уединении на Горе Грома, наводя порядок среди Говорящих, Безмолвных братьев, слуг и рабов настолько, насколько позволяли ему власть и время. Если бы он приходил в деревню слишком часто, кто-нибудь мог угостить его так же, как Вобеку угостил одного из Говорящих, что избавило бы Кваньи от будущих неприятностей, но они были лишь племенем храбрых воинов, а не ясновидцами или предсказателями.

Конану было трудно с Ичирибу, несмотря на то что большинство из них считало его любимцем богов, хоть и не прямо посланным ими.

Кваньи сделались непобедимыми на суше с тех пор, как Чабано обучил их драться фалангой, с высоким щитом и большим копьем, которым можно колоть и которое можно метать. Нельзя было ожидать, что Ичирибу быстро овладеют этим искусством, даже если их будет обучать сам киммериец.

Так что Конан занялся тем, что начал учить воинов Ичирибу использовать их старое оружие по-новому. У них было достаточное число лучников и пращников, которые могли беспокоить и изматывать фаланги Кваньи. Их рыболовные трезубцы тоже могли бы противостоять копьям

Кваньи, если каждого воина Кваньи будут встречать двое Ичирибу.

Валерия учила, как вести бой на каноэ, с большим искусством, чем прежде. То, что она не знала о лодках, вероятно, вообще не дано знать людям. Даже наиболее бывалые рыбаки Ичирибу скоро вслух заговорили о том, что женщина Конана стоит почти столько же, сколько и сам киммериец.

— Мы должны стать муравьями, а Кваньи — боровом, — говорил Конан столько раз, что Сейганко надоело это слышать, хотя он понимал, что это правда. — Из них получится больший боров, чем из нас. Сражайтесь с ними клык к клыку, и мы обречены. Укусите их сотню раз, и обречены окажутся они.

Способности, какие проявляли Ичирибу в учении, радовали сердце Конана. Он был бы еще более уверен, если бы вопрос о том, идти ли тушнелями, не висел в воздухе.

Добанпу согласился, что, если духи позволят, это окажется хитрым и смертоносным приемом, когда воины выскочат из-под земли. Он не сказал больше ничего, кроме того, что ждет знака от духов.

Он все тянул, и Конан терял терпение.

— Что, духи разучились говорить? — спросил он однажды утром Эмвайю. — Или твой отец?

— Если бы я и знала ответ, это бы нам не помогло, — ответила девушка. — Никто из людей не может принуждать духов, и моего отца тоже трудно заставить говорить против его воли.

— Если он будет молчать слишком долго, то получится, что он решит покончить со своим народом, — сказала резко Валерия. Оба гостя видели, что Эмвайя сама беспокоится из-за нежелания отца говорить. Никто не сомневался, что она говорит правду.

— Он тоже это знает, — сказала Эмвайя и удалилась с таким достоинством, какое только могла изобразить.

— Колдуны! — произнес Конан. Он проговорил это слово как особенно мерзкое ругательство. Затем киммериец посмотрел на небо: солнце сияло, хотя и через дымку, которая сулила дождь.

Сезон дождей приближался с каждым восходом, и Конан склонялся к мысли оставить племена Озера смерти самих решать свои проблемы, если Добанпу не заговорит до того, как ливни начнутся всерьез. Уровень воды в реке повысится, и дождь затруднит погоню.

— Если до полудня у тебя нет работы, давай возьмем каноэ и пойдем ловить рыбу, — предложила Валерия. — Лучше большое каноэ.

Конан рассмеялся. Большие каноэ, как обнаружил Конан и Валерия, несколько тяжеловаты

для двух гребцов, но зато они широки. Если на дно положить одну или две циновки, они становятся отличным местом для жарких занятий любовью.

Они подгребли к берегу Кваньи ближе, чем во время обычных рыбалок. Это не было идеей Конана и тем более Валерии. Мысль подала Эмвайя, которая появилась на берегу, когда они грузили в каноэ рыболовные снасти и циновки.

— Можно мне с вами?

Конан и Валерия нахмурились. Они бы с большей радостью побыли одни, но ни один из них не хотел обидеть дочь Добанпу и невесту Сейганко. Конан, однако, услышал в ее голосе не только желание развлечься в скучный день.

— Добро пожаловать, — сказала Валерия и послала мальчика-бедуи за циновкой и тыквой с водой.

Эмвайя оказалась сильным, хотя и не очень искусным гребцом, и каноэ быстро добралось до обычного места рыбной ловли. Когда Конан и Валерия стали грести медленнее, Эмвайя указала рукой на берег Кваньи:

— Не могли бы мы подойти ближе?

На этот раз Конан более чем нахмурился:

— Кваньи не такие уж сухопутные улитки. Если они заметят подозрительную лодку, болта-

ющуюся у берега, они найдут несколько каноэ, чтобы наполнить их воинами.

— Я лягу, чтобы меня никто не узнал.

— А мы? — спросила Валерия. — Или мы стали от солнца твоего цвета, что никто нас не отличит?

Пусть Эмвайя знает могущественные заклинания, и оскорбить ее — значит оскорбить того, кто владеет еще более могущественными заклинаниями. Но ни она, ни ее отец не разбирались, к сожалению Конана, в вопросах войны.

Они торговались, как потом говорила Валерия, как капитан и торговец из-за цены галерной оснастки. В конце концов они, выпив половину запаса воды, чтобы промочить охрипшие от крика глотки, согласились относительно того, куда следует идти каноэ. Это было ближе к берегу, чем того хотел Конан, дальше, чем желала Эмвайя, но это удовлетворяло желаниям обоих.

Кроме того, их не могли легко прижать к берегу каноэ, идущие с озера. А каноэ, идущие с берега, они могли вовремя заметить и оторваться, чему поможет наличие третьего гребца.

— Помни также, что я могу вызвать подмогу с суши, если преследователи подойдут слишком близко, — сказала Эмвайя. Она больше ничего не стала говорить, а Конан — спрашивать. Ему думалось, что иметь такого друга, как Добанпу,

опасно. Колдуны, он должен был признать, могут быть дружелюбными или по крайней мере безобидными, но таких Конан мог пересчитать по пальцам одной руки. Тех же, кто рано или поздно сделался смертным врагом, напротив, так много, что у всех сидящих в каноэ не хватило бы пальцев ни рук, ни ног, чтобы пересчитать их.

Они добрались до желаемого места. Конан, самый зоркий из троих, оглядел берег. Там не было признаков ни человеческого присутствия, ни другой животной жизни. Лишь песчаный мыс с бороздами там, где крокодилы не жились на солнце, говорил о том, что эти тихие воды могут скрывать опасность.

Конан и Валерия закинули лески и приготовили трезубцы. Эмвайя легла на свою циновку в носу лодки и будто уснула. Конану показалось, что дышит она не так размеренно, как обычно дышит спящий. То, как руки ее ладонями вниз и с растопыренными пальцами прижались к бортам каноэ, тоже указывало на беспокойное настроение.

Киммерийцу казалось, что она прислушивается, но к чему, он не знал. Помня, что туннели могут испещрять дно озера, тая лишь боги знают какое древнее колдовство, он предпочел не пытаться угадывать.

Солнце подобралось к зениту, затем начало садиться. Ни одна рыба не клонула. Действительно,

Конан не видел никаких признаков жизни в этой части озера. Это не было приятной мыслью, и он оставил ее при себе. Валерия, бывшая в более спокойном расположении духа, на самом деле уснула.

Неожиданно Эмвайя села, смахнув с лица кудрявые волосы и схватившись другой рукой за борт каноэ. Она стала дико озираться вокруг, затем, казалось, обнаружила что-то слева по борту. Конан посмотрел туда же, но ничего не увидел, кроме поверхности озера, не потревоженной ни дуновением ветерка, ни всплеском рыбы. Он все еще глядел туда, когда Эмвайя вскочила, сбросила набедренную повязку и кинулась через борт каноэ.

Рев Конана оглушил бы всю рыбу вокруг. Голос разбудил Валерию. Тут же придя в себя, она мгновенно схватилась за кинжал, затем взяла каменный якорь, выпутала из веревки и бросила его за борт.

— Вдвоем ее найти будет проще, Конан. Каноэ может и само о себе позаботиться.

Якорный трос быстро разматывался, но, когда вытравился весь, каноэ по-прежнему спокойно дрейфовало. Конан поглядел на воду, чувствуя там глубину, какую никогда не встречал. Глубину, в которую бросилась дочь Добанпу и куда они должны последовать за ней, если...

Голова Эмвайи показалась на поверхности. Девушка легко подплыла к лодке и наполовину приподнялась из воды, — мокрые волосы облепили шею и груди. Выражение лица, однако, заставляло забыть о ее красоте.

— Идите и посмотрите сами, — сказала она. — Но знайте, вам не понравится то, что найдете.

— Моя жизнь была всегда полна неприятных зрелищ, и она еще не кончилась, — ответил Конан. Он перекинул ноги через борт и придержал судно, когда Валерия ныряла.

— Не отплывайте далеко от меня, — приказала Эмвайя, когда Валерия вынырнула. — Я намереваюсь охранять вас от того, что лежит там внизу.

Конан не мог избавиться от чувства, что он предпочел бы быть уверенным не только в ее намерении. Но у Эмвайи было достоинство, редкое у колдунов: она не обещала чудес.

Конан набрал в легкие воздуха и нырнул, Эмвайя вслед за ним, и последней нырнула Валерия. Они погрузились на длину каноэ, когда Конан увидел то, что имела в виду Эмвайя.

Они будто плыли внутри огромного шара из хрустала. Вода была совершенно прозрачной, совершенно бесцветной до самого дна озера.

Дно находилось, решил Конан, на глубине, равной двойной высоте грот-мачты. Не удиви-

тельно, что якорь не достал до грунта. Действительно, киммериец видел, как якорь бесполезно болтается на тросе далеко от дна.

В прозрачной пустоте ничто не двигалось. Ничто не жило — ни мельчайшей рыбки, ни пятнышка водорослей, которые душили некоторые участки озера. Конан взглянул на дно.

Оно тоже было безжизненным, но не однообразным. Там, куда смотрел Конан, проходило то, что казалось глубокой траншеей. В эту траншею завалились каменные блоки, на которых были явно заметны следы обработки их человеком. Конан видел это даже с такой высоты. Ему показалось, что он заметил на камнях вырезанные извивающиеся изображения, какие он в большом количестве встречал в туннелях.

Столько успел он разглядеть, пока жжение в легких не заставило его подняться на воздух. Он поплыл наверх, и Эмвайя с Валерией последовали за ним.

Не успел Конан сделать и первого глубокого вдоха, как вынырнула и Валерия. Эмвайи нигде не было видно, и, наполнив свои легкие, Конан собрался уже снова нырнуть, чтобы найти ее.

— Валерия, если с Эмвайей что-нибудь случилось...

— Сейчас мы ей оба понадобится еще больше. И помни, я ей обязана жизнью.

— Довольно разумно. Думаю, еще больше необходимо, чтобы хоть один из нас добрался до берега и рассказал о случившемся.

У Валерии настроение, казалось, было не таким уж плохим, и она собиралась влезть в каноэ, когда Эмвайя вынырнула на поверхность. Она бешено размахивала руками, и дыхание вырывалось с судорожным хрипом из открытого рта. Конан и Валерия схватили ее за руки и поддерживали так, чтобы голова была видна над водой.

Паника оставляла Эмвайю по мере того, как легкие снова наполнялись воздухом. Она легла в воде на спину, доверившись друзьям, и дыхание постепенно восстановилось. Наконец она выскользнула из рук Валерии и Конана и забралась в каноэ.

— Что это, Эмвайя? — спросил Конан.

— Мой отец рассказал бы об этом лучше. Но... под дном озера один из этих туннелей.

— Он обрушился, и получилась та траншея?

— Да. Не... в туннеле... там дальше, где он обрушился, что-то есть.

— Затоленный туннель, могу поспорить.

Шутка эта, казалось, напугала Эмвайю.

— Не говори легкомысленно о таких делах, Конан. Я... мне кажется, что то, что там находится, — живое.

— Как это может быть? — спросила Валерия. Она наконец уловила смысл разговора. — Все остальное в воде, кажется, вымерло на тысячу шагов. Хуже того, выгнано.

— Да. То, что находится в туннеле... оно живет, поедая... это слово табу, но понятно будет, если я скажу «жизненную силу»?

— Жизненную силу всего того, что приближается? — Валерия, говоря это, держала руку на рукояти кинжала.

— Такие... существа... жили раньше. Мы, мой отец и я, думали, что они все вымерли.

— Кажется, одно не вымерло, — быстро проговорил Конан. Он взял весло. — Нам следует вернуться на остров и рассказать твоему отцу, если он уже и сам не почувствовал.

— Я должна еще раз нырнуть, чтобы узнать получше, что это может быть.

Валерия обхватила женщину Ичирибу:

— Ты едва выбралась на поверхность и после второго погружения. Нырни в третий раз, и не понадобится никакого древнего колдовского чудовища, чтобы съесть твою жизненную силу. Ты утонешь, а нам придется давать объяснения твоему отцу и Сейганко. Я предпочту сама сразиться с монстром.

Слова Валерии были неуклюжими, и акцент сильным, но Эмвайя поняла смысл речи.

— Пусть так и будет, — сказала молодая женщина. — Уйдем отсюда, пока оно нас не почувствовало.

Это была не самая большая из Золотых Змей, но она была самая последняя и самая старая. Она и еще одна пережили всех остальных сородичей, ибо колдовство в норах, которые нашли они под озером, изменило их.

Когда-то они питались плотью. Теперь же ели жизненную силу, которая одушевляет все живое и даже водные растения. Они могли вытягивать ее из существ, даже недостижимых для взора их зеленых глаз-камней, и ею питать свою силу.

Затем случилось так, что другая старая змея сделалась усталой, и ее собственная жизненная сила начала затухать. Последняя Золотая Змея не имела представления о милости или каких-нибудь других человеческих понятиях. Она понимала только то, что, если другой змее позволить умереть, ее жизненная сила не сможет напитать ту, что осталась жить.

Так что Золотые Змеи подрались, последняя змея убила свою подругу, и жизненная сила перешла к ней. Но битва привела в большой беспорядок колдовские заклятия, которые поддерживали туннели, подпирали и освещали их. Значительный участок туннеля обвалился. Од-

нако колдовство было еще достаточно сильно, так что вода не хлынула внутрь и не утопила последнюю из Золотых Змей.

Но туннель завалило, и выбраться оттуда означало прокапывать путь через завалы камней. Золотая Змея не была сообразительным существом, но понимала, что для такой задачи ей не хватит ни сил, ни крепости зубов. Так что она осталась там, вытягивала жизненную силу из существ в воде наверху и время от времени отыскивала проходы между упавших камней.

Она нашла одно место, где вполне можно было проделать проход. Но там не было следов ничего живого, что могло бы восполнить затраты сил.

Во всяком случае вначале. Затем настало время, когда Золотая Змея снова почувствовала жизненную силу в туннеле, — мощную силу, как у тех двуногих существ, что наложили древние заклятия на эти туннели. Сила эта еле чувствовалась, так что существа, должно быть, были далеко.

Но если жизнь снова пришла в подземелья, она не уйдет. Золотая Змея проковыряла завал так, чтобы легче было пробить преграду, когда по другую сторону появится стоящая добыча. Они подойдут к преграде, и тогда деваться им будет некуда. Но будет, однако, еще немного силы для Золотой Змеи. Силы, которой, возможно, хватит, чтобы вырваться из своего укрытия

и быть снова на свободе, в большом мире, а там жизненную силу можно брать всюду.

Могут даже вернуться дни, когда двуногие приносили живых существ Золотой Змее, чтобы она питалась их плотью. Иметь и живую плоть, и жизненную силу жертв, — если уместно применить слово «амбиция» в отношении существа без человеческого разума, то можно сказать, что этот хитрый замысел был величайшей амбицией Золотой Змеи.

Вытаскивая каноэ на берег, Конан обратил внимание, что вокруг ходит меньше людей, чем обычно. Он не нашел в этом ничего особенного, пока не заметил, что так обстоит дело на всем пути до деревни.

Когда он увидел, что почти полплемени собралось вокруг дыры, где раньше была плита очага, он понял: что-то случилось. Эмвайя потела и молчала всю дорогу от берега, но Конан объяснил это утомлением после ныряний. Сейчас он подозревал нечто худшее.

Он понял, что произошло, когда увидел, что женщины и дети грузят камни и землю в корзины, а воины фанды носят нагруженные корзины к краю деревни. Просить воина фанды, находящегося на посту, выполнять женскую работу означало бы смертельный поединок или по крайней

мере строгое порицание совета племени. Однако здесь присутствовали все, кто уже был достаточно взрослым или не совсем еще старым, чтобы стоять на ногах без помощи и раскапывать шахту, ведущую в туннель.

— Кажется, Добанпу заговорил, — сказала Валерия почти шепотом.

— Весьма вероятно, — согласился Конан. — Ты готова немного прогуляться по подземельям?

— Поохотиться за этим последним поедателем жизненной силы, о котором говорила Эмвайя? — Она была явно усталой и недовольной собой. — А, ладно. Я слышала в Кхитае есть пословица: «Будь осторожен в своих желаниях. Боги их могут удовлетворить». Кажется, мы слишком сильно желали, чтобы туннели открылись.

— Сделанного не переделать, — сказал Конан. Он расстегнул свой пояс и передал оружие Валерии. — Отнеси их в хижину. У меня есть некоторый опыт в таких работах, который может Ичирибу оказаться полезным.

Глава 13

Последние пятьдесят воинов исчезли в джунглях, как раз когда рассвет коснулся восточных склонов. Вобеку глядел им вслед, и лицо его было напряжено. Он сомневался, что ему удастся обмануть Чабано, и он действительно его не обманул.

— Так ты беспокоишься за жизнь людей твоего племени? — спросил вождь. Нотки насмешки слышались явственно. Но этого вождь и не скрывал.

— Кваньи теперь мое новое племя, — ответил Вобеку. — Или вождь племени сомневается в клятвах, данных ему в присутствии Райку Первого Говорящего?

— Нет.

Чабано сказать было нечего. Он мог сомневаться в Райку, что, конечно же, испытывал Вобеку. Выразить же это словами так, чтобы слышали другие, не было мудрым для вождя.

— Я доверяю воинам, которых ты посылаешь на пастбища и поля Ичирибу, — сказал

Вобеку. — Они выполняют задание и смутят противника. Ичирибу не могут ни потерять эти земли и не умереть с голоду, ни защитить их так, чтобы остались люди для защиты остального. Нет, меня огорчает то, что я не могу пойти с ними.

— Ты нужен здесь, Вобеку. — Невысказанным осталось то, что воины Кваньи еще не настолько доверяют Вобеку, чтобы он мог быть в безопасности вдали от вождя.

— Я несколько лет был мальчиком-бедуи на этих пастбищах, — настаивал Вобеку. — Затем я был в фанде, которая охраняла поля. Я знаю каждую хижину, каждую долину, каждый родник в этих землях. Если бы я пошел, даже как простой проводник, воины, посланные тобой, выполнили бы свою работу еще лучше. К тому же большинство из их числа выжило бы, чтобы хвалиться потом этим подвигом перед своими женщинами.

— Вобеку, когда мы победим, не хватит женщин, чтобы слушать, как мы хвалимся. И пива не хватит, чтобы нам промочить для этого горло.

Вобеку преклонил колена, поднялся, когда получил позволение удалиться, и ушел. Лишь убравшись с глаз вождя, он осмелился сделать охранительный жест.

Чабано может искушать богов. Это право вождя. Вобеку не вождь и очень сомневался, что когда-либо им будет, даже если Чабано покорит

все земли вплоть до Соленой воды. Он мечтал об этом, когда соглашался служить Чабано, но это были мечты более молодого человека.

Сейчас он прожил достаточно и узнал больше правды о мире. Вобеку будет вполне доволен окончить свою жизнь так, чтобы сыновья спели по нем погребальную песню, женщины омыли его тело и был бы скот и поля, чтобы устроить пир для друзей, когда дым погребального костра поднимется к богам.

Он решил, что в качестве первой награды после победы он попросит себе женщину Мокосу. Она не только приятна для глаз, но умна и здорова, сможет родить достойных сыновей.

Конан осматривал отряд, отправляющийся в туннель, когда прибежал мальчик-бедуи и сказал, что его вызывает к себе Сейганко. По лицу мальчика можно было прочесть, что киммерийцу нельзя терять ни мгновения.

Конан дал Валерии знак рукой, и она, положив сумки с припасами на щит, подбежала. Даже после почти бессонной ночи Конану было приятно любоваться грациозными и уверенными движениями ее гибкого тела. Ему еще более приятно было сознавать, что Валерия будет у него за спиной, когда они вновь погрузятся в наполненные колдовством коридоры под озером.

— Валерия, не можешь за меня закончить здесь работу? Посмотри, чтобы войны имели при себе все, что им приказано взять, были трезвыми, не поврежденными в рассудке и тому подобное.

— Я думаю, что только пьяница или сумашедший вызвался бы пойти в такой поход, — сказала она, криво улыбнувшись.

— Или люди, которые верят, что Добанпу говорит правду, — ответил Конан.

— Я удивлена, находя в их числе тебя, — прошептала Валерия.

Конан пожал плечами:

— Считаю меня лучше тем, кто пока не уличил Добанпу и его дочь во лжи. Но это ставит их далеко впереди почти перед всеми колдунами, каких мне довелось встречать. — Он похлопал ее по плечу: — Просто притворись, что разбираешься в этих делах.

— Так же, как ты на циновке?

— Женщина, не от моего ли притворства ты была все прошлую ночь, как волчица? Полдеревни слышали тебя, или, по крайней мере, мне так сказали.

Валерия издала звук, не то выругавшись, не то усмехнувшись, и отвернулась. Конан видел, как начали подергиваться ее голые плечи, когда ею овладел тихий смех. Затем он поспешил к Сейганко.

Он нашел военного вождя стоящим на четвереньках рядом с перевернутым каноэ и изучаю-

щим дно, будто там можно было прочесть тайны богов или победы над Кваньи.

Сейганко, казалось, мучали сомнения, когда он отвел Конана в сторону. Часть сомнений можно было объяснить тем бременем ответственности, которая ложится на вождя, ведущего столько же воинов на войну, исходом которой может быть гибель их и всего племени. Конан был не намного старше Сейганко, но он носил такое бремя довольно часто и знал, что оно не становится легче с годами.

Другая часть того, что вселяло в Сейганко неуверенность, проявилась быстрее.

— Мы видели воинов Кваньи в лесу на краю пастбищ. Нашли убитых коз, и по крайней мере один пастух исчез.

Конан кивнул. Это было более высокое искусство ведения войны, о котором ему было известно больше, чем он признавал, но меньше, чем ему хотелось бы. То, что он знал и в чем мог признаться, было, однако...

— Никогда не ведите войны, веря, что враг будет ждать, пока вы не свалитесь ему на голову, как ночной горшок из окна. Чабано старается отвлечь воинов от нападения на него.

— Ему это удастся, если только нам не придется оставить стада и посевы без защиты.

— Стада ведь могут ходить, правда?

— Да, но...

— Пошли достаточное количество воинов, чтобы охранять пастухов, пока они перегоняют стада на юг в горы у реки. Тогда Кваньи придется сделать двухнедельный переход по открытой местности, чтобы добраться до них. У вас есть лучники, а у них нет. Сколько, по твоему мнению, Кваньи доберутся до гор живыми?

— А... — Улыбка Сейганко была недолгой. — Но поля еще не убраны. Если их сожгут...

— И поджигателям позволят проделать свою работу и не перережут им глотки? — спросил Конан, изображая больше терпения, чем чувствовал на самом деле. Он надеялся, что бремя руководства не помутило рассудок Сейганко.

— Это тоже можно сделать, — сказал Сейганко. На этот раз улыбка его не исчезла. — Часть зерна мы действительно можем собрать и скормить скоту. Мы все равно съедим его в том или ином виде, а возможно, съедим еще и скот Кваньи.

Конан положил Сейганко руки на плечи, и оба поклялись, что каждый будет охранять женщин другого, если кто-нибудь из них не вернется с войны. Затем Конан вернулся к шахте еще быстрее, чем шел к Сейганко, и застал среди воинов, выстроившихся перед ямой, Эмвайю.

Конан закатил глаза к небу и пробормотал что-то, что вполне могло быть: «Женщины!» — и, нахмурившись, посмотрел на Валерию. Она

пожала плечами и сделала красноречивый жест, давая понять, что и с ней и с Эмвайей спорить бесполезно.

— Очень хорошо, — проворчал Конан. Он повернулся лицом к строю, в котором стояли сорок крепких воинов и Эмвайя.

— Я спущусь первым. Всюду, где я не проваляюсь и где смогу пролезть, будет достаточно места и вам. Аондо был единственным из вас крупнее меня, но сейчас он кормит собой крокодилов.

— Никогда не думал, что мне будет жаль крокодилов, — сказал один из воинов, — но животное наверняка уже сдохло.

Смех воинов было приятно слышать.

— Никому не спускаться, пока я не крикну, а лестницы и веревки не будут закреплены, — добавил Конан. — Если я замечу, что кто-нибудь вместо лестницы пользуется скрепляющей опалубкой, я сам помогу ему упасть. Тогда для каждого, кто поскользнется, будет внизу мягкая подушка!

Воины все еще смеялись, когда Конан обвязал вокруг пояса веревку и начал спускаться в темноту.

Вот оно появилось снова, то присутствие, обещающее Золотой Змее и плоть, и жизненную силу. Оно было, насколько могла судить змея, в

том же месте, что и раньше. Но оно оказалось сильнее, будто существо было больше.

Или, может быть, двуногих больше? Неужели они спускаются, чтобы предложить себя Золотой Змее и удовлетворить ее голод? Или, может быть, они охотятся на Золотую Змею?

У Змеи не было сознания, которое бы могло представить мысли такими словами. Но Змея знала, как отличить добычу от врага.

Она знала также, что, когда придет время нанести удар, даже те, кто пришел на охоту, обнаружат, что сами стали жертвой. Так было всегда, насколько она помнила, а воспоминания эти возвращались ко временам до того, как Змея жила в этих подземных норах.

Один из воинов, движимый инстинктами, отточенными в джунглях на охоте и на войне, начал собирать упавшие комья земли. Конан поднял руку, чтобы остановить его:

— Оставь так. Здесь нет Кваньи, которые могли бы выследить. Если что и живет здесь, то у него есть другие способы найти нас. Прибереги силы, чтобы вначале найти это нечто.

Колдовской свет по-прежнему освещал туннель. Однако он казался более тусклым. Возможно, просто из-за того, что свет внизу лестницы погас, когда разрушилось охрани-

тельное заклятие? Дальше в туннеле свет был таким же ярким и неестественным, как и всегда.

Конан и Валерия были единственными из отряда, кто сохранял внешнее спокойствие. Киммериец видел, как руки сжимают копыя, теребят амулеты либо постоянно находятся за спиной, чтобы делать охранительные жесты в надежде, что Голубоглазый вождь, как называли его, не заметит.

Конан очистил горло от грязи и пыли и стал перед воинами:

— Не скажу, что бояться здесь нечего. Это значило бы назвать вас глупцами, что было бы неправдой. Вы — храбрые воины Ичирибу, одного из храбрейших народов, какие я видел.

Читающий мысли легко уличил бы Конана во лжи, но единственным человеком среди них, читающим мысли, была Эмвайя, однако она промолчала.

— Смотрите под ноги. Держите язык за зубами и общайтесь жестами. Воду берегите и пищу расходуйте экономнее. Не отходите в стороны, даже если увидите в боковом туннеле целое королевство. Помните прежде всего о том, что неожиданное нападение удваивает силы. Мы застанем Кваньи врасплох тем, что появимся из такого места, о существовании которого они и не

подозревают. Только представьте себе, во сколько раз это увеличит наши силы!

Воины вообразили себе, и это показалось им приятным. Они все еще оглядывались назад и наверх, когда строились в колонну для марша, но они уже улыбались. Все, кроме Эмвайи.

Золотая Змея вонзила зубы в первый из камней на своем пути и начала оттащить его в сторону. Она пыталась сделать это тихо, зная, что почти все могущее служить добычей здесь, под землей, имеет острый слух.

Кроме двуногих, конечно. Их Змея помнила не так хорошо, как зверей, с которыми делила подземные коридоры не так давно. Она помнила, что двуногие почти слепы без света и почти глухи при всех обстоятельствах.

Если плоть и жизненная сила, которые она почувствовала, принадлежат двуногим, то все произойдет быстро. Камни можно передвинуть так, что, когда наступит нужное мгновение, Змея сможет броситься еще быстрее. И снова эти мысли Золотой Змеи не были облечены именно в такие слова, но человек, например такой, как Эмвайя, мог бы перевести их так.

Такой человек мог бы также определить, что работа Золотой Змеи возбуждает колдовскую силу под озером. Возбуждение расходилось вол-

нами, как от брошенного камня, по туннелям во всех направлениях, дошло даже до берегов Озера смерти.

Чабано возился с рабыней, когда вошел воин с донесением. Он намеревался закончить с женщиной, но затем увидел лицо воина. Это был испытанный воин, обладатель зуба леопарда, и то, что так повлияло на выражение его лица, не могло быть пустяком.

Чабано шлепнул женщину по заду:

— Иди отсюда, быстро.

Женщину парализовал страх: не удовлетворить Чабано означало для рабыни смерть, даже в последнее время.

— Пошла отсюда! — крикнул он и занес руку для менее нежного шлепка. — Не твоя вина, что боги послали плохие известия!

Женщина не знала, как ей поскорее убраться. Остались даже ее бусы и набедренная повязка. Чабано сел и мрачно посмотрел на воина. Тот, как и подобало воину его ранга, не дрогнул.

— В двух местах у берега треснула земля.

— Я не чувствовал землетрясения.

— Никто не чувствовал, мой вождь. Я послал за твоими старшими воинами...

— Вобеку?

— Нет.

— Послать за ним сейчас же! — Воин развернулся, чтобы бежать, одолеваемый наконец страхом. — Подожди! — приказал Чабано. — Какой ширины трещины?

— Одна вполне может быть естественной. Не глубже человеческого роста и не шире длины руки мальчика. Другая такая широкая, что может проглотить быка, и никто не смог увидеть дна. Однако...

Воин облизал губы. Чабано почувствовал непреодолимое желание ударить его, но понял, что от этого воин лишь еще больше перепугается.

— Если не могут видеть дна, что же они видят?

— Обработанный камень, вероятно... вероятно, ступени.

— Ступени, — отозвался Чабано. Он встал, надел набедренную повязку и указал на головное украшение. Воин подал его вождю, затем копье и боевую дубинку.

Снаряжаясь, Чабано думал. Существуют легенды о городах под озером или даже под джунглями... и существует сила Добанпу, которая, увы, не легенда. Однако если в легендах есть зерно правды, то колдовская сила этих древних городов делает силу Добанпу по сравнению с собой детской игрой.

Это, скорее всего, работа не Говорящего с духами. Но это пахнет колдовством, а в вопросах колдовства...

— Иди и вызови на совет Вобеку. Затем ты сам пойдешь на Гору Грома и доставишь эту новость Райку. Возьми с собой воинов, которым доверяешь, когда отправишься на гору. Если Райку пожелает прийти с вами, у него должна быть соответствующая охрана.

«Которая, если он замышляет какое-нибудь предательство, поймет это сразу».

Воин пять раз грохнул лбом об пол и побежал так, будто всю его родню посадят на кол, если он замедлит бег.

Оставшись один, Чабано снял со стены свой самый лучший щит, тот, что украшен полосками золота и слоновой кости, вплетенными в бычью шкуру. Почувствовав это богатство в руках, он успокоился, и мысли теперь текли быстро и ясно.

Не важно, боги или люди сделали эти трещины. За обоими разломами будет установлено наблюдение, и он немедленно отдаст соответствующие приказы. А в это время основная часть его воинов, а также Райку отойдут к склону горы. Затем, когда враг покажется, настанет время для удара — либо с Живым ветром, управляемым Райку, либо с копьями в руках воинов, в зависимости от обстоятельств.

Битва была неизбежна, к тому же на землях Кваньи, чего Чабано всегда надеялся избежать. Но одно ему давало успокоение: льву проще укусить того, кто сам кладет голову ему в пасть.

Глава 14

Там, где становилось светлее, туннель расширился настолько, что отряд мог идти колонной по четыре или по пять. Поднятое копьё едва ли касалось потолка, а пол был из знакомого мрачного сероватого камня, некрасивого, но гладкого как мрамор.

Конану все не нравилось. Такое пространство говорило о том, что они приближаются к центру сооружения, лежащего под Озером смерти. Это должно было быть также и центром колдовской силы, веками державшей землю и не позволявшей ей засыпать этот лабиринт.

Киммериец задержался, чтобы поговорить с Эмвайей, которая не отставала от воинов, хотя иногда казалось, что она идет во сне. Это как раз происходило с ней, когда Конан подошел. Он пошел рядом с Эмвайей, но не стал ее беспокоить: нельзя мешать даже самому доброму колдуну за работой.

Когда прошло столько времени, что можно было бы съесть хороший кусок баранины, Эм-

вайя встряхнулась, как мокрая собака, и посмотрела на Конана вполне трезвыми глазами. Затем кивнула:

— Оно живое, и оно впереди нас. Я думаю, оно стало сильнее, чем раньше.

Не было нужды спрашивать, что такое это «оно» или опасно ли это. Пожиратель жизненной силы был почти единственным существом, какое сейчас чувствовала Эмвайя, и скорее всего самым опасным сейчас. Но для сорока воинов Золотая Змея — или один из тех зверей, похожий одновременно и на дракона, и на носорога, — будет лишь здоровой разминкой.

Конан поспешил в голову колонны. Увидев, что он торопится, воины ускорили шаг. Конан вынул меч и выставил его поперек перед первой шеренгой отряда.

— Зайдете дальше и получите по затылку своей тупой башки! — сказал он, повысив голос, но не переходя на крик. Но даже так он вызвал эхо, отчего многие воины стали беспокойно оглядываться по сторонам. Однако это также заставило их сбавить шаг.

— Очень хорошо, — сказал Конан. — Этот туннель может проходить прямо под озером и привести нас к хижинам женщин Чабано. Но он может и петлять, как след пьяного крокодила. Подумайте, сколько нам еще идти, и поберегите дыхание!

После этого у Конана не было проблем из-за излишнего рвения воинов, и он мог спокойно пойти рядом. Ничто не предвещало опасности, но глаза киммерийца были постоянно в движении, а рука не покидала рукоять меча. Время от времени он оглядывался, чтобы посмотреть, не почувствовала ли Эмвайя чего-нибудь неблагоприятного.

Темп продвижения был таким, каким обычно ходили воины Ичирибу по ровной земле и когда требовалось прежде всего сберечь силы. Конан решил, что до первого привала они покрыли больше двух лиг.

Киммериец установил посты и дал задание воинам, несшим снаряжение — веревки, крюки, факелы и тяжелые охотничьи копья, — проверить свой груз. Остальным он позволил отдыхать. Несколько сурово брошенных взглядов отбили желание притронуться к тыквам с водой, и никто еще не был голоден.

— Мы, должно быть, проделали полпути до берега Кваньи, — шепнула Валерия. — Если только мы идем туда, куда я думаю.

— Я тоже думаю, что мы идем правильно, — ответил Конан. — Конечно, оба мы можем...

Он прервался, когда донесся звук, похожий не то на крик, не то на плач. Конан обернулся и увидел, что двое воинов бросили оружие и щиты, чтобы поддержать Эмвайю. Ноги ее тряслись,

стоять она не могла, глаза были закрыты, уши она зажала руками.

То, что она слышала, должно быть, было слышно благодаря ее колдовству. В следующее мгновение это услышали все своими ушами.

Камни начали трещать и крошиться, затем обрушивались, наполнив туннель громовым эхом. Теперь не одна Эмвайя зажимала уши.

Рев Конана заглушил шум камней и поднял собственное эхо.

— Следующему, кто бросит оружие, я подам его так, что он не сможет взять!

Воины подхватили щиты и подняли копья. Затем, не дожидаясь приказа, они начали становиться в боевой строй. Несшие снаряжение побросали свой груз и образовали вокруг него кольцо. Эмвайю втащили в это кольцо и положили без особых церемоний на свернутую веревочную лестницу.

— Позаботьтесь об Эмвайе, — сказал Конан. Это был его последний приказ на некоторое время: ни одно его слово нельзя было бы расслышать, и, действительно, слова и не были нужны. Что-то очень большое и совсем рядом, шипя, ползло по камням.

Этот гонец бежал к Сейганко так, будто на нем горит набедренная повязка или по озеру приплыл леопард и гонится за ним. Прибежавший

еще не успел сказать ни слова, а Сейганко уже понял, что стал свидетелем зрелища, не виданного Ичирибу уже многие годы, — он видел, как бежал Добанпу Говорящий с духами.

Он бежал к Сейганко в хорошем для своего возраста темпе и остановился, лишь чтобы перевести дыхание, прежде чем начать говорить:

— Надо сейчас же спустить каноэ. Опасность больше, чем я думал.

— Ты не подумал, отец Эмвайи, если посчитал, что мы можем спустить каноэ сейчас. Едва ли половина из них загружена, и больше трети воинов еще не подошли к берегу.

— Тогда мы отправимся с теми, что у нас есть.

Сейганко осознал всю глубину гнева только тогда, когда почувствовал, как в руке треснуло древко трезубца. Он заставил себя говорить спокойно:

— Кто в опасности?

— Те, кто опустились. Я должен быть ближе к ним, чтобы помочь Эмвайе против угрозы.

— Какой угрозы? — Сейганко не собирался называть отца своей невесты лжецом, так как Добанпу никогда не лгал. Но будь он проклят, если бросит племя в бой готовым лишь наполювину, не зная, на что он его бросил!

— То, что живет под озером — в том месте, где Эмвайя не обнаружила жизни, — надвигает-

ся на тех, кто спустился вниз. Эмвайе понадобится моя помощь, если хочешь одолеть это оружием воинов.

Сейганко понял, что, если дальше будет слушать эти загадки, он лишь потратит время, которого, вероятно, и у него и у воинов не так много. Однако...

— Добанпу, возьми каноэ и шестерых самых сильных гребцов, каких найдешь. Веди их куда хочешь. Я дам приказ остальным ускорить сборы, затем идти следом с двумя каноэ. Добанпу тоже, кажется, понял, что большего он ожидать не может. Он удалился быстрой трусцой.

Сейганко крикнул, подзывая к себе гонцов и барабанщиков фанды. Когда он бежал к берегу, каноэ Добанпу уже сталкивали в озеро и барабанщики вовсю были заняты своей работой. Дробь и гул барабанов разносились над берегом и водой, когда Сейганко запрыгнул в каноэ и схватил ближайшее весло.

Двадцати или тридцати отборных воинов хватит, чтобы защитить Добанпу от любого обычного врага. Близился закат, а ночью Кваньи боялись озера еще больше, чем днем.

Что касается других врагов — если Добанпу с ними не справится, то чем меньше воинов Ичирибу потеряют, тем лучше. Племя не намного переживет своего Говорящего с духами, но воины все же смогут нанести немалый урон людям

Чабано. Это завоеует им честь перед богами и благодарность тех племен ниже по реке, которых Кваньи уже не в состоянии будут подчинить.

Сейганко погрузил весло и запел самую старую и обладающую наибольшей силой военную песню.

Райку слышал сигнальные барабаны с наблюдательного поста, находящегося на холме, который Кваньи называли Большая Тыква. На нем не росли большие тыквы, и формой он на тыкву не походил, так что Райку всегда было интересно, почему этот холм получил свое имя.

Холм этот был, однако, идеальным местом для зоркого наблюдателя, откуда был виден вдаль остров Ичирибу. С небольшой помощью Райку наблюдатели получили возможность видеть даже больше, чем обычно: они видели даже каню, отходящие от острова.

Это, как сообщили Райку барабаны, как раз и происходило сейчас. Он поместил деревянную табличку, которую изучал, в пропитанную травами оленью шкуру, которая защищала и от сырости и от колдовства. Затем обернул шкуру вокруг таблички и положил ее в резной ларец, стоящий в углу комнаты. Этот ларец был той вещью, что он принес с собой, когда пришел на Гору Грома. Это был подарок от человека, кото-

рого он называл отцом, и ларец этот не давал Райку так остро переживать, что у него нет ни клана, ни родства.

Теперь даже сами боги не могли этого сделать. Он стал Первым Говорящим с Живым ветром, несмотря на то что редко использовал этот титул. Его клан и родство теперь неземные, и так должно быть. Если бы он поднялся до ранга Говорящего другим образом, он мог бы чувствовать некоторое родство с другими Говорящими, но теперь они тоже были чужими и ненадежными.

Райку вышел из комнаты, коснулся на счастье мешочка, привешенного к поясу, и отвязал тростниковую занавеску над дверью. Занавеска упала, закрыв дверь, Райку повернулся и направился к пещере Живого ветра.

Шум чего-то ползущего вдруг прервался грохотом, будто в каменную стену ударили тараном. В следующее мгновение Конан понял, что уши его не обманули.

Из бокового туннеля сзади них с грохотом и пылью покатались камни огромного размера. Мелкие камни летели, словно были брошены осадной машиной. Некоторые ударялись о противоположную стену, разбрасывая во все стороны осколки, и попадали в людей. Камни и осколки убили трех воинов, а двух других ранили.

Эти двое стали первой жертвой Золотой Змеи, когда она бросилась из своего логова в туннель.

Зубы ее погрузились в плоть, и человек взвыл в агонии и вскоре обмяк. Зубы были длиной с пальцы Конана и росли из челюсти размером с лошадиную голову, и едва ли было важно, ядовиты они или нет.

Еще один воин погиб, когда хвост чудовища, толще его собственного тела, прибил его к стене. Воин не вскрикнул, но хруст костей ясно сказал о его судьбе.

Остальные воины вскрикнули в ужасе от того, что они увидели дальше. Вокруг обеих тел замерцали жуткие зеленоватые огоньки. Такие, какие можно видеть над зловонным болотом, о каком говорят, что там живет нечисть, и какое умный человек обходит стороной. Они были цвета грязи, плавающей в воде самой застойной лужи в таком болоте. Конан не помнил, приходилось ли ему когда-либо в жизни видеть более тошнотворный цвет.

Он помнил однако, что сзади оставалась Эмвайя и что ее судьба и судьбы их всех переплетены. Конан повернул назад, чтобы добраться до Эмвайи как раз в тот момент, когда она вырвалась из рук воинов, державших ее. Она побежала к Золотой Змее, подняв над головой одну руку, а другой сжимая амулет на груди.

Существо зашипело достаточно громко, чтобы вызвать эхо, и зубастая пасть открылась, так

что Конан смог хорошо ее рассмотреть. Пасть была ребристой и зеленой, кроме тех мест, где она была измазана кровью первой жертвы. В глубине пасти мерцали болотные огни.

Более яркое сияние исходило из глаз Золотой Змеи. В другое время и в другом месте сияние этих драгоценных камней могло бы быть приятным. Сейчас же оно лишь увеличивало общий ужас.

Увидев жест Эмвайи, змея подняла над полом половину своего длинного тела. Ее рогатая морда ударилась о потолок, осыпав гравий и пыль. Хвост замолотил из стороны в сторону, чуть было не сбив носильщика, оказавшегося более дерзким, чем остальные, и пытавшегося забрать свой груз.

От носа до хвоста тварь была, казалось, длиннее небольшой галеры и толще, чем хорошего размера дерево. Золотые чешуи были величиной с оловянный поднос и перекрывали друг друга так искусно, как на лучших аквилонских доспехах. Некоторые чешуи выпцвели до бледно-желтого, даже почти белого цвета. Конан видел, что многие чешуи имели трещины и когда-то были переломлены пополам, затем срослись.

Самый храбрый воин из всех пробежал мимо Эмвайи, закинув щит на ремне за спину и держа копьё в обеих руках. Он подпрыгнул и нанес удар копьём одним четким движением, и наконец исчез между двух бледных чешуй.

Золотая Змея закачалась, как дерево во время урагана. По-прежнему сжимая копьё, воин взлетел в воздух, болтая ногами. Змея пригнула голову, и челюсти ее сомкнулись на ступне воина. Воин не вскрикнул. Вместо этого он собрал все свои силы, чтобы вогнать копьё глубже.

Ему это удалось, но в то же мгновение зубы змеи отрезали ему половину голени. Тогда он вскрикнул, но не упал. Он остался висеть в воздухе, не поддерживаемый ничем, в то время как слишком знакомые зеленоватые огоньки плясали вокруг бьющей из ноги крови.

Наконец воин упал, все еще сжимая копьё. Падение его вырвало копьё из шеи змеи, и оттуда забила зеленоватая кровь. В том месте, где она попала на пол, стал подниматься дым, а там, где она пролилась на труп воина, раздавленного хвостом, плоть обуглилась и отвалилась от костей.

Если Конан и питал раньше сомнения относительно жуткой колдовской силы, притаившейся в этих глубинах, сейчас он больше в этом не сомневался. Он не сомневался теперь, что никогда снова не подвергнет себя опасности ради огненных камней.

Эмвайя отшатнулась и упала ему в объятия, руки ее были выставлены вперед.

— Скорее, — шепнула она, — пусть еще один воин бросит копьё.

— Ты! — крикнул Конан. Железное самообладание, звучащее в его голосе, успокоило воинов. Воин, к которому киммериец обратился, отступил назад и вложил все силы в бросок. Копьё вонзилось недалеко от раны, нанесенной первым воином.

Пластина чешуи треснула пополам, но кровь лишь сочилась. На глазах Конана рана от первого копья затянулась. Лишь пятно крови на шее Змеи говорило о том, что ей вообще нанесли какой-то вред. Другое пятно уже высыхало на полу, недалеко от трупа воина, потерявшего ногу. Уже сейчас были видны кости сквозь плоть воина и сквозь зеленую мерзость, покрывавшую его.

Эмвайя сделала глубокий тяжелый вздох.

— Мы должны сделать так, чтобы она наступала на нас, и каждый раз ранить ее. Нам также следует сохранять расстояние. Она каждый раз залечивает раны, но не полностью. Змея будет терять силы, я об этом позабочусь.

— Сколько времени ей понадобится, чтобы умереть?

Золотая Змея зашипела, бросая вызов и чувствуя боль. Шипение опять отозвалось таким эхом, что Эмвайю нельзя было расслышать, если бы даже она заорала в ухо Конану.

Когда Змея отступила шагов на десять, Эмвайя страстно заговорила:

— Она умрет скоро, если придет мой отец и присоединит свой Разговор с духами к моему. Мы можем отнять у нее возможность забирать железную силу, которой она лечит себя.

Конан произнес мысленно длинный ряд неслестных выражений в адрес колдунов. Их поро-да, кажется, всегда тут, когда они не нужны, и оказывается в другом месте каждый раз, когда в их присутствии есть необходимость.

— Эй! — крикнул он, поднимая меч. — Надо драться с этим зверем, отступая. Носильщики! Занять ряды сзади! В первый ряд самые сильные воины с копьями! Защищайте Эмвайю любой ценой и, во имя всех богов, не приближайтесь к чудовищу!

По лицам было видно, что даже самым храбрым воинам не нужно было последнее напоминание. Конан схватил копье, лежавшее с грузом, и встал в задний ряд, в то время как Валерия подбежала к Эмвайе.

Как один, весь отряд отступил на десять шагов. Побуждаемая этим, Змея опустила голову и двинулась вперед, но не бросилась так дерзко на этот раз. Полетели копье и трезубец. Копье вонзилось глубоко, трезубец отскочил от рога к носу. Метнувший трезубец уже готов был броситься, чтобы подобрать свое оружие, но рев Конана остановил его на полпути.

Это, вероятно, была одна из самых необычных битв, в каких когда-либо участвовал Конан. По-

добные змеи не были редкостью, напротив, они встречались довольно часто, если судить по ранам, полученным от них Конаном. Но он никогда раньше не дрался со змеей, обладающей собственной колдовской силой, и не дрался в качестве вождя отряда воинов.

И хорошего отряда, подумал он, видя, как один из воинов раскрутил пращу и метнул камень. Он метко попал в сверкающий зеленый глаз. Конан ожидал, что глаз скорее рассыплется, чем лопнет, но не произошло ни того ни другого. Вместо этого глаз лишь задрожал, как желе, помутнел на мгновение и снова вспыхнул зеленым.

Существо зашипело, и на этот раз все видели, что оно испытывает боль. Эмвайя до боли прикусила губу, затем закричала, предупреждая:

— Будьте готовы! Сейчас она снова бросится!

Предупреждение спасло жизни по крайней мере трем людям. Огромная голова ударила в то место, где они стояли бы, если бы не присоединились к отступающим. Отойдя на двадцать шагов, отряд остановился, а два воина отстали, чтобы бросить копья. Снова рев Конана спас одного воина от глупости, когда он вздумал ударить тварь дубинкой по носу. Воин присоединился к отступившим товарищам без дубинки и копья, но живой.

Затем отряд отошел еще на тридцать шагов от Золотой Змеи, в то время как Эмвайя размахивала руками и пела так громко, что заглушала шипение твари. Два копия продержались в ранах дольше, чем предыдущие, и поток крови, вытолкнувший их, тоже бил дольше.

Победа может достаться им, понял Конан, несмотря на то, что это битва, какую мог вообразить себе лишь сумасшедший. Победой может оказаться последний воин, стоящий около мертвой Змеи, но эта победа будет все-таки принадлежать им!

Шипение снова отдалось эхом, Эмвайя выкрикнула предупреждение, и смертельный танец начался опять.

Глава 15

Эти каноэ не были самыми легкими или самыми быстрыми среди судов Ичирибу, хотя мастера, делающие лодки, славятся своим искусством среди всех племен вокруг Озера смерти. Гребцы также не были самыми сильными и самыми умелыми.

Сейганко просто приказал первым попавшимся двадцати гребцам занять места в первых попавшихся трех каноэ и отправиться вместе с Добанпу. Вскоре Сейганко начал думать, что ему стоило бы подождать, выбрать лучших гребцов и каноэ, и тогда они двигались бы быстрее. Если они опоздают к месту назначения, Эмвайя может погибнуть — Добанпу выразил это ясно.

Немного позже, однако, Сейганко заметил, что каноэ летят по воде, будто гребут неутомимые боги, никогда не сбивающиеся с ритма. Он оглянулся и посмотрел на Говорящего с духами, сидящего на корме каноэ, и заметил, как тот едва заметно улыбнулся.

Сейганко стало стыдно оттого, что ошибка его была замечена, но также он почувствовал гордость оттого, что Добанпу счел его достойным принять помощь. Или отцом движет лишь мысль о безопасности дочери?

Весла летели вперед-назад так быстро, что за ними, как за хорошо брошенным копьем, глаз не мог уследить, и воины, казалось, не потели и не задыхались. Сейганко вспомнил с беспокойством, что те заклинания, что удваивают силу человека, могут потом сделать его на некоторое время слабым. Этим воинам придется ведь не только грести, но и сражаться еще до того, как наступит закат завтрашнего дня.

А тем временем они пересекли Озеро смерти со скоростью, известной разве что птицам. Добанпу дал знак, Сейганко поднял весло, и гребцы в каноэ перестали грести. Подошли остальные два каноэ и стали рядом.

Вдруг, прежде чем Сейганко успел что-либо сказать или даже шевельнуться, Добанпу встал на корме каноэ, крепко схватил висевший на шее амулет и бросился за борт. Он беззвучно вошел в воду, не вызвав даже тихого всплеска, какой делает ныряющая птица. Несколько мгновений воины видели его ноги, которыми он толкал себя в глубину; затем глубина поглотила его.

Воины подняли шум:

— Старый дурак!

— Куда он?

— Он же утонет!

— Нет, его раньше съест рыба-лев!

— Он же не умеет плавать!

Сейганко криком призвал к тишине.

— Отец моей женщины умеет плавать, это точно. В этой части озера нет голодных рыб именно из-за того существа, с которым он ушел сражаться. А что касается остального — лично я не стал бы называть ни одного Говорящего с духами дураком. Тем более, если бы подумал, что он может вернуться. А если вы все-таки думаете иначе, держите язык за зубами. Или вы забыли, кто вас может здесь слышать? — Сейганко указал на берег Кваньи. Все тотчас замолчали.

Золотая Змея взяла жизнь еще у двоих воинов, пока отряд Конана не приспособился бороться с ней. Всего было десять убитых или раненых, так что они уже не могли сражаться, и остальные воины все более беспокоились. Встреча с врагом, которого нельзя серьезно ранить и, как казалось, невозможно убить, несмотря на все обещания Эмвайи, никак не могла воодушевить их.

Однако воины не утратили ни силы, ни хитрости. Они метались вокруг Змеи, будто мухи вокруг головы лошади, жалея с тем же неумолимым упорством. Некоторые даже пели боевые

песни между бросками на Змею, пока Конан не приказал им беречь дыхание.

Такая дисциплина и храбрость радовали Конана, хотя и не были для него полной неожиданностью. Он уже многие годы знал, что Черные королевства воспитывают хороших воинов, способных биться в любой части света. Он не ожидал встретить столько хороших воинов так далеко от моря, но был счастлив, что встретил. Возможно, останутся всего один-два воина, когда Золотая Змея сделает свой последний вздох.

Раздался крик, когда Эмвайя споткнулась на глянцево́м полу и упала. Но Валерия уже стояла над ней, держа в одной руке меч, а в другой копье, готовая к броску. Еще пять воинов встали впереди Эмвайи, прежде чем Конан успел даже сосчитать их. Сама же молодая женщина ударила́сь головой и стиснула зубы, но волосы спасли ее череп, в то время как руки продолжали делать свои движения, борясь с неприродной жизнью Золотой Змеи.

В следующее мгновение Эмвайя была на ногах, и Конан понял, что Змея не бросилась ни на нее, ни на ее защитников. Либо она узнала опасность оружия в умелой руке, либо ее силы иссякают?

Конан знал, что значит посчитать противника слабым или глупым. Однако ему трудно было поверить, что что-либо, разве только не сама

Гора Грома, может выдержать град ударов, какими осыпал его отряд Золотую Змею.

Вдруг в туннеле снова раздался гром. Конан клялся, что видел, как Змею подбросило на ширину ладони от пола. Он видел, как из рук воинов вырвало щиты, а на потолке появились трещины. Затем всюду вокруг посыпались обломки камня, и воины увидели мокрого Добанпу, стоящего по другую сторону от Золотой Змеи.

Змея вполне могла ощутить потрясение. И уж конечно, его ощутили воины. Однако существо быстро отвернулось и бросилось на Добанпу. Говорящий с духами спокойно стоял, ожидая нападения, вертя в руке амулет. Валерия и воины вскрикнули от ужаса, да и сам Конан не смог сдержать крика.

Бросок не достиг Добанпу. На расстоянии руки от старика голова с клыками резко остановилась, словно на нее накинули аркан и потянули или будто воздух сделался твердым. Добанпу поднял руку, и яркий золотой свет образовал арку между ним и Эмвайей. Свет вошел в Добанпу и исчез, не оставив и следа, кроме, возможно, необычного блеска в глазах, да и то Конан не был уверен, что это не обман зрения.

Вдруг Добанпу развернулся и с удивительной для его возраста скоростью побежал по боковому туннелю, которого никто до этого не заметил. Снова воины вскрикнули в ужасе, но Эмвайя лишь нахмурилась.

— Твой отец сошел с ума? — выкрикнула Валерия. Конан покачал головой. Если Эмвайя не боится, значит, Добанпу что-то задумал. Но удастся ли это — уже другой вопрос.

— Что мы должны делать? — спросил он у девушки.

— Он заманит существо в место, о котором ему сообщили чувства, я думаю. Он израсходовал много силы, чтобы прийти сюда, так что он не сможет убить Змею без помощи. Но в том месте, какое он ищет, он найдет способ лишить ее жизни.

Конан выругал себя за то, что ожидал прямого ответа от человека, занимающегося колдовством. Валерия мрачно поглядела на Эмвайю:

— Ты хочешь, чтобы мы увязались за этой тварью в нору, где она может развернуться и сожрать нас? Доверившись лишь колдовским фокусам твоего отца?

— Да.

— Киммерийский...

— Обзывать будешь потом. А сейчас можешь ли ты поспорить хотя бы на два волоса с твоей головой, что мы останемся в живых, если Добанпу погибнет?

Как всегда, Валерия подчинилась разуму. Она выбежала вперед и, взмахнув мечом, обратилась к воинам:

— Вперед, вы, сучий корм! Змея повернула к нам спину, и это значит, что она бежит!

Воины могли и не понять всех слов Валерии. Те, кто понял, могли и не поверить, что она говорит правду. Все поняли и поверили, что им не следует позволять женщине-оруженосцу Голубоглазого вождя позорить их, бросаясь первой в атаку. Боевые крики отдались эхом, почти таким же сильным, как и громовой удар при появлении Добанпу, и воины Ичирибу бросились вслед за врагом.

Райку взглянул на водоворот света, что и было Живым ветром — или по крайней мере его внешней формой. Райку стоял на самом краю уступа, вместо того чтобы сидеть в кресле Первого Говорящего.

Он никогда не чувствовал себя спокойным в этом кресле, а сейчас еще важнее, чем прежде, не делать ничего, что нарушает собственное спокойствие. Вполне возможно, что это лишь легенда, что Живой ветер чувствует тех, кто боится его присутствия или не уверен в себе, но в этих легендах часто бывает доля правды.

А также Райку не совсем нравилось то, что он видел сейчас, глядя на Живой ветер. То, что Живой ветер не был сейчас прикрыт дымом — скрывать его давно уже стало частью ритуала, —

значило мало. На самом деле Райку специально не стал вызывать дым, посчитав это отжившей традицией.

Оттенки Живого ветра были по-прежнему пунцовыми и сапфировыми, и завихрения образовывали узоры, которые одновременно и притягивали, и отталкивали взор. Но пунцовый казался сейчас цветом крови, в то время как сапфировый постепенно бледнел.

Был слышен отдаленный шум, который, казалось, был всюду и в то же самое время нигде. Чтобы описать этот звук, трудно было подобрать слова. Райку казалось, что если бы пчелы могли петь боевую песню, получился бы звук, похожий на тот, что он сейчас слышал.

Даже запах в пещере Живого ветра изменился. Здесь всегда пахло свежестью и прохладой, несмотря на то что это место находится глубоко под Горой Грома и здесь мало естественных путей для воздуха. Теперь казалось, что пещеру одолевает запах джунглей или по крайней мере запах какой-то жизни.

Почему бы и нет? Райку решил, что Живой ветер по праву получил свое имя, так почему бы ему не принять некоторые из качеств жизни, когда он начал меняться?

Райку придется воспользоваться всеми дисциплинами, какие он изучил, чтобы не чувствовать беспокойства. Опять же, почему это должно

быть неожиданностью? В этой земле действует древняя и могучая колдовская сила, оставшаяся нетронутой веками, и сейчас вполне может быть, что просыпаются сами боги Горы Грома.

Райку решил, что достаточно себя успокоил, чтобы сесть в кресло Первого Говорящего. «Пусть боги просыпаются, — сказал он себе. — Пусть проснутся, и они увидят, что я их друг и мои враги — их враги. Тогда мне не нужен будет даже Чабано, когда моими друзьями будут боги».

Эмвайя разговаривала без слов со своим отцом и жестами указывала дорогу отряду, преследующему Золотую Змею. Воины могли бы обойтись и без указаний, поскольку существо теперь почти непрерывно шипело и оставляло все более обширные лужи крови.

Конан держал язык за зубами. Он не позволял своей надежде расти, тем более надежде отряда. Ложные надежды делают воинов небрежными, а небрежные воины гибнут в битве и не с таким страшным противником, как Золотая Змея.

Отряд бежал, определенно благодаря Эмвайе, быстрее. Действительно, Конан не знал, сколько они уже пробежали и сколько времени воины смогут выдержать такой темп. Носильщики уже дышали тяжело, и легко раненным тоже вскоре потребуется отдых.

Конан не хотел разделять отряд, оставив груз и легкораненых позади. Разделившись в этом подземелье, сможет ли отряд соединиться снова? А Золотая Змея сумеет развернуться и напасть на такую легкую добычу?

Ноздри киммерийца начал щекотать знакомый запах. Не такой, чтобы он вспомнил о нем с особым удовольствием, хотя эти гигантские грибы определенно спасли его и Валерию во время первого подземного путешествия. Если слишком долго питаться чем-то, запах всегда остается в памяти.

Они подходили к еще одной пещере, полной гигантских грибов. Конан подумал, какой цели это может служить, если Золотая Змея явно плотоядное животное. Эмвайя была слишком занята разговором с отцом, чтобы отреагировать, если только не крикнуть ей в самое ухо, но Конан не хотел нарушать ее связи с Добанпу.

Сейчас пол еще круче пошел вниз, лужи зеленой крови стали еще больше. Воинам пришлось сбавить скорость, чтобы не наступить в еще дымящиеся лужи агонии и смерти. Один из воинов, к несчастью, упал и тут же вскочил, подняв покрывшуюся волдырями ладонь над головой будто трофеем.

— Она истекает кровью! Кровь не останавливается! Вперед, братья, прикончим ее!

Вдруг туннель резко свернул, и теперь кровь была не только на полу, но и на стенах. Конан снова пошел вперед, Валерия сразу за ним: может оказаться, что за поворотом притаилась Змея. Даже если Добанпу жив и с ним все в порядке, как и было, если судить по лицу Эмвайи.

Вдруг неожиданно, будто тараном, Змея нанесла головой удар и задела ни о чем не подозревающего воина слева от Конана. Зубы не пронзили его, но рог поддел за плечо и швырнул воина о стену. Конан слышал, как треснул череп.

Киммериец сделал выпад, ударил. Меч глубоко рассек чешую и вошел в горло Змеи. Чешуя разошлась, и хлынула кровь из раны, по длине равной клинку и более глубокой, чем все предыдущие раны.

На этот раз шипение сделалось почти ревом, и послышалось отвратительное бульканье. Капли крови оросили Конана, Валерию, Эмвайю и нескольких воинов. Теперь кровь просто щипала. Конан поморгал, вытер рот тыльной стороной ладони и оглядел клинок меча. Насколько он видел, мечу не было причинено никакого вреда.

Затем они услышали, как из-за змеи кричит Добанпу:

— Приготовьте огонь! Когда я заведу зверя в заросли земляных плодов, бросьте на них огонь!

Конан и Валерия не стали тратить времени на разгадывание смысла слов Добанпу. Змея сейчас извивалась там, где туннель расширялся и наполовину зарос грибами. Взгляд Эмвайи тоже не допускал вопросов.

— Кремень и огниво вперед! И факел! Быстро! — крикнула Валерия.

Подбежал один из носильщиков. Валерия выбила искру и подожгла сухую траву, из которой был сделан факел. Он вспыхнул, и пламя было не естественным — желтым и оранжевым, а имело фиолетовый оттенок, столь же мерзкий, как и кровь Змеи, мерзкий, как колдовская сила, которой пользовалась эта тварь, чтобы иметь жизненную силу.

Валерия выставила факел на вытянутой руке, когда Змея начала медленно пятиться, забираясь глубже в грибы. Конан стал рядом с Валерией, приготовив меч и копье. Он увидел, как Добанпу поднял руку и бросил Змею в морду то, что казалось сгустком ее собственной крови. Киммериец увидел, как Змея бросилась вперед, затем остановилась, погрузив голову в массу грибов высотой в два человеческих роста.

Не успели Добанпу и Эмвайя что-либо сказать, как Валерия кинула факел. Он пролетел над спиной Змеи и упал в гущу грибов.

Взметнулись языки пламени такого же ядовитого оттенка, что и пламя факела. Змея задро-

жала от головы до хвоста и вдруг бросилась вверх, будто пытаясь пронзить потолок и выбраться на волю.

Это ей не удалось. Когда чудовище поднялось, Конан увидел, что из еще открытых ран бьют дым и пламя. Зеленая кровь почернела, затем почернели золотые чешуи вокруг ран. Дым поднимался от тела, шел изо рта и наконец начал бить из глаз. Конан обнял Валерию за плечи и притянул к себе. Он чувствовал, как она дрожит. Киммериец вложил меч в ножны, бросил копье и другой рукой притянул к себе Эмвайю.

Так они и стояли, пока пламя, зажженное ими при помощи колдовства Добанпу, пожирало грибы и Золотую Змею. Тварь до последнего цеплялась за жизнь: она прекратила извиваться лишь тогда, когда чешуя почти вся уже осыпалась. Даже тогда Конану показалось, что он слышит тихий скрежет, словно среди бушующего огня Змея все еще подергивается.

Это были последние признаки жизни Золотой Змеи. Дым начал подниматься такой густой, что Конан и остальные стали повязывать полоски ткани, закрывая рты и носы. Некоторые еще и смочили полоски. Эмвайя глядела на дым, и было ясно, что она беспокоится за отца.

Вдруг из клубов дыма, шатаясь, вышел Добанпу. Он кашлял, будто больной легочной лихорадкой, и почти ничего не видел, так что чуть

не наткнулся на меч Валерии. Валерия и Эмвайя поддерживали Говорящего с духами, пока он прокашливался, затем дали ему напиток. Когда Добанпу снова мог говорить, он кивнул в знак благодарности и сказал:

— Мы должны поспешить отсюда! Я не знаю, ни как долго будет гореть это пламя, ни сколько дыма оно произведет. Все подземелье может сделаться непригодным для живых существ.

— Я просто рада! — воскликнула Валерия. — Мы спаслись от Золотой Змеи не для того, чтобы задохнуться, как кролики в норе!

— Прибереги дыхание для бега, — посоветовала Эмвайя, — тогда, может быть, не задохнешься!

Она впервые после долгого промежутка времени заговорила с прежней резкостью. Конан решил, что это добрая примета, Валерия же посчитала наоборот.

Она тем не менее все-таки последовала совету Эмвайи. Как и остальные, она молчала, когда все спешили по туннелю назад, в то время как дым за спиной становился все гуще.

— Вобеку, — сказал воин Кваньи, — прибыл гонец от наблюдателя у большой трещины.

Вобеку сел на циновку и потряс головой, прогоняя остатки сна. Скоро к нему, возможно,

будут обращаться по титулу. По крайней мере, его перестали называть «перебежчик Ичирибу».

— Что он сообщает?

— Он чувствует дым.

— Дым как от костра?

— Он так говорит.

Вобеку встал и начал надевать боевое снаряжение. Когда он закончил, то совершенно проснулся. И как раз тогда он заметил, что в джунглях тише, чем обычно. Многие из птиц и насекомых не жили вблизи берега Кваньи, но джунгли при луне не были ни безжизненными, ни тихими.

Раньше не были. Вобеку ощутил холод внизу спины. Он почувствовал, что его вот-вот призвут драться с врагом не совсем земным.

— Проследи, чтобы барабаны оповестили Чабано и Райку, — приказал он. — Пусть охрана у меньшего разлома вобьет туда приготовленные колья...

Это будет бесполезно против неземных врагов, но если человек попытается пробраться через эту трещину, ему прежде придется всю ночь проработать топором.

— Собери охрану вокруг большого разлома, — заключил Вобеку. — Близо не подходить, но чтобы каждый воин имел полное вооружение. Мальчиков-носильщиков и женщин отправить в деревню. Немедленно!

Воин чуть было не исполнил жест почтения, адресуемый вождю, но вовремя вспомнил, кому он собирается сделать его. Вместо этого он кивнул и убежал.

Вобеку не побежал, но направился быстрым шагом вниз по тропе, направляясь туда, где, как он знал, может произойти его последняя битва. Не успел он пройти и половины дороги до своего поста, а барабаны уже говорили.

Глава 16

Отряд Конана с удовольствием побежал бы от дыма еще быстрее, чем они бежали от Золотой Змеи. Здесь не надо было останавливаться и бить копьём в пурпурную клюющую стену, наступающую на пятки.

Если бы они только могли дышать! Жар следовал за дымом, и длинные щупальца дыма и жара, казалось, цепляли бегущих, словно лианы. Конан попытался оглянуться, получил удар такого щупальца прямо в лицо и чуть было не зашелся кашлем.

Ноги его бежали сами собой, однако пока он не пришел в себя. Он не запнулся и не упал, как сумели не упасть и большинство воинов отряда. Тех же, кто падали, товарищи поднимали и тащили с собой.

Никто не хотел, чтобы его товарища настигла эта новая опасность. Невозможно представить, что можно остаться живым в этом пурпурном мраке, даже если бы там не мелькали странные силуэты.

Конан видел их, Валерия видела их, и даже Эмвайя и Добанпу согласились, что они там есть.

Двое Говорящих с духами не сказали, однако, чем могут быть эти силуэты. Конан и не ожидал услышать от колдунов большего, но не собиравшись быть грубым с теми, кто спас ему жизнь. Так что он последовал совету Эмвайи и поберегдыхание для бега.

— Свернем здесь, — крикнул Добанпу. Он указал на узкую щель в стене направо. Рядом с ней на полу лежала засохшая грязь, и запах гнили джунглей соперничал с вонью дыма.

Как спасительный выход трещина воодушевляла мало. Но Добанпу был настроен решительно, и пока ему можно было верить. А Конан не собиравшись ждать, пока огонь погаснет сам собой. Тут уже было больше дыма и жара, чем могли бы дать все грибы во всех этих пещерах. Колдовство было в этом пламени, колдовство такого рода, от которого все разумные люди бежали как можно скорее, даже если с ними в компании и был пока что дружелюбно настроенный колдун.

— Наверх! — крикнул Конан, указывая на трещину. Было ли это следствием его авторитета или степени их отчаяния, но четыре воина тут же, не колеблясь, нырнули в пролом. За ними еще четверо, неся веревочные лестницы и другие приспособления для подъема. Следом, опередив других, нырнула туда Эмвайя.

Вой Добанпу заставил ее снова высунуть голову.

— Отец, я могу лазить быстрее тебя. Кто знает, что лежит наверху и какие средства нам понадобятся против этого? Будь готов помочь мне, если я крикну.

Затем она исчезла. Добанпу бешено озирался, уже не колдун, а лишь отец, видящий, как дочь подвергает себя опасности.

— Валерия! — позвал Конан. — Я пойду последним. Ты присоединяйся к авангарду и проследи за Эмвайей.

Валерия отправилась со следующей горсткой воинов. Люди теперь действительно исчезали в щели так быстро, что Конан подумал: неужели путь наверх легче, чем он надеялся. Если они обнаружили ступени...

— Конан! — крикнула Валерия. — Там ступени до самой поверхности и небо наверху. Топронись!

Конана не надо было подгонять. Щупальца дыма начали обвиваться вокруг его щиколоток, затем вокруг коленей, затем вокруг пояса. Он вынул меч и ударил по ним, будто они были живым врагом, и увидел, как они отступили. Но меч его начал нагреваться, и киммериец понял, что, если основная масса дыма окутает его, он погиб.

Добанпу прокричал три резких слога и вдруг покачнулся, будто кровь отлила от головы, но

удержался на ногах. Конан видел, как стена дыма отступила, и почувствовал, что жар уменьшился. Затем Конан почти швырнул Говорящего с духами в щель и сам последовал за ним.

Там действительно были ступени, и — трудно поверить — киммериец видел, как наверху сияют звезды. Он потянул Добанпу к выходу, но Говорящий с духами задержался.

— Я должен восстановить охранительные заклятия на этих ступенях, — проговорил он, — иначе Несущий дым пойдет за нами, настигнет нас на ступенях, сожжет нас, пока мы...

— Как хочешь, — сказал Конан. Спорить с колдуном было еще более бессмысленно, чем сражаться. Киммериец вышел победителем из многих битв с колдунами, но мало кого из них переспорил.

Это заклятие потребовало больше чем трижды три слога. Когда Добанпу закончил, щель за ними была все еще черной от дыма, но щупальца уже не могли прорваться сквозь дым. Воздух на лестнице во время всего пути, пока Конан и Говорящий с духами поднимались, оставался затхлым, но чистым. Они только что поравнялись с последними воинами, как вдруг сверху раздался крик Эмвайя.

Крик донесся через темную гладь озера до каноэ Сейганко. Все находившиеся в первых трех каноэ слышали его, но лишь Сейганко слы-

шал его в своем сознании. Он отчаянно искал смысл в этом крике.

«Эмвайя! Что случилось? Где ты?»

Ответа не было. Сейганко понимал, что, если ее крик достиг его, она должна быть недалеко от берега. Она должна быть близко к поверхности или на самой поверхности земли.

Это не дало ни полезных знаний, ни успокоения. Он опустил весло и оглянулся. Затем Сейганко издал боевой клич и снова погрузил весло.

Без колдовской силы, без всякой помощи, кроме собственных мускулов и пота, его догоняли остальные воины. Сотня лучших бойцов Ичирibu отправилась на берег защищать стада и посевы. Из оставшихся четыре сотни сели в каноэ, чтобы бросить вызов Кваньи на их собственном берегу. Лишь горстка осталась защищать остров.

Будто боевой клич Сейганко был сигналом, на приближающихся каноэ вспыхнули факелы. Казалось, будто по озеру за Сейганко движется линия огня.

Он вынул весло и держал его как копье, пока первое из приближающихся каноэ не поравнялось с его судном. Тогда он подбросил весло, поймал его и снова издал боевой клич. На этот раз воины ответили ему так, что звук заполнил ночь и озеро от берега до берега. Если Кваньи не

знали до этого, кто к ним приближается, то теперь они вряд ли могли оставаться в неведении.

Сейганко снова принялся грести. Недолгое ощущение торжества покинуло его, когда он понял, что больше ничего не слышит от Эмвайи ни слухом, ни сознанием.

Конан бежал через ступеньки, хотя лестница осыпалась и поросла мхом. Однажды он чуть было не оступился и не полетел назад. Он схватился рукой за корень и вовремя удержался, иначе мог бы раздавить собой Добанпу как виноградину.

Ступени заканчивались на расстоянии роста человека от поверхности, но для лучших воинов Ичирибу это не было преградой — они уже стояли на твердой поверхности, когда к ним подошел Конан.

Первое, что он увидел, был падающий воин с копьем Кваньи в бедре. Конан выхватил у него щит, обнажил меч и стал отыскивать глазами Эмвайю и Валерию.

Он обнаружил их у дерева, где они стояли на толстых узловатых корнях, и каждый корень был толще Золотой Змеи. Валерия отбивалась от копий полудюжины Кваньи, в то время как двое других воинов уже схватили Эмвайю. Если бы их товарищи, так озабоченные тем, чтобы добраться

до Валерии, не преграждали им путь, они бы уже убрались с девушкой.

Эти воины резко развернулись, чтобы встретить Конана, и в спешке запутались в своих щитах. Это оказалось роковым для одного из воинов, оставшегося неприкрытым. Конан коротким движением снес голову с плеч незащищенного воина и отошел, чтобы дать телу место упасть.

Остальные Кваньи выстроили свою излюбленную линию из щитов. В следующее мгновение они узнали, что этим искусством могут владеть не только они и не только благодаря обучению Чабано Великим. Конан одно копье выбил мечом, другое — зацепил краем щита и ударил ногой. Он был босиком, но кожа на ногах давно уже стала словно дубленая, так что удар получился очень сильным.

Воин вскрикнул и повалился на товарища, и тот сошел со своего места в строю. Конан сделал обманное движение и заставил этого воина поднять щит. Затем ударил мечом под щитом, ранив в ногу ниже колена.

Мимо ребер Конана прошло копье, чуть не пропоров ему бок, но киммериец развернулся и перерубил древко пополам. Затем он, как бык, бросился на воина, придавив собственный щит противника к груди так, что воину пришлось опустить его, чтобы не заслонять себе глаза.

Последнее, что он увидел, был меч Конана, опускающийся сверху, чтобы рассечь головное украшение, волосы и череп.

Валерия зарубила еще одного противника, и оставшийся воин Кваньи, быстро прикинув соотношение сил после гибели товарищей, бежал в ночь. Конан с силой ударил щитом по спине воина, державшего Эмвайю, и услышал, как хрустнул позвоночник. Валерия набросилась на второго, запрокинула ему голову, вцепившись в волосы, и перерезала ему горло.

Эмвайя была свободна. Она стояла, сжав руки у груди, некоторое время глядя на землю. Затем она будто сбросила тяжесть с плеч.

— Отец?

Добанпу подошел и вытянул руку, чтобы коснуться дочери, словно не веря, что она жива. Она схватила руку и улыбнулась:

— Со мной, я думаю, все в порядке.

— Время удостовериться будет позже, — сказал Добанпу. Он сжал одной рукой амулет, а другой — мешочек у пояса. — Посвященные богу могут быть не теми, что раньше. Я чувствовал ссоры, которые, возможно, ослабили их. Но если у них по-прежнему есть власть над Живым ветром...

Его прервали боевые крики Кваньи. Конан бросил щит, вытер об него меч и выхватил кинжал.

— Живой ветер может подождать. Кто-то совсем рядом имеет власть над воинами!

Конан толкнул Эмвайю в руки отца и крикнул Валерии:

— Найди тропу к берегу и посмотри, сможем ли мы к нему отойти. Здесь оставаться бесполезно. Надо, чтобы за нашими спинами была вода!

Быстроногая, как всегда, Валерия исчезла в ночи. Из зарослей кустарника выбегали воины Кваньи.

Вобеку вел воинов в атаку на врага, выпрыгнувшего из-под земли. Не только честь побуждала идти его к тому месту: он знал, что, если Кваньи добьются победы под его командованием, он заслужит имя воина.

Если бы он бежал быстрее, он мог бы вклиниться в Ичирибу до того, как те успели построиться. Он бы погиб тогда, но ценой жизни выиграл бы время, достаточное для того, чтобы подоспели товарищи и ударили по находящимся в беспорядке Ичирибу. Тогда их не спасли бы ни быстрота, ни искусство, ни сталь киммерийца.

Вместо этого Вобеку вел своих воинов в бой так, как учил Чабано. Он, прежде чем дать команду к наступлению, построил воинов фалангой, и сам вышел вперед лишь в последнее мгновение.

За его спиной строй фаланги Кваньи, выходявшей из джунглей, несколько нарушился из-за того, что воинам пришлось продираться сквозь кусты. Копья, брошенные первый раз, в основном не попали в цель. Одно копьё даже вонзилось в ногу Вобеку. Он в гневе на придурка, попавшего ему в ногу, проорал боевой клич и подождал, пока Кваньи не поравняются с ним.

Камень ударил в его щит. Вобеку сделал шаг вперед и пригнул голову. На этот раз воин перебросил камень на веревке через верхний край щита Вобеку и дернул. Вобеку не выпустил щита, вместо этого он поддался усилию и затем сделал резкий выпад. Воин с камнем погиб, пронзенный в живот копьем Вобеку.

— Йайго! — выкрикнул Вобеку ритуальное слово, означающее, что убит первый воин врага.

В следующее мгновение кто-то чуть было не завоевал право крикнуть так же и над Вобеку. Воин справа от него вдруг исчез, упав в щель в земле. В промежуток, образовавшийся в строю, бросился воин Ичирибу и, сцепившись щитами с Вобеку, стал отчаянно наносить удары во все стороны.

Вобеку получил две легкие раны, прежде чем сам смог ответить копьем. Оно ранило Ичирибу в живот, но не смертельно. Воин даже не поморщился от боли. Он продолжал наносить удары

менее искусно с каждым мгновением, но все так же храбро.

Эта битва доказала Вобеку, что Чабано действительно мудрый вождь. В битве, где каждый воин дерется отдельно, Вобеку часто не удавалось развить все силы и убить врага. Он опасался, и не без причин, атак с флангов и тыла. В строю же Кваньи его фланги были защищены, даже в такой мелкой битве. А если бы была и обычная вторая линия за спиной, то безопасность была бы обеспечена и сзади.

Вобеку снова нанес удар — и чуть было не упал, когда его удар встретил лишь воздух. Он поглядел в пространство, где только что был противник, и заметил, что остальные Кваньи делают то же самое. Будто при помощи колдовской силы Ичирибу исчезли. Перед Кваньи лежали лишь несколько тел и упавшее оружие, и едва ли половина из этого принадлежала Ичирибу.

Воины Чабано были живы, но драться было не с кем. Вобеку взмахнул большим копьем, приказав нескольким воинам подойти к трещине в земле и посмотреть, что может там быть. Они не обнаружили ничего, кроме отпечатков ног, которые ясно указывали на то, как Ичирибу пришли.

Пришли при помощи колдовства? И если пришли при помощи колдовства, не могли ли они так же и исчезнуть? Вобеку опустил на колени

и стал обследовать землю с искусством охотника. В темноте это было нелегко, но он понимал, что факелы лишь выдадут их притаившимся Ичирибу.

Его ночное зрение наконец пробилося сквозь темноту, и он разглядел следы, ведущие к берегу. Следов было много, и на некоторых из них были видны отпечатки ритуальных шрамов кланов Ичирибу.

Вобеку подозвал лучших следопытов, дал им новые копья и послал вперед. Им было приказано выведать, куда ушли Ичирибу, и сообщить об этом, но воздержаться от схватки. К барабанщикам был послан гонец, и вскоре барабаны снова заговорили.

Что бы ни делали Ичирибу под землей, дело сделано. Теперь они, скорее всего, намереваются удержать берег для высадки товарищей с каноэ. Вобеку собирался показать врагу, что для безопасности им нужно не только то, чтобы за их спинами была вода.

Ночное отступление по незнакомой местности — это самый сложный маневр на войне, или, по крайней мере, так слышал Конан от тех, кто заслужил право говорить. Киммериец принимал участие и как воин и как капитан в достаточном количестве таких предприятий, чтобы верить в правоту этих слов.

С плохо организованными людьми, говорят, это невозможно, но Ичирибу не были плохо организованы. Все воины, которые могли стоять на ногах, когда они прервали битву, дошли до берега. Некоторые еле шли, двоих несли товарищи, но все были на месте.

Однако воинов, способных драться, осталось, как видел Конан, меньше двадцати. Битва с Золотой Змеей взяла свою жертву еще до нападения на Кваньи. Кваньи, конечно, тоже погибло много, тем не менее Конан не сомневался, что соотношение сил не в пользу его отряда.

Замысел этой битвы требовал, чтобы Ичирибу взяли под наблюдение тропы, ведущие к берегу, чтобы сделать засаду и напасть тогда, когда воины Чабано бросятся в бой. Придя к берегу в беспорядке, воины Чабано не успеют выстроиться в свою знаменитую фалангу.

Замыслы, думал иногда Конан, хороши для богов, священников и чиновников. Воины же должны обходиться удачей и острым клинком.

Взгляд, брошенный на озеро, приободрил киммерийца. Каноэ Ичирибу с пылающими факелами неслись к берегу. Их будет видно сейчас со всего берега Кваньи, даже с Горы Грома. Кваньи узнают, что им грозит, но знание это заставит их спешить.

Спешка на войне — это палка о двух концах. Приди первым, и победа будет твоя. Приди пер-

вым, но в беспорядке и слабым, и твой авангард будет людьми, выброшенными зря.

Шорох заставил Конана резко обернуться и поднять меч, готовый тут же разрубить темноту. Из темноты возникла фигура, и Конан опустил клинок.

— Сейганко! Рад встрече.

— Я тоже, киммериец. Что с Эмвайей?

Конан улыбнулся. Военный вождь Ичирибу в первую очередь спрашивает о женщине. Киммериец подумал, будет ли у него самого снова такая женщина. У него не было такой после Белит... и уж конечно, не может такой женщиной быть Валерия!

— Устала, но с ней все в порядке. Валерия охраняет ее. Как ты пришел сюда так, что мы тебя не видели?

— Несколько каноэ затушили факелы и тихо подгрести. Я привел тридцать воинов. Неожиданность стоит многого.

Это действительно так, но сотни других воинов, которые сейчас, несомненно, болтаются кругами, ожидая сигнала Сейганко, тоже кое-чего стоят. Нужна ли Сейганко неожиданность или слава — слава, купленная ценой крови киммерийца?

Никогда ничего хорошего не происходило из ссоры вождей перед самой битвой. Конан сдержал свой язык, зная, что если Сейганко оказался

слишком дерзким, то он тоже не увидит следующего рассвета.

— Хорошо. Иди спроси Добанпу, на сколько им можно подойти.

— Как Добанпу?

— Тоже устал, но с ним все хорошо. Он опасается, что в сегодняшних делах могут принимать участие боги Горы Грома. Лучше не посылать твоих воинов без его защиты.

Сейганко явно хотел узнать больше, но Конан отослал его к Говорящему с духами, который мог более понятно, чем киммериец, рассказать о битве под землей. Сам же Конан нашел пень, не совсем сгнивший и способный выдержать его вес, сел и принялся чистить оружие.

Такие затишья обычно долго не длятся. Отряд его бросил вызов людям, больше чем людям, и враги обоих видов объявятся довольно скоро. Конан знал, однако, что никому не было вреда от того, кто встречает врага чистым мечом.

Глава 17

Барабаны, гонцы и собственные глаза давали Чабано неопределенные сообщения.

Барабаны и гонцы говорили Чабано, что Ичирibu переправляются сейчас через озеро. Гонцы сообщили, что, благодаря измене или, возможно, колдовству, отряд врага вынырнул из-под земли и удерживал часть берега для высадки основной силы.

Чабано надеялся, что это не измена. Это создаст ему врагов из тех родов, чьи воины погибли, если из-за доверия Вобеку пролилась кровь Кваньи. По крайней мере, число погибших ничтожно, даже если Вобеку сумел погубить воинов.

За спиной Чабано бежали более пятисот воинов Кваньи. Каждый нес щит и три копья, какие придумал вождь и с какими научил воинов обращаться. Когда они доберутся до берега, это будет даже не битва.

Его очень удивляло, что он ничего не услышал от Райку. Первый Говорящий, безусловно,

должен знать обо всем, что происходит, в том числе и об используемом колдовстве — и не только этим выжившим из ума Говорящим с духами Добанпу.

Это не очень важно. Пусть у Добанпу хватило сил против духового ружья Вобеку, у него вряд ли хватит сил против пятисот лучших воинов Кваньи. У него будут торчать копья из горла и живота еще до того, как он успеет пролепетать достаточно заклятий, чтобы убить и козла!

Конан пошел во главе отряда, предназначенного для засады. Сейчас киммериец сидел на корточках под выступающим аркой из-под земли огромным корнем и пытался найти людей, которых привел. Чем меньше он их найдет, значит, тем лучше изучили они науку маскировки.

Одного он нашел и тихо свистнул, затем указал на куст, который спрячет воина лучше. Воин три раза треснул лбом о землю. Конан чуть было не обругал его за то, что он ставит этикет выше послушания, но воин тут же перекатился в новое укрытие.

Как только воин исчез, до ушей киммерийца донесся топот множества бегущих ног. Конан вынул кинжал и положил свободную руку на кучку камешков, которые он насобирав в ручье.

Работа будет тонкая, слишком тонкая для меча, и чем тише получится, тем лучше. Если несколько десятков Кваньи умрут, даже не успев сообразить, что им грозит смерть, Чабано очень трудно будет собрать оставшихся в живых до того, как Сейганко высадит всех своих людей на берег. Не поможет и дисциплина, насажденная Чабано, хотя для этого отряду Конана придется почти жонглировать живыми змеями. Но ведь этим и заканчивается большинство сражений, и неважно, как они были начаты.

Топот ног Кваньи нарастал, затем начал стихать. Через несколько мгновений наступила тишина. Мало кто, кроме Конана, мог слышать тихий звук дыхания множества людей, команды, отдаваемые шепотом.

— Они все еще приближаются, — сказал он тихо сидящему рядом с ним воину. — Передай это следующему, и пусть каждый смотрит и назад.

Если Чабано что-нибудь заподозрил, он вполне мог остановить основную колонну и послать разведчиков осмотреть кусты по обеим сторонам. Кваньи потеряют время, но сохранят воинов. И конечно, они могут очень сильно навредить Конану и его людям.

Конан отдал шепотом другую команду:

— Когда нападаете, забудьте о тишине! Кричите и вопите, надрывайте глотки...

— Чтобы поверили, что десяток — это сотня? — прошептал в ответ воин. Киммериец кивнул.

Снова послышался шум шагов, но сейчас воины Кваньи шли, а не бежали. Конан взял камешек и приготовился бросить его.

Показался первый Кваньи. Конан дал пройти ему и еще десятерым, идущим следом за ним. Десятому брошенный камень попал в рот. Воин попятился, выплевывая кровь и зубы, и натолкнулся на воина Ичирибу. У этого воина было короткое копье, которое он всадил в спину Кваньи.

— Й-а-а-а-а-а! — заорал Конан и выпрыгнул на тропу. Он нанес удар кинжалом, отстранив копье, в грудь Кваньи, так что жертва не успела даже поднять щит. Киммериец схватил еще один камешек и швырнул его вдоль тропы, туда, где толпились воины, готовясь к атаке.

Однако чем больше они напирали, толпясь, вперед, тем меньше оставляли себе места, чтобы двигаться и драться. Конан приложил все старания, чтобы найти такое место, где тропа была узкой, а местность по сторонам ее непроходимой. Чабано лишь помогал, поскольку необходимость спешки подавила рассудок.

Конан и дюжина его воинов достаточно долго создавали неразбериху в голове колонны. Настал момент, когда Конан, бросив свой последний

камень и услышав, что он попал в щит, выхватил меч. Меч и кинжал мелькали в руках Конана, словно обрели собственную жизнь, когда киммериец врезался в первый ряд Кваньи.

Через пространство, которое расчистил Конан, ринулись его товарищи, коля копьями и размахивая дубинками. В то же время камни, трезубцы, упавшие ветви и все остальное оружие, попавшее под руку, оставляли свой след на флангах Кваньи.

Теперь Конан больше всего надеялся на то, что вперед выйдет сам Чабано. Обычай племени и характер самого Чабано заставят его вступить в поединок с Конаном. Исход этого поединка может быть только одним.

Засада может закончить битву и даже войну победой Ичирибу. Конан немного отступил, сохраняя защиту — двигаясь так, чтобы сделать себя более трудной мишенью для копий — и отыскивая Чабано.

Наконец он заметил человека, который, без сомнения, был вождем... в то самое мгновение, когда под ногами дрогнула земля.

Райку совершил все ритуалы для вызова Живого ветра так, будто всосал их с молоком матери. Он был исполнен гордости и отваги. Он знал, что не подвергает себя опасности, совер-

шая ритуалы в одиночку, такова наконец была его сила.

Однако цветá Живого ветра не сделались прежними, разве что на короткое время. Снова в пунцовом был мрачный оттенок, а сапфировый был бледен. Станный звук и еще более странный запах исчезли, но память о них осталась в мыслях Райку. Он должен был оттолкнуть эти мысли — так, как отталкивают кабана, проткнутого копьем, — чтобы они не нарушили его уверенности.

Теперь настала очередь для самого ответственного ритуала. Вывод силы Живого ветра полностью за пределы Горы Грома уже проделывали. Это можно сделать снова. Если это осуществить, то Живой ветер кинется на Ичирибу, и они будут уничтожены, так что Кваньи не придется пачкать кровью ни единого копья.

Нет, сказал себе Райку, он не допустит никакого «если» у себя в мыслях. Он точно вызовет Живой ветер и пошлет его вперед.

Райку сел прямо и поднял в одной руке посох, а в другой — тыкву с хитро смешанными травами. Он повесил тыкву на конец посоха и взял из нее щепоть трав.

Правила ритуала и здравый смысл подсказали Говорящему начать лишь с малой порции трав. Райку склонился вперед, разжал пальцы и высыпал смесь в пространство. Травы исчезли

почти тотчас, растворившись на фоне клубящихся разводов цветов Живого ветра, и даже сами не узнали, когда достигли поверхности вихрей.

Райку, однако, узнал, когда пещеру потрянуло, как сосуд из сушеной тыквы, брошенный о каменную стену. Райку сжал посох и потянулся другой рукой к тыкве, чтобы убрать ее в безопасное место.

Извивающаяся колонна пунцового и сапфирового, ярких как всегда, взметнулась от основного тела Живого ветра. Она приблизилась к тыкве, коснулась ее и схватила с конца посоха Райку.

Райку вскрикнул, поднялся на ноги и поспешил к краю уступа, чтобы посмотреть. В нем вспыхнуло удивление, граничащее со страхом, ослабив дисциплину его ума. Он попытался схватить тыкву, когда колонна начала опускаться, унося ее с собой.

Он даже коснулся тыквы... но колонна поднялась снова и сделалась пунцово-сапфировым пламенем, которое обвилось вокруг его кисти. Он закричал, издал животный вопль агонии, когда пламя стало пожирать руку.

Боль и всепоглощающий страх заставили Райку забыть, что он стоит на краю уступа. Он качнулся, одна нога зависла над пустотой. Он взмахнул рукой, пытаясь ухватиться за камень,

почувствовал, как гнутся и ломаются ногти, и сорвался.

То, что Райку чувствовал раньше, было ничто по сравнению с тем, что он почувствовал, когда Живой ветер поглотил его. И рев вихря был слишком громким, чтобы кто-нибудь мог услышать крики.

— Ко мне! Назад, отходим по тропе, козлы незаконнорожденные!

Крики Конана собрали отряд Ичирибу, находившийся в засаде. Некоторые воины бросились в лес, так как путь назад преграждал враг. Оставшиеся в живых присоединились к Конану.

Больше беспокоясь о скорости, чем о собственном достоинстве, они понеслись по тропе, и она дрожала у них под ногами. Сзади повалилось дерево, к счастью никого не задев. Тогда Конан остановился, пропустив всех вперед, и стал разглядывать Кваньи.

Он боялся, что в панике, стараясь убраться со склона, враг раздавит его воинов, сметет их, благодаря простому численному перевесу. Теперь этого не произойдет, несмотря на то что впереди шел Чабано. Они приближались в хорошем темпе, оставив пожилых воинов и мальчиков подбирать убитых и раненых и, вероятно, охранять линию отступления.

Очень возможно, что смерть Чабано отнимет у Кваньи не только сердце, но и голову... что очень хорошо, если только у Конана появится малейшее представление о том, как это осуществится. Личный вызов приведет лишь к тому, что Конан будет валяться проткнутый десятками копий еще до того, как Чабано его услышит!

Киммериец побежал в хвосте отряда, который неся по тропе, чтобы соединиться со своими товарищами. Он не любил бегать, но бывают времена, когда хорошая пара ног становится лучшим оружием воина.

Когда Ичирибу бежали, они заметили, что землетрясение, по-видимому, прошло, но в небе над Горой Грома возникло странное сияние.

Чабано пропустил дюжину воинов вперед, чтобы те первыми перепрыгнули через упавшее дерево. Сейчас не время рисковать и напороться на копье какого-нибудь отчаянного Ичирибу, притаившегося за деревом.

Копья не полетели. Чабано высоко подпрыгнул, как прыгал, когда был мальчиком. Приземление сказалось острой болью в колене и напомнило вождю, что он все-таки не мальчик, но он не упал. Копье лежало на плече, щит был в руке, и Чабано снова находился впереди воинов, когда вдруг заметил, что небо меняет цвет.

Оно сделалось пунцовым и сапфировым — и Чабано вспомнил, что это цвета Живого ветра. Кажется, Райку все-таки вывел на свободу силу Живого ветра, и как раз вовремя! Если Кваньи придется драться вдоль всей тропы, а затем встретиться со свежей основной силой противника, после сегодняшнего сражения ни в одном из племен не останется достаточно людей, чтобы заселить и деревню!

— У-а-а-а-й-а! — крикнул он. Кваньи подхватили клич и повиновались приказу. Ноги забарабанили по твердой земле, воины закричали от чисто животного удовольствия, и копыта забили о щиты.

Тем временем сияние наверху больше не покрывало половины неба. Оно сжималось, в то время как цвета становились гуще и ярче. Также казалось, что цвета завихрялись и плясали, как водовороты в потоке. Затем они сжались, приняв форму шара такого яркого, что на него было больно смотреть.

Чабано поднял копьё и щит, чтобы Живой ветер видел его знаки отличия и знал, кому подчиняться. Райку действительно все сделал хорошо. Он передавал власть над Живым ветром самому Чабано! Бедный дурачок Райку — он представить себе не мог, как мало надежды получить ее обратно.

Чабано переполняла радость. Он подбросил свое копьё к небу, когда клубящийся шар

пунцового и сапфирового направился прямо к нему. Свет и копье встретились — и там, где было копье, остались лишь обгорелые обломки и капли расплавленного металла. Они посыпались на Чабано, и удивление и боль в равной мере заставили его вскрикнуть, когда капля металла прожгла кожу на плече.

Воины за его спиной тоже вскрикнули, и он понял, что некоторые из них повернули, чтобы бежать. Вождь развернулся, хватая свое металлическое копье, поклявшись себе пронзить им первого, кто выйдет из колонны. Но вместо одного он увидел, что бежит десяток, и это было последнее, что он вообще видел. Прежде чем он успел бросить копье, Живой ветер был вокруг вождя.

Как и Райку до этого, Чабано вопил, пока Живой ветер поглощал его, но никто не слышал этих воплей — одни из-за того, что сами умирали, а другие из-за того, что в ушах их пульсировала кровь от быстрого бега.

Почти все воины Конана добрались до берега, когда увидели на холме огонь. Сам киммериец был еще на тропе с одним товарищем. Он послал этого воина вперед, а сам отыскивал хорошее укрытие, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Земля затряслась снова, сильнее, чем прежде. Конан услышал треск падающего дерева и крики

придавленных воинов Кваньи. Он также слышал, как кричат остальные Кваньи, и отнюдь не боевой клич.

Как ни мало ему нравилось приближаться к колдовским силам, еще меньше он любил оставаться в неведении относительно того, с каким врагом ему предстоит столкнуться. Держа меч в руке, он вышел из укрытия — и обнаружил, что ему не надо делать и шага, чтобы ответить на вопрос, что же происходит выше на тропе.

Некое существо из бурлящего пунцово-сапфирового света, формой напоминающее человека, но высотой с храм, шагало по тропе. Там, где его — назовем их так — ноги касались земли, поднимался дым, который Конан так хорошо запомнил в подземелье.

Те же самые силы, что и под землей, были сейчас на свободе на Горе Грома. Почему — Конан не знал и не интересовался этим. Он надеялся лишь, что Кваньи, хотя они и враги, сумели бежать. Смерть в таком обличье он не пожелал бы и стигийцу!

Конан ринулся вниз по склону, минуя тропу, зная, что существо может легко последовать за ним, если захочет, но надеясь, что оно предпочтет более легкий путь по тропе. Призрак, казалось, был достаточно осязаем, чтобы не пожелать продираться до берега через лес, где деревья толще его ног.

Если бы Конан бежал, спасая собственную жизнь, киммерийское нежелание подставлять врагу спину могло бы замедлить его бег. Но поскольку он бежал, спасая жизни Валерии и всех друзей Ичирибу, то он неся по склону словно днем по ровной местности.

Колдовской свет, падающий от чудовища, несколько облегчал задачу, но все же оставалось много теней и слишком много деревьев, притаившихся в этих тенях. Дважды Конан чуть не оглушил себя, оставил клочья кожи и части одежды на коре и ветках, но, когда вывалился, шатаясь, весь в крови и непрестанно ругаясь, на открытый берег, все же сохранил при себе оружие.

Он вышел на берег немного севернее того места, где собрались теперь Ичирибу. Свет факелов ясно давал понять, что они выстроились, чтобы встретить врага в образе человека.

Конан выругался еще громче, чем раньше. Копья поднялись, и головы повернулись.

— В каноз! — заорал он. — Копьями не справиться с тем, что идет сюда. Скорее на воду, и будем надеяться, что оно не умеет плавать!

Стройная женщина с потемневшими от дыма волосами выбежала из круга:

— Конан, мы думали, оно сожрало тебя!

У киммерийца и его женщины-оруженосца было лишь несколько мгновений, чтобы обнять-

ся, после чего каждый из них повел отряд воинов для охраны отступления.

Сейганко выкрикивал приказы другим воинам, чтобы они бежали к каноз, когда вперед вышел Добанпу. По тому, как Эмвайя сжимала руку отца, было ясно видно, что он собирается сделать что-то, чего она не одобряет. Заметив Конана, Добанпу подозвал его рукой:

— Конан! Прикажи своей женщине-оруженосцу охранять мою неразумную дочь, пока я не сделаю свою работу.

— Свою работу? — Конан понимал, что говорит как полудурок, но в этом деле он действительно понимал не больше полудурка.

— Я не могу велеть духам прогнать Живой ветер и тем более уничтожить его. Возможно, у меня могла быть такая власть когда-то или даже сейчас, если бы я не участвовал в битве под землей. Но я могу вызвать битву духов так, что они за меня сделают работу, как слоны, топчущие вражескую деревню.

— Он должен... — визжала Эмвайя.

— Сейчас ты должна молчать, а потом стать для Ичирибу хорошим Говорящим с духами, — сказал Добанпу. — А также хорошей женой Сейганко, который этого заслуживает.

Затем Добанпу сбросил с себя головное украшение и одежду. На нем остались лишь амулет, набедренная повязка и мешочек, когда он

отправился, с достоинством царей, к началу тропы.

Он достиг подножия склона несколькими мгновениями раньше чудовища. Какое-то время человек и создание магических сил, казалось, глядели друг на друга. Затем Добанпу прыгнул — легко, как мальчик-бедуи, — и высоко взмыл.

Он взмыл выше, чем это может сделать человек при помощи одних лишь мускулов, растрчивая остатки колдовства на то, чтобы ударить привидение в грудь. Конан ожидал увидеть, что Добанпу отскочит от существа и упадет на землю, как порванная кукла, и будет раздавлен и превращен в месиво. Вместо этого, казалось, он прилип к существу как муха, севшая на мед.

Вокруг него обвился дым... и Добанпу исчез. Какое-то мгновение Конану казалось, что он полуослепленными глазами видит темную фигуру человека внутри чудовища. Затем даже это исчезло.

А мгновение спустя то же самое произошло с самим существом. Оно исчезло с громовым ревом, который, Конан не сомневался, был слышен и в Боссонии. Волна воздуха, выброшенная чудовищем, срубила деревья под корень, перевернула каноэ и сбила с ног почти всех людей, стоявших на берегу.

Конан и Валерия врылись руками и ногами в песок так, как они вцепились бы в рею во время шквала. Зажмурив глаза, чтобы в них не попал летящий песок и гравий, они могли судить о том, что происходит, лишь по звуку, а слышен был в основном лишь вой ветра.

Наконец ветер стих. С криками, однако, того же не произошло. Конан встал на четвереньки и увидел, что Ичирибу спешно бегут от участка на берегу, покрытого расплавленным камнем. Лава текла из разлома в земле в том месте, где, как решил Конан, стояло существо в момент своего уничтожения.

Когда поток лавы достиг озера, взметнулся пар. Пар поднимался также и из джунглей, несомненно из того места, где Конан с отрядом вышел по ступеням из туннелей. Вдруг Валерия схватила Конана за руку и указала на воду.

Само озеро бурлило, водовороты возникали и мгновенно исчезали, летели брызги, билась живая рыба, и множество мертвой рыбы качалось на поверхности. Часть каноэ Ичирибу пылала, захваченная лавой, в то время как другую часть отнесло бурлящей водой от берега.

Конан мог на многое поспорить, что туннели в глубине наконец потеряли колдовскую силу и сейчас проигрывали битву против веса земли. Это покончит в подземельях с огнем и любыми дышащими воздухом существами, но как насчет

водяных жителей? Погибнут ли они тоже с исчезновением колдовской силы или останутся жить и наполнят собой Озеро смерти?

Конан закричал на одного воина, собиравшегося нырнуть в озеро и доплыть до унесенного потоком каноэ. Затем киммериец увидел, что вдоль берега шагает Сейганко и отгоняет людей от воды.

Конан отряхнул Валерию от песка, потом то же сделала и она с ним.

— Ты в крови, — сказала она. — Я думаю, там должны быть какие-нибудь мази.

— Лучше пусть идет кровь. Я предпочитаю держаться подальше от воды, пока не спросим у Эмвайя о том, что произошло.

— Если она знает.

— Ты видела ее лицо. Отец, могу поспорить, сказал ей, что он собирается сделать с... Живым ветром.

Валерия содрогнулась. Вдруг у нее в руке снова оказался меч, когда воин в головном украшении Кваньи и с татуировкой Ичирибу медленно поднялся из кустов!

— Вобеку! — сказали вместе Конан и Валерия.

Предатель держал руки на виду.

— Великие вожди, поступайте со мной как вам будет угодно, когда выслушаете меня. Я хочу передать подчиненных мне людей на милость Ичирибу и их вождей. Я могу также на-

звать имена тех младших вождей Кваньи, с которыми можно будет говорить о мире между двумя племенами.

Конан и Валерия переглянулись. Они знали о вражде между кланами Кваньи. Если Чабано мертв, что более всего вероятно, то Ичирибу могут использовать эту вражду и заключить мир на выгодных условиях.

— Мальчиков-бедаи убил ты или Аондо? — спросила Валерия.

— Аондо.

Конану почему-то показалось, что это правда.

— Это решат Сейганко и Эмвайя, — сказал киммериец. — Ложись на свой щит, чтобы никто не проткнул тебя копьем, пока мы не вернулись. Прикажи своим людям не попадаться на глаза. И моли богов, чтобы ты сказал правду!

Вобеку поклялся несколькими страшными клятвами, но с определенным достоинством, которое, как решил Конан, делает ему честь, затем принял позу покорности.

— Теперь нам лучше поспешить к Сейганко, а то кто-нибудь проткнет нашего будущего миротворца, — проворчал киммериец, ускоряя шаг. — А я думал, что наша работа закончена!

— Мы не можем отыскивать реку, пока озеро снова не успокоится, — напомнила Валерия. — Да и я не из тех, кто сидит без дела, когда другие работают.

— Но потом...

Она обняла его.

— Вниз по реке к Торговому берегу. У меня еще остались эти огненные камни, а поскольку к ним не прилагается Золотая Змея, на них мы можем купить корабль.

— Себе купи корабль, — ответил Конан. Прикосновение Валерии все так же волновало его кровь, но он слишком хорошо знал и другие стороны характера пиратки. — Если мы вдвоем окажемся на одном корабле, мы перессорим весь экипаж. Да я и так хотел побыть на суше и подождать, пока бараханцы забудут имя Кона-на-киммерийца.

— Они, может быть, и забудут, — сказала Валерия с довольной улыбкой. — Но только не я.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	37
Глава 3	65
Глава 4	91
Глава 5	119
Глава 6	150
Глава 7	179
Глава 8	195
Глава 9	212
Глава 10	231
Глава 11	260
Глава 12	285
Глава 13	301
Глава 14	314
Глава 15	329
Глава 16	345
Глава 17	360

Литературно-художественное
издание

Роланд Грин

**КОНАН
И ЖИВОЙ ВЕТЕР**

*Перевод с английского
А. Митрофанова*

*Разработка карты
Сергея Троцкого*

*Художественный редактор
Павел Борозенец*

*Технический редактор
Татьяна Раткевич*

*Корректоры
Татьяна Виноградова
Елена Шнитникова*

*Верстка
Антон Вальский*

ЛР № 030129 от 2.10.1991

Подписано в печать с оригинал-макета 13.07.95.
Формат издания 70×100¹/₃₂. Печать высокая. Гарнитура Таймс.
Тираж 30 000. Усл. печ. л. 15,5. Изд. № 44. Заказ № 1300.

Издательство «Азбука».
198013, Санкт-Петербург, а/я 226.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Грин Р.

Г85 Конан и Живой ветер: Роман/ Пер. с англ.
А. Митрофанова. — СПб.: «Терра» — «Азбу-
ка», 1995. — 384 с.

ISBN 5-300-00044-2

Удача сопутствовала Конану, он миновал Зброшен-
ный город и оторвался от шайки убийц, которая шла по его
следу. Но в тот момент, когда варвару показалось, что все
позади, он столкнулся с силой, против которой бессильны
меч и амулет.

Издательство "АЗБУКА" приглашает всех любителей героической фантастики в

КОНАН-КЛУБ

Конан-клуб — это некоммерческий проект, целью которого является популяризация сериала.

Членство в клубе дает возможность покупать книги о Конане без торговой наценки в клубных магазинах в Петербурге и Москве.

Только членам клуба будут рассылаться бесплатные каталоги, а в дальнейшем — специальный клубный журнал.

Чтобы получить подробную информацию о **КОНАН-КЛУБЕ**, заполните анкету и пришлите ее по адресу: 198013, Санкт-Петербург, а/я 226.
КОНАН-КЛУБ издательства "АЗБУКА"

АНКЕТА

Да, я хочу стать членом **КОНАН-КЛУБА**.

Меня зовут

Я проживаю по адресу:

Пришлите мне подробную информацию о правах и обязанностях членов **КОНАН-КЛУБА**.

Дата

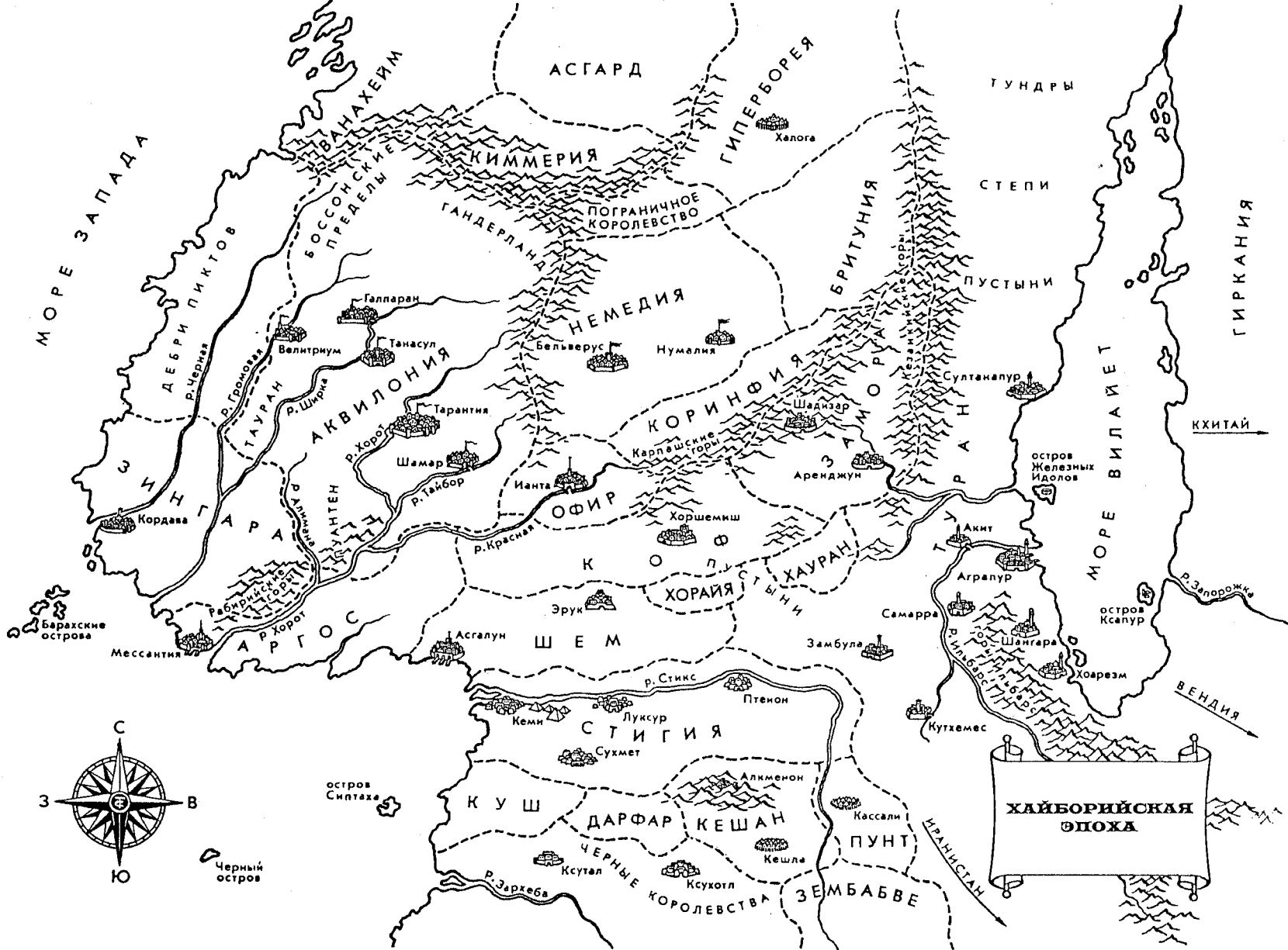
Подпись

*В издательстве "АЗБУКА" вышли
следующие книги о приключениях
Конана:*

1. Конан идет по следу.
2. Конан против Звездного Братства
3. Конан и Секира Света.
4. Конан Разрушитель.
5. Конан и Осквернители Праха.
- 6. Конан и Живой ветер.**

В ближайшее время выйдут:

7. Конан и сокровища Пифона.
8. Конан Изменник.
9. Конан на дороге войны.
10. Конан в цитадели Мрака.
11. Конан Гладиатор.
12. Конан Великий.

CONAN

Их звали Конан и Валерия —
варвар и женщина-пират.

Они бежали от погони, и дорога привела их
в самые древние во всем Хайборийском мире горы.

Там, в холодных пещерах, обитали
Неведомые Существа, которые, казалось,
были старше самих небес.

Самым опасным из Неведомых был Живой Ветер,
что выжигал душу человека, оставляя тело
живым, но безвольным.

Меч из доброй киммерийской стали
и чудодейственные амулеты
были бессильны против этого Ветра.

Смертельная опасность нависла над Хайборией,
и в беспощадной схватке сошлись

КОНАН

И

ЖИВОЙ ВЕТЕР